

ЙОН КОЛФЕР

АРТЕМИС ФАУЛ

ПАРАДОКС
ВРЕМЕНИ

SHOUT
SHARE **IT**

- Содержание:

- Глава первая.
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- ГЛАВА 6
- Глава7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава десятая.
- Глава 11
- Взрывать?
- Глава 12
- Глава 13.
- Эпилог

Содержание:

Артемис Фаул. Парадокс времени.

Глава первая.

Эспрессо и патока

Артемис сидел в кожаном кресле, перед Беккетом и Майлсом. Его мать лежала в кровати с легкой простудой, отец был с врачом в ее комнате, а он, держа в руке книгу, развлекал близнецов. Разве есть лучшее развлечение для детей, чем уроки?

На нем была небрежно одетая небесно-голубая шелковая рубашка, легкие светло – серые шерстяные брюки и мокасины от Гуччи. Темные волосы были зачесаны назад, и он пытался улыбаться, обращаясь к детям.

– Артемису нужно в туалет? – спросил Беккет, сидя на корточках посреди тунисского ковра. На нем был только испачканный травой жилет, который он пытался натянуть на колени.

– Нет, Беккет, – сказал Артемис. – Мне просто трудно выглядеть веселым. А на тебе одет подгузник?

– Подгузник, – фыркнул Майлс, который научился в возрасте четырнадцати месяцев строить лесенку из энциклопедий, чтобы достать до унитаза.

– Нет подгузника, – надулся Бекетт, хлопая по все еще жужжащей мухе, застрявшей в завитках его липких светлых волос. – Бекетт ненавидит подгузник.

Артемис сомневался, что няня забыла одеть на Беккета подгузник, и задумался над вопросом, где этот подгузник находится сейчас.

– Очень хорошо, Беккет, – продолжал Артемис. – Давай пока отложим тему подгузника, и перейдем к сегодняшнему уроку.

– Шоколад на полках, – сказал Бекетт, подняв палец, показывая воображаемый шоколад

– Да, хорошо. На полках может лежать шоколад.

– И кофе эспрессо, – добавил Бекетт, у которого были странные вкусы, например кофе эспрессо и патока. В одной и той же чашке...

Однажды он съел несколько ложек этой смеси, пока ее не забрали у него. Малыш не спал двадцать восемь часов.

– Мы будем изучать новые слова, Артемис? – спросил Майлс, который хотел поскорей вернуться к банке с плесенью в его спальне. – Я вместе с Профессором Приматом провожу эксперименты.

Профессор Примат – это плюшевая обезьянка, «подопытный кролик» в лаборатории Майлса. Забавная игрушка, занимавшая большую часть его времени, была помещена в мензурку из

боросиликатного стекла и стояла на лабораторном столе.

Артемис запрограммировал голос обезьяны, чтобы она отвечала на голос Майлса двенадцатью фразами, включая, «Оно живое, живое!» и «История запомнит этот день, Профессор».

– Ты скоро сможешь пойти в свою лабораторию, – сказал Артемис одобрительно. Майлс принадлежал к числу людей, которым с рождения суждено стать выдающимися учеными-натуралистами. – Итак, мальчики, я подумал, что мы могли бы поговорить немного о поведении в ресторане.

– Чихаешь, как червь, – сказал Бекетт, который не хотел выбыть из разговора.

Артемис был почти поражен этим замечанием. Черви меньше всего подходили на роль блюда из меню, улитки – еще куда ни шло, но черви...

– Забудьте о червях, – попросил он твердым голосом.

– Забыть червей! – сказал Бекетт, испугавшись тона брата.

– Только на время, – успокаивающе сказал Артемис. – Как только мы закончим нашу игру в слова, вы можете думать о том, что о чем захотите. И, если вы будете хорошо играть, я возьму вас посмотреть на лошадей.

Верховая езда была единственным видом спорта, которым Артемис занимался. В основном потому, что лошадь делала большую часть работы. Беккет указал на себя пальцем.

– Беккет, – сказал он гордо, – Черви уже забыты.

Майлс вздохнул.

– Простак.

Артемис начинал сожалеть о том, что начал этот урок, но начав, он уже был настроен довести его до конца.

– Майлс, не называй своего брата простаком.

– Хорошо, Артемис. Но ему нравится. Ты – простак, не так ли, Беккет? Простак Беккет, – сказал маленький мальчик счастливо.

Артемис сложил ладони вместе.

– Право, братья. Начинаем. Представьте себя за столом в ресторане «Монтмар».

– В Париже, – добавил Майлс, самодовольно выправляя шейный платок, который он взял у отца. – Не так ли?

– Да, это в Париже. Подумайте, что вы будете делать, чтобы привлечь внимание официанта. Итак, что вы сделаете?

Младенцы безучастно уставились на него, и Артемис начал сомневаться, не задал ли он слишком сложный вопрос. Он был удивлен, когда увидел искру понимания в глазах Беккетта.

– Хмм...Сказать Дворецки «прыгни ему на голову»?

Майлс был впечатлен.

– Я согласен с тобой, простак.

– Нет! – сказал Артемис, – ты должен поднять указательный палец и...

– Почесаться?

– Что? Нет, Беккет, не почесаться, – Артемис вздохнул, это было невыносимо. Невыносимо. И почему он не может провести вечер, внедряя новую флеш-карту или модифицируя лазерную указку, которой можно осветить все, что угодно или прожечь насквозь любой стальной лист.

– Давайте попробуем вместе. Поднимите указательный палец и скажите «hi, garzon». Теперь вы...

Мальчуганы сделали так, как им сказал брат, они стремились удовлетворить странные, по их мнению, запросы Артемиса.

– Hi, garzon, – пухлые пальцы близнецов поднялись в воздух, а потом губы Майлса проговорили еще два слова, обращаясь к своему брату-близнецу. – Артемис простак.

Артемис поднял его руку. – Я сдаюсь, вы победили, больше никаких уроков! Почему бы нам не порисовать.

– Отлично, – сказал Майлс. – Я должен покрасить свою банку с плесенью!

Беккет выглядел обеспокоено. – Я ничего не выучу, не так ли?

– Нет, – сказал Артемис. Подумав, что брат расстроен он проявить нежность и взъерошил брату волосы и тут же пожалел о своем поступке. – Ты ничего не узнаешь.

– Хорошо. Теперь Беккет счастлив. Смотри, – и мальчик показав на себя продемонстрировал самую счастливую улыбку.

Когда их отец входил в комнату, три брата лежали, растянувшись на полу. Он выглядел утомленным, но передвигался, как прирожденный атлет, не смотря на искусственную био-гибридную ногу. Искусственный титановый протез крепился к кости уцелевшей части ноги, и Артемис старший управлял ею с помощью нервных импульсов, поступающих на датчики имплантата. Иногда в конце дня ему приходилось использовать специальный гель, что бы уменьшить раздражение, но в остальное время он вел себя как, будто нога его собственная.

Артемис младший поднялся на колени, его одежда была запачкана каплями краски.

– Я прекратил учить их французским словам и присоединился к игре близнецов, – он усмехнулся, вытирая руки, – Фактически, почти освободил от занятий. Вместо этого мы рисуем пальцами. Я попробовал прочесть лекцию по кубизму, но вместо благодарности они меня обрызгали.

Тут он заметил, что отец выглядит не просто уставшим, а еще и озабоченным какой-то проблемой. Артемис старший прошел

мимо близнецов и подошел к большому, до потолка, книжному шкафу.

– Что случилось? Состояние мамы ухудшается?

Артемис старший держал одну руку на лестнице и за счет нее переносил вес тела с протеза на здоровую ногу, выражение лица было просто неопишимо, Артемис Второй никогда не видел такого выражения у отца. Это была не просто озабоченность, это был страх.

– Отец?

Артемис старший ухватился за перекладину с такой силой, что древесина закрипела и затрещала. Он открыл рот, что бы что-то сказать, но передумал. Теперь сын тоже был обеспокоен.

– Отец, ты должен сказать мне!

– Конечно, – сказал его отец. – Я должен сообщить тебе.

Но сразу после этих слов из глубоких синих глаз Артемиса старшего выкатилась слеза.

– Я помню, как я впервые встретил твою мать, – сказал он. – Я был в Лондоне, на небольшой частной вечеринке у Айви. Комната была полна негодяев, а я был самым главным. Она изменила меня, Арти. Она забрала мое сердце, а затем вернула вместе со своим. Она спасла мою жизнь. А теперь...

Артемис вдруг почувствовал слабость. Кровь застучала в ушах, как атлантический прибой.

– Мама умирает, отец? Это ты пытаешься сообщить мне?

Идея казалось просто смешной и бредовой. Это невозможно!

Его отец моргнул, как будто просыпаясь, возвращаясь из воспоминаний.

– Нет, Фаулы так просто не сдаются, а сын? Время отработать свою репутацию, – глаза Артемиса старшего ярко заблестели, но в них сохранялось отчаяние, – Мы должны сделать все возможное сын. Все, что требуется.

Артемис почувствовал, как его охватывает страх.

– И что мы должны сделать?

«Спокойно», – сказал он себе. – «Тебе хватит сил».

Хотя у него и не было на руках всех фактов, он был уверен, что болезнь матери связана с волшебством, а он был единственным человеком на земле, который этим самым волшебством обладал.

– Отец, – спросил он осторожно. – Доктор ушел?

Казалось вопрос озадачил Артемиса старшего, но он вскоре ответил.

– Ушел? Нет. Он рядом, я подумал, что ты захочешь задать ему пару вопросов.

Доктор Ганс Шелк – ведущий в Европе эксперт по редким

заболевания, а не простой практикующий семейный врач. Естественно Артемис старший послал за ним, как только состояние Ангелины Фаул стало ухудшаться. Доктор стоял в прихожей под гербом Фаулов, около его ноги стоял крайне потрепанный кожаный саквояж, напоминая гигантского жука. Он завязывал пояс на своем сером дождевике и резко разговаривал с ассистенткой.

Все в докторе было острым, от V-образного выступа волос на его лбу до носа и скул, похожих на лезвие бритвы. Голубые глаза за двойными линзами очков казались огромными, а рот кривился слева направо, когда он говорил.

– Все симптомы, – сказал он, акцент выдавал в нем немца. – По всем базам данных. Вы понимаете?

Его ассистент, молодая дама, одетая в дорогой серый костюм, кивнула несколько раз, внося инструкции в свой карманный компьютер.

– По университетам тоже? – спросила она.

– Как я сказал, – Шолк сопровождал каждое слово нетерпеливым кивком, – Разве я не сказал – по всем базам данных? Разве вы не понимаете мой акцент? Это потому что я недавно прибыл из Германии.

– Простите, доктор, – сказала помощница с раскаянием, – Конечно, все.

Артемис подошел к Шолк и протянул руку, но доктор не ответил на этот жест.

– Заражение, мистер Фаул, – сказал доктор без тени сочувствия. – Мы не определили чем, но независимо от этого ваша мать заражена.

Артемис сложил пальцы за спиной в замок.

– Я с вами не знаком, доктор. Будьте так любезны, опишите симптомы моей матери.

Доктор раздраженно выдохнул. – Хорошо, молодой человек, но знайте, я не привык общаться с детьми и не даю ложных надежд.

У Артемиса внезапно пересохло в гортани.

– Симптомы вашей матери, возможно, уникальны, – сказал доктор Шелк. – Все, что я могу сообщить, что ее органы разрушаются.

– Какие органы?

– Все, – сказал доктор. – Мне нужно перевести сюда оборудование из моей лаборатории в Университете. Очевидно, что вашу мать перевозить небезопасно. Моя ассистентка, Имоджен, мисс Бук, посмотрит за ней до моего возвращения. Мисс Бук не только хороший секретарь, но и отличная медсестра,

хорошее сочетание, не правда ли?

Боковым зрением Артемис видел суетливые движения мисс Бук, она что-то записывала в своем КПК. Эта медсестра-секретарь не вызывала у него доверия, а этому человеку он собирался доверить свою мать.

– Все органы моей матери поражены? Абсолютно все?

Шолк не имел привычки повторяться. – Это мне напоминает волчанку, но более агрессивное течение, чем обычно, в сочетании с тремя стадиями болезни Лайма. Подобные симптомы я видел у одного Амазонского племени, но не такие серьезные. При таких условиях вашей матери осталось жить несколько дней. Откровенно говоря, я даже сомневаюсь, что мы успеем провести все тесты. Что бы вылечить ее нам нужно чудо, но, учитывая мой огромный опыт, я могу сказать, что чудес не бывает.

– Возможно и бывают, – рассеяно сказал Артемис.

Шелк поднял свой саквояж. – Доверьтесь науке, молодой человек. Она послужит вашей матери лучше, чем какие-то чудеса.

Артемис проследил за тем, как доктор сделал дюжину шагов в сторону своего старинного Мерседес Бенца. Автомобиль был серым, как грозовые тучи.

«Нет времени на науку», – подумал молодой ирландец. – «Магия – мое спасение»

Когда Артемис вернулся, он увидел своего отца, сидящего на ковре, и Беккет ползал по нему как обезьяна.

– Теперь я могу увидеть Мать? – спросил Артемис.

– Да, конечно, – промолвил Артемис старший. – Можешь сходить посмотреть симптомы, чтобы знать, что искать.

– Искать? – задумался Артемис. – Видимо впереди тяжелые времена.

Огромный телохранитель Артемиса, Дворецки, стоял у подножия лестницы в полной броне для Кэндо, защитная маска помялась после его занятий.

– Я занимался самбо, был в спарринге с самим собой, – объяснил он. – Ваш отец отослал мне сообщение, что я нужен немедленно. Что случилось?

– Это мама, – сказал Артемис, – Она серьезно больна. Я собираюсь посмотреть, что я могу сделать.

Дворецки поспешно шел за господином, гремя бамбуковыми планками.

– Будьте осторожным сэр. Магия это не наука. Вы не можете управлять ею, смотрите, как бы матери не стало хуже.

Артемис поднялся вверх по большой и широкой лестнице. Подойдя к спальне матери, он остановился, как вкопанный.

– Я боюсь, что хуже уже быть не может, – сказал он.

Артемис оставил телохранителя за дверью, что бы тот мог избавиться от хон-нури: шлема и нагрудника. Под броней он был одет в тренировочный костюм, вместо привычных брюк. Грудь была мокрой от пота, но Дворецки проигнорировал свое желание пойти в душ. Оставшись стоять под дверью, он старался не подслушивать.

Дворецки был вторым человеком, полностью посвященным во все волшебные авантюры Артемиса. Но Артемис совершил путешествие во времени в Затерянный мир и изменился после него. Теперь один его глаз стал коричневым, своего рода подарок взамен его собственного голубого. Во время путешествия Артемис украл у эльфа пару крупиц магии, атомы которой смешались с его атомами в потоке времени. После возвращения из Затерянного мира Артемис наложил на родителей волшебный гипноз, чтобы они не задумывались об его отсутствии в течение последних нескольких лет. Это был не очень изощренный план, поскольку его исчезновение произвело сенсацию в мире и Фаулы наняли детективов, чтобы найти его. Но пока Артемис не смог получить у ЛеППРЕКОНа оборудование, стирающее память или придумать что-нибудь подобное сам, этого должно было хватить. Он внушил родителям, если их спросят о нем, они должны будут просто заявить, что-нибудь вроде этого: «Это семейная тайна. Уважайте нашу личную жизнь».

«Артемис – человек с волшебными способностями», – подумал Дворецки. – «Единственный в мире».

Теперь он собирался использовать свою магию, что бы излечить мать. Это была опасная игра, магия не была свойственна ему от рождения, не являлась его естественной частью. Мальчик вполне мог стереть часть симптомов и заменить их другими.

Артемис медленно вошел в спальню родителей. Близнецы бывали здесь в любое время дня и ночи, прыгая сразу на кровать под балдахином чтобы побороться с матерью или отцом, но Артемис никогда не испытывал этого. В его детстве были только строгость и дисциплина.

Отец требовал, перед тем как войти, постучаться. Это показывает твоё уважение. Но за последние семь лет он изменился, понял что главное. Теперь он был всегда готов обнять или поиграть с его любимыми сыновьями.

– Слишком поздно для меня, – подумал Артемис, – я слишком взрослый для игр с отцом.

Его мать всегда была другой. Она никогда не была холодна с ним, кроме того времени, пока она была в депрессии из-за исчезновения отца. Но магия и возвращение ее любимого мужа спасли ее, и теперь она снова стала сама собой. Или была до сих

пор.

Артемис медленно пересек комнату, боясь увидеть то, что лежало перед ним. Он осторожно прошел по ковру, стараясь не наступать на рисунок виноградной лозы в ткани.

Не становись на виноградную лозу и сделай девять шагов.

Это была привычка детства, старое суеверие, которое иногда шептал его отец. Артемис никогда не забывал про него и старался сделать ровно девять шагов, не наступая на рисунок, чтобы отпугнуть неудачу.

Кровать под балдахином на четырех столбиках стояла в дальнем конце комнаты, наполненной светом, пробивающимся из-за драпировок на окне. Легкий ветерок слегка колыхал шелк балдахина, как паруса пиратского судна.

Рука матери свисала с кровати. Бледная и тонкая.

Артемис ужаснулся. Только вчера его мать была прекрасна. Немного простужена, но тогда она улыбалась и могла смеяться.

– Мать, – вырвалось у него, когда он увидел ее лицо.

Это было невозможно. За прошедшие 24 часа его мать превратилась в скелет. Ее скулы заострились, как кремь, а под глазами появились темные круги.

– Успокойся, – сказал Артемис сам себе. – Через несколько секунд матери станет легче и тогда я смогу разобраться, что здесь случилось.

Дивные волосы Ангелины стали спутанными и тонкими и теперь напоминали паутину, отлетающую ее подушку. В комнате стоял легкий запах, исходящий от нее.

– Лилии, – подумал Артемис, – Болезнь со сладким запахом.

Ее глаза внезапно открылись, как будто в панике. Она резко выгнулась назад, стараясь вдохнуть через сжатые зубы и хватая воздух скрюченными пальцами. Так же внезапно она успокоилась. Один ужасный миг Артемис думал, что это предсмертная агония. Потом ее веки задрожали и она протянула своему сыну руку.

– Арти, – сказала она. Ее голос был не громче шепота. – Это напоминает странный сон.

Хоть она и говорила короткими предложениями, но потребовалось много времени, чтобы она закончила фразу, поскольку каждое слово ей давалось с трудом.

Артемис взял мать за руку. Какой же тонкой она была! Только кости, обтянутые кожей.

– А может, я бодрствую и все остальное – это моя фантазия.

Артемису причиняли боль слова матери. Это напоминало ему время, когда она была в депрессии.

– Вы не спите, мать, и я – здесь. У вас легкая лихорадка и небольшое обезвоживание, но причин для беспокойства нет.

– Как я смогу бодрствовать, Арти, – спросила Ангелина, ее глаза были светлыми пятнами в черных кругах, – когда я чувствую, что умираю? Как я могу бодрствовать, когда я чувствую это?

Эти слова пошатнули притворное спокойствие Артемиса.

– Это лихорадка, – он запнулся, – Вы смотрите на мир несколько странно. Скоро все будет хорошо. Я обещаю.

Ангелина закрыла глаза. – И мой сын держит свое слово, я знаю. Где ты был последние годы, Арти? Мы так беспокоились. Почему ты не выглядишь на семнадцать?

В бреду Ангелина Фаул увидела правду, несмотря на волшебство. Она поняла, что он исчез на три года и совершенно не повзрослел за это время.

– Мне четырнадцать, мать. Почти пятнадцать, пока еще ребенок. Теперь закройте ваши глаза и когда вы откроете их снова, все будет хорошо.

Что ты сделал с моими воспоминаниями, Артемис? Откуда ты взял такие силы?

Артемис вспотел. Тепло комнаты, запах болезни, его собственное беспокойство.

Она знает. Мать знает. Если он ее вылечит, вспомнит ли она?

Это не имело значения. С этим можно будет разобраться позже. Главным в его жизни должны быть родители.

Артемис сжимал хрупкую руку в своих ладонях, чувствуя, как кости трутся друг об друга. Он собирался использовать магию на своей матери во второй раз.

Магия не была естественной для Артемиса и вызывала головную боль всякий раз, как он ее использовал. Но хоть он и был человеком, магия, все же, оказывала некоторое влияние на него. Ему приходилось принимать таблетки от морской болезни, когда он незваным входил в дом, а в полнолуние Артемис часто находился в библиотеке, слушая музыку на максимальной громкости, чтобы заглушить голоса в своей голове. Большая колония волшебных существ, имела мощную расовую память, которая всплыла подобно приливной волне, принося с собой еще и мигрень.

Иногда Артемис думал о захвате магии, как об ошибке, но недавно симптомы прекратились. Больше мигрень и тошнота его не беспокоили. Возможно, его мозг приспособился к жизни волшебного народца.

Артемис, держа осторожно пальцы матери, закрыл глаза и отбросил все сомнения.

Магия. Только магия.

Магия была дикой силой, и ее нужно было направлять. Если

бы Артемис позволил себе расслабиться, то все волшебство могло обернуться так, что когда он открыл бы глаза, его мать была бы еще больна, но волосы ее стали бы другого цвета.

– Исцеляй,- подумал он. – Все будет хорошо, мать.

Магия среагировала на его желание, с легким гудением растекаясь по его рукам, покалывая их. Синие искры кружились вокруг его запястий, подобно крошечным пескарям на мелководье. Казалось, что они живые.

Артемис вспоминал о матери в расцвете ее сил, создавал мысленный образ. Он видел ее светлую кожу, глаза, сияющие счастьем. Слышал ее смех, чувствовал, как она его обнимает. Вспоминал, как сильно Ангелина Фаул любила свою семью.

– Это – то, что я хочу.

Искры чувствовали, что он хочет, и текли в Ангелину Фаул, проникая через кожу ее ладоней, запястий, окружая, подобно веревкам ее руки. Артемис с силой выталкивал магию, и река волшебных искр текла от его пальцев к матери.

– Исцеляйте, – думал он, – вытесните болезнь.

Артемис использовал свою магию раньше, но на этот раз все было по-другому. Он чувствовал какое-то сопротивление, как если бы тело его матери не желало исцеляться. Искры шипели на ее коже, мигали и гасли.

– Больше, – подумал Артемис. – Больше.

Он вытолкнул поток искр, игнорируя внезапную мигрень и сильную тошноту.

– Излечите мать.

Магия закутала его мать, подобно египетской мумии, и приподняла на пятнадцать сантиметров над матрасом. Она дрожала и стонала, пар шипя вырывался из ее пор, поскольку его коснулись синие искры.

– Ей больно, – подумал Артемис, открывая один глаз. – В агонии. Но я не могу прекратить это сейчас.

Артемис погрузился глубоко в себя, ища остатки волшебства.

– Все. Дайте ей каждую искру.

Магия не была врожденным свойством Артемиса, он украл ее, но теперь он отдавал все, чтобы исцелить свою мать. И все же это не помогало. Даже больше. Болезнь усиливалась. Синие искры как бы отбрасывались вверх, к потолку.

– Что-то неправильно, – подумал Артемис, тошнота подступила к его горлу и резкая боль пронзила его левый глаз, – Это должно было происходить не так.

Последняя капля магии с силой покинула его тело, и Артемис слетел с материнской постели, кубарем пролетел по полу и растянулся напротив шезлонга. Ангелина Фаул скрючилась на

кровати, а затем резко распрямилась. Ее тело окружал толстый слой странной прозрачной слизи. Искры мерцали и умирали, касаясь этого странного покрова, которое растекалось вокруг так же быстро, как и появилось.

Артемис лежал, обхватив голову руками, ожидая пока хаос в его голове утихнет, неспособный двигаться или думать. Звук его собственного дыхания, казалось, усиливал головную боль. В конце концов, от боли осталось лишь эхо, и слова, путаясь и перебивая друг друга, собрались в предложения.

– Магия ушла. Истощилась. Я полностью человек, – пронеслось в его голове.

Артемис услышал, как заскрипела дверь спальни, и открыл глаза. На пороге стояли Артемис старший и Дворецки, беспокойство, отражавшееся на их лицах, смутило его.

– Мы слышали грохот. Ты, должно быть, упал, – сказал Артемис старший, поднимая сына за локоть. – Я не должен был разрешать входить тебе сюда одному, но я подумал, что возможно ты сможешь что-нибудь сделать. Я знаю, что у тебя есть кое-какие таланты. Я надеялся... – он поправил рубашку сына и погладил его по плечу. – Это было глупо с моей стороны.

Артемис пожал плечами, сбрасывая руку отца, и, спотыкаясь, подошел к постели матери. Потребовался один взгляд, чтобы убедиться в том, что он и так знал. Он не вылечил свою мать. Даже слабого румянца не появилось ее щеках, а дыхание не стало спокойнее.

– Ей стало хуже. Что я наделал?

– Что это? – спросил отец. – Что, черт возьми, произошло с ней? С такой скоростью моя Ангелина уже через неделю будет...

– Нет, – довольно резко прервал его Дворецки. – У нас осталось несколько старых связей, которые могли бы пролить свет положение Миссис Фаул. Люди, с которыми в другом случае мы предпочли бы не связываться. Необходимо найти и привести их сюда как можно скорее. Думаю, не стоит обращать внимание на такие мелочи, как паспорта и визы.

Артемис старший кивнул.

– Да. Да, черт возьми. Это еще не конец. Моя Ангелина – борец, не так ли, дорогая?

Он осторожно взял ее руку, как если бы она была сделана из прекрасного кристалла. Ангелина не реагировала ни на прикосновение, ни на голос.

– Я разговаривал почти с каждым практикующим врачом в Европе о моих фантомных болях в ноге. Возможно, один из них сможет помочь нам.

– Я знаю человека в Китае, – сказал Дворецки. – Он работал с

Мадам Ко в академии телохранителей. Он совершает чудеса с помощью трав. Живет в горах. Он никогда не был за пределами провинции, но думаю, если я попрошу, он приедет.

– Хорошо, – сказал Артемис старший. – Чем больше мнений мы услышим, тем лучше. – Он повернулся к сыну. – Слушай, Арти, ты знаешь кого-нибудь, кто сможет помочь? Любого. Возможно, у тебя есть несколько контактов в преступном мире?

Артемис повернул довольно вычурное кольцо на среднем пальце, так, чтобы камень на нем оказался на ладони. Это кольцо на самом деле было замаскированным средством связи с эльфами.

– Да, – сказал он. – Есть у меня пара знакомых.

Глава 2:

Самый большой в мире.

Гавань Хельсинки, Балтийское море

Гигантский морской монстр, кракен, пускал закрученные в спираль щупальца по поверхности океана, таща позади свое раздутое тело. Его единственный глаз маниакально крутился в глазнице, и его кривой клюв, размером с нос шхуны, был широко открыт, фильтруя мчащуюся воду через его слегка пульсирующие жабры.

Кракен хотел есть и только для одной единственной мысли хватало места в его крошечном мозгу, когда он плыл к парому.

Убить... Убить... Убить...

– Это – такое гномье дерьмо!- сказала Капитан Подземной Полиции Элфи Малой, приглушая звуковой файл в ее шлеме. – С одной стороны, кракен не имеет щупалец, и что касается убить... убить... убить...

– Я знаю,- сказал Жеребкинс, контролирующий ее миссию через коммуникатор. Я думал, что ты могла бы наслаждаться этим пассажем. Просто посмейся. Помнишь, как смеяться?

Малой было не смешно. – Это настолько типично для людей, Жеребкинс, взять кое-что совершенно естественное и демонизировать это. Кракены – нежные существа, а люди превращают их в каких-то смертоносных гигантских кальмаров. Убить... Убить... Убить. Ох, увольте.

– Да брось, Элфи, это – просто вымысел. Ты знаешь людей и их воображение. Расслабься.

Жеребкинс был прав. Если бы она выходила из себя каждый раз, когда человеческие СМИ представляли в ложном свете мифологическое существо, она провела бы половину жизни в

гневе. За столетия вершки мельком видели волшебный народ, и изменили правду об этих встречах почти до неузнаваемости.

Выбрось это из головы. Есть приличные люди. Например, Артемис и Дворецки.

– Ты видел человеческие фильмы с кентаврами? – спросила она кентавра, находившегося на другом конце коммуникатора её шлема. – Они были благородны и спортивны. Мой меч для Вашего Величества, и только потом для охоты. Стройные кентавры – вот это действительно меня рассмешило.

За тысячи миль, где-то в мантии Земли под Ирландией, Жеребкинс, технический консультант Подземной Полиции, протер свое брюшко.

«Малой, не язви. Кобылина любит мой животик.»

Жеребкинс женился, или сцепился как кентавры, называли эту церемонию, в то время как Малой была далеко с Артемисом Фаулом, спасала демонов в Затерянном мире. Много изменилось за эти три года, пока она была далеко, и иногда Малой было трудно вспомнить об этом. У Жеребкинса была новая невеста, занимавшая его время. Ее старый друг Труба Келп был повышен до Командующего ЛеППРКОНа, а она вернулась к работе в Корпус особого назначения в оперативной группе «Часы Кракена».

– Извини, друг. Это было грубо, – сказала Элфи. – Я тоже люблю твое пузо. Извини, что не заметила утягивающего пояса на тебе.

– Я тоже. В следующий раз.

Элфи улыбнулась.

– Уверена. Это случится.

Традиционно, кентавры-мужчины, берут больше чем одну невесту, но Кобылина была современным представителем волшебного народца, и Малой сомневалась, будет ли она терпеть новую кобылу в своей семье.

– Не волнуйся, я шучу.

– Ты должна вести себя лучше, потому что я встречаюсь с Кобылинной на курорте в эти выходные.

– Как твое новое устройство? – сказал Жеребкинс, поспешно меняя тему.

Элфи широко раздвинула руки, ощущая, как ветер струится сквозь ее пальцы, видя как сверкает Балтийское море внизу среди синих и белых волн.

– Оно замечательно, – сказала она. – Совершенно замечательно.

Капитан Элфи Малой, офицер ЛеППРКОНа летела широкими, ленивыми кругами над Хельсинской гаванью, наслаждаясь свежим скандинавским воздухом, проникающим в ее шлем. Было

только 5 часов утра по местному времени, и лучи встающего солнца замерцали золотистым светом на луковице купола Успенского собора. Уже заблестели фары на знаменитом городском рынке, поскольку прибыли продавцы, чтобы рано утром открыть торговлю, и помощники нетерпеливых политических деятелей пробирались к сине-серому фасаду здания муниципалитета.

Цель Элфи находилась далеко от того, что вскоре стало бы шумным центром торговли. Она сделала движение пальцами, и датчики в ее бронированных перчатках перевели движения в команды для механических крыльев на спине, постепенно снижаясь к маленькому островку Юнисаари, который находился в половине мили от порта.

– Датчики тела хороши – сказала она. – Очень чувствительны.

– Они максимально приближают наши возможности к возможностям птиц, – сказал Жеребкин. – Ты не хочешь их имплантировать?

– Нет, спасибо, – сказала резко Элфи. Она любила летать, но недостаточно чтобы позволить хирургу ЛЕППРКОН залезть в ее мозжечок.

– Очень хорошо, Капитан Малой, – сказал Жеребкин, переключаясь на деловой разговор. – Предэксплуатационная проверка. Три Ws пожалуйста.

Три Ws были контрольным списком офицеров Разведывательного корпуса особого назначения перед приближением к зоне операции. Крылья, оружие и путь домой. (Wings, weapon и way home).

Малой проверила прозрачные индикаторы на экране ее шлема.

– Заряд энергии полный. Оружие на зеленом. Крылья и костюм полностью работоспособны. Никакого красного цвета.

– Превосходно, – сказал Жеребкин. – Проверять, проверять и проверять. На моем экране то же самое.

Элфи услышала щелканье клавиш, поскольку Жеребкин сделал запись этой информации в регистрационном журнале миссии. Кентавр был известен своей любовью к старой школьной клавиатуре, даже при том, что он сам запатентовал чрезвычайно эффективно работающую клавиатуру – v-клавиатуру.

– Помни, Малой, это – только разведка. Спустиись и проверь датчик. Этим вещам двести лет, и проблема, скорее всего, в простом перегревании. Все, что ты должна сделать, – идти, туда, куда я говорю и делать то, что я говорю. Никакой беспорядочной пальбы из бластера. Понятно?

Малой фыркнула. – Я могу понять, почему Кобылина выбрала

тебя, Жеребкинс. Ты – такой волшебник.

Жеребкинс захихикал. – Я больше не поддаюсь насмешкам, Малой. Брак смягчил меня.

– Смягчил? Я поверю в это, когда ты десять минут пробудешь в комнате с Мульчем не взбрыкивая.

Гном Мульч Рытвинг, был в разное время врагом, партнером и другом Малой и Жеребкинса. Его самым большим удовольствием в жизни было набить свой рот, и несколько меньшим – возможность раздражать своих врагов, партнеров и друзей.

– Возможно, мне нужно еще несколько лет брака, прежде, чем я смягчусь настолько. Точно, чуть более столетия.

Теперь остров на экране Малой стал больше, окруженный, как монашеским капюшоном, пеной. Наступило время, чтобы прекратить болтовню и продолжить миссию, хотя Малой хотелось покружиться в воздухе еще, чтобы можно было поговорить еще некоторое время со своим другом. Казалось, что это было впервые, когда они смогли по-настоящему поговорить с момента ее возвращения из Затерянного мира. Жеребкинс жил своей жизнью прошлые три года, но для Малой ее отсутствие длилось только несколько часов и, хотя она не постарела, Малой чувствовала себя обманутой за те года. Ай, психиатр Корпуса сообщил ей, что все ее страдания – это «Пост-путешественное-во-времени смещение», и предложил назначить подходящий укол, чтоб ободрить ее. Элфи доверяла «уколам счастья» настолько же, насколько доверяла мозговым имплантатам.

– Я захожу – сказала она кратко. Это была ее первая одиночная миссия, с тех пор, когда она отчиталась после возвращения, и она хотела не меньше, чем безупречный результат, даже если это были только Часы Кракена.

– Записываю, – сказал Жеребкинс. – Ты видишь датчик?

На острове было четыре биодатчика, передающие информацию на Полис-Плаза. Три пульсировали нежным зеленым цветом на дисплее шлема Малой. Четвертый датчик был красным. Красный мог означать много вещей. В этом случае каждый параметр был выше нормального уровня. Температура, пульс, мозговая активность. Все на опасном уровне.

– Это, должен быть, сбой, – объяснил Жеребкинс. – В противном случае другие датчики показали бы что-то.

– Я вижу. Сигнал хороший

– Хорошо. Возведи защитный экран и за дело.

Элфи резко повернула свой острый подбородок влево до хруста шейных позвонков, таким образом, она вызвала магию.

Это не было необходимостью, поскольку магия была по большей части функцией мозга, но волшебный народец разрабатывал собственные трюки. Она позволила силе перетечь на ее конечности и завибрировала, переходя в невидимый спектр. Ее мерцающий костюм повторил ее частоту и увеличил действие волшебной силы. – Я – невидима и готова работать, – подтвердила она.

– Понятно – сказал кентавр. – Будь осторожна, Малой. Командор Келп будет просматривать это видео, так что придерживайся правил.

– Ты предлагаешь мне покорно следовать законам? – сказал Элфи, очевидно шокированная этой мыслью.

Жеребкинс захихикал.

– Я не предлагаю тебе приобрести книгу законов, но даже если бы ты имела такую, то все равно бы никогда не открывала ее.

«Справедливо», – подумала Малой, спускаясь к поверхности Юунисаари.

Киты думают, что являются самыми большими в мире млекопитающими. Нет. Кракен может вырасти до пяти километров в длину. Он стал основным элементом скандинавской легенды с тринадцатого столетия, когда они появились в саге об Одде Стреле как внушающий страх лингбакр. Ранние описания кракена являются самыми точными, описывая морское существо как животное размером с плавучий остров, реальную опасность для судов представляла не само существо, а водоворот, который возникал, когда оно опускалось в океан. Но в Средневековые легенда о кракене была перепутана с историями о гигантском кальмаре, и каждому приписывали наиболее внушающие страх признаки друг друга. Кальмар был изображен большим как гора, в то время как мирный кракен вырастил щупальца и развил жажду крови, чтобы конкурировать по смертоносности с акулами.

Это было очень далеко от правды. Кракен – послушное существо, главной защитой которого был его размер; куча раковин, газа и жировых клеток, окружали мозг размером с дыню, интеллекта которого хватало только для того, чтобы прокормить себя и сбрасывать раковины. Под коркой из камней, водорослей и кораллов, кракен напоминает не что иное как обычного желудевого моллюска, хотя такой моллюск может легко предоставить место одному или двум Олимпийским стадионам.

Кракен живет нескольких тысяч лет, благодаря невероятно медленному метаболизму и огромной прочной броне, окружающей их мягкую плоть. Они обосновываются в богатой пище или волшебной окружающей среде и остаются там до тех

пор, пока пища, или энергия не заканчивается. Птенец в центре архипелага рядом с человеческим портом обеспечивает себе не только камуфляж, но и обильный источник пропитания. Таким образом, там, где кракен прикрепляется ко дну гигантскими присосками, он начинает втягивать в себя городской мусор, подобно пылесосу, и ферментативовать его в своем огромном желудке до метана. Но, если человеческий мусор – их спасение, то это – также и их проклятие, поскольку все более и более высокие уровни токсинов сделали кракена бесплодным, и теперь осталось около полудюжины древних существ, живущих в океанах.

Этот кракен был самым старым из всех. Согласно сброшенным раковинам, старый Шелли, как маленький пожиратель мусора, был упомянут корпусом Часы Кракена более чем десять тысяч лет назад, и был замаскирован под остров в Хельсинской гавани в шестнадцатом столетии, когда город еще был известен как Хельсингфорс.

За все это время Шелли сделал немного, только ел и спал, не видя никакого смысла мигрировать. Возможно, у него когда-то и была потребность в миграции, но со временем она притупилась, вследствие фильтрации отходов от лакокрасочной фабрики, основанной на его спине более ста лет назад. Что бы там ни было, Шелли был неподвижен, и сделал всего лишь несколько выбросов метана с интервалом более чем в пятьдесят лет. Таким образом, не было никакой причины полагать, что этот красный цвет его датчика был чем-то большим, чем поврежденным контактом, и работа Малой заключалась в его исправлении. Это был обычный рабочий день в виде миссии. Никакой опасности, никаких ограничений во времени и очень маленький шанс совершить открытие.

Малой, спускаясь, повернула свои ладони по ветру, пока ее ботинки не коснулись крыши маленького ресторана на острове. Фактически, было два острова, соединенные маленьким мостом. Один был настоящим островом, и другой – по большей части гнездом Шелли в скале. Элфи запустила быструю тепловую проверку, и нашла только несколько грызунов и участок тепла, идущего от сауны, которая, вероятно, была на таймере.

Она сверилась с экраном ее шлема, чтоб узнать точное местоположение датчика. Он был в четырех метрах под водой, расположен ниже скалистого выступа.

Под водой. Ну конечно.

Она сложила свои крылья в воздухе, затем погрузила ноги в Балтийское море, двигаясь по спирали, чтобы уменьшить всплеск. Не то, чтобы люди были достаточно близко, чтобы услышать,

просто на всякий случай. Сауна и ресторан не открывались до восьми, а самые близкие рыбаки были на материке, их удочки, мягко колебались как ряды голых флагштоков.

Элфи сорвала газовые баллоны со шлема, чтобы уменьшить плавучесть и погрузилась в воду. На экране высветилось, что температура воды была чуть выше десяти градусов, но мерцающий костюм спасал ее от переохлаждения и даже сжался, чтобы компенсировать небольшое увеличение давления.

– Используй Микробов, – сказал Жеребкинс, его голос казался совершенно чистым через наушник.

– Исчезни из моей головы, кентавр.

– Вперед. Используй Микробов.

– Я не нуждаюсь в приборе, для поиска повреждений. Это рядом, справа от меня.

Жеребкинс вздохнул.

– Тогда они умрут неиспользованными.

Устройства для поиска повреждений на самом деле были микроорганизмами, закодированными на поиск излучения той же самой частоты, что посылал объект. Если вы знаете, что нужно найти, то сообщите Жеребкинсу и его Микробы обнаружат требуемое. Хотя они очень маленькие, но они могут подать звуковой сигнал на ваш экран, если вы находитесь в нескольких метрах от датчика.

– Хорошо, – простонала Элфи. – Я хотела бы, чтобы ты прекратил использовать меня как морскую свинку.

Она приподняла водонепроницаемую створку на перчатке, выпуская облако пылающих оранжевых клещей в воду. Они на мгновение собрались в кучку, а затем помчались прочь рваной стрелкой по направлению к датчику.

– Они плавают, они летят, они прячутся, – сказал Жеребкинс, уstraшенный своим собственным достижением. – Бог благословляет их крошечные сердца.

Микробы оставляли пылающий оранжевый след, показывая Элфи куда плыть. Она нырнула под острый выступ, чтобы отыскать Микробов уже очищающих поверхность вокруг датчика.

– Сейчас приближайся. Он под рукой. Скажи мне, что они не приносят пользы оперативникам.

Они были очень полезны, учитывая что капитан имела запас воздуха всего на десять минут, но Жеребкинса итак слишком часто хвалили.

– Шлем с жабрами был бы более полезен, особенно когда ты узнала, что датчик был подводой. Но воздуха тебе хватит, – рассуждал Жеребкинс. – Тем более что Микробы очищают окружающую область.

Микробы съедали скалу и мох, покрывающий датчик, пока он не засиял как в тот день, когда сошел с конвейера. Как только их миссия была закончена, Микробы замерцали и погибли, распадаясь в воде с нежным шипением. Элфи включила прожектор на шлеме, фокусируя оба луча на сплаве датчика. Он размером и формой напоминал банан и был покрыт электролитным гелем.

– Вода довольно чистая благодаря Шелли. Я получаю приличную картинку.

Элфи уменьшила плавучесть своего костюма на несколько делений, чтобы она могла свободно зависнуть в воде.

– Хорошо, что ты видишь?

– То же самое, что и ты, – ответил кентавр. – Датчик со вспыхнувшим красным светом. Мне нужно снять несколько показаний, если ты догадаешься прикоснуться к экрану.

Элфи положила свою руку на гель так, чтобы всенаправленный датчик на ее перчатке мог синхронизироваться с древним инструментом.

– Девять с половиной минут, Жеребкинс, не забывай.

– Пожалуйста, – захихикал кентавр. – Я могу перенастроить флотилию спутников за это время за девять с половиной минут.

«Возможно, это правда, – подумала капитан, – поскольку через свой шлем могла наблюдать за проверкой систем на датчике.

– Хм, – вздохнул Жеребкинс тридцать секунд спустя.

– Хм? – повторила Элфи нервно. – Не говори «хм», Жеребкинс. Я не в ладах с наукой, но не говорю «хм».

– Кажется, с этим датчиком все в порядке. Он прекрасно работает. Что означает...

– То, что другие три датчика работают со сбоями, – закончила Элфи. – Так, ваша гениальность?

– Не я проектировал эти датчики, – сказал Жеребкинс обиженно. – Это – старое изобретение Кобой.

Элфи задрожала, ее тело взбаламутило воду вокруг. Ее старый враг Опал Кобой была одним из ведущих изобретателей волшебного народца, пока не решила, что предпочитает стать преступницей, чтобы назвать себя королевой мира. Теперь она была в специально построенном кубе, установленном в тюрьме Атлантиды, и проводила время, посылая по почте политикам просьбы и преждевременные благодарности.

– Извини, что я сомневалась относительно твоего замечательного интеллекта. Я думаю, что я должна проверить другие датчики. На суше, надеюсь.

– Хм, – сказал Жеребкинс снова.

– Пожалуйста, прекрати. Так пока я здесь, мне проверить остальные датчики?

На мгновение наступила тишина, пока Жеребкинс читал несколько новых файлов, а затем он заговорил короткими фразами, по мере того, как изучал информацию.

– Другие датчики... это не важно... сейчас. То, что мы действительно должны знать – это то, почему у Шелли появилась "красная черта" на этом датчике. Подожди, я сейчас посмотрю... если бы мы раньше имели эти данные.

Элфи ничего не оставалось, кроме как поддерживать контакт с датчиком. Ее ноги слегка покачивались, а она смотрела на экран как снижается уровень запасов воздуха.

– Хорошо,- сказал, наконец, Жеребкинс, – Есть две причины, по которым может появиться «красная черта». Во-первых – у Шелли появился кракен-ребенок, но это невозможно, потому что он – бесплодная мужская особь.

– А вторая? – спросила Элфи, уверенная, что ей не хотелось бы знать вторую причину.

– Во-вторых, скоро произойдет выброс метана.

Капитан Малой облегченно закатила глаза.

– Выброс метана. Это звучит не очень страшно.

– Вообще-то, это немного страшнее, чем звучит.

– Что ты подразумеваешь под словом немного?

– Почему бы тебе не вместо того, чтобы слушать мои пояснения, не улететь оттуда с такой скоростью, на какую только способна?

Элфи не нужно было повторять дважды. Если Жеребкинс советовал оперативнику убираться до того, как прочитает одну из своих излюбленных лекций, значит ситуация очень серьезна. Она широко раздвинула руки, и это действие повторили крылья на ее спине.

– Включитесь,- сказала она, указывая обеими руками на поверхность. Двигатели заработали, вырывая ее из-под поверхности вод Балтики и оставляя за собой кипящую воду. Наконец она оказалась в воздухе. Ее костюм немедленно высох, поскольку был сшит из водоотталкивающего материала для предотвращения короткого замыкания. Последние капли воды унес с собой ветер, появившийся из-за сопротивления воздуха ее стремительному взлету. За несколько секунд она поднялась на сто метров, обеспокоенная голосом Жеребкинса, поторапливающим ее.

– Кракен сбрасывал свою оболочку однажды, и мы записали, как Шелли сделал это три тысячи лет назад. Так мы узнали, что этот остров живой.

– Но почему сейчас?

– Думаю, что Шелли прожил достаточно долго, чтобы снова сделать это.

– И почему мы наблюдаем за ним?

– Мы ведем наблюдение, потому что кракен сбрасывает свою броню при помощи очень сильного взрыва. Новая броня уже выросла, и Шелли необходимо избавиться от старой. Для этого он поджигает слой ячеек метана и срывает оболочку.

Элфи хотела убедиться, что она правильно поняла.

– Итак, ты говоришь, что Шелли освещает свое пукание?

– Нет, Шелли собирается освещать именно это пукание. Он хранит достаточно метана, чтобы освещать всю гавань в течение года. Подобного пукания не было с последнего сбора всего племени гномов.

Смоделированный на компьютере взрыв появился на экране ее шлема. Большинству представителям волшебного народца изображение показалось не больше пятна, но офицеры ЛеППРКОНа были вынуждены развивать боковое зрение, чтобы они могли прочитать необходимые данные с экранов и одновременно видеть, куда они идут в это время.

Благодаря смоделированному взрыву Элфи поняла каким большим будет радиус поражения. Она тряхнула головой и повернулась лицом к кракену.

– Что-нибудь мы можем сделать?

– Кроме нескольких снимков, ничего. Слишком поздно. Осталось всего несколько минут. Температура внутреннего заряда Шелли уже приближается к точке воспламенения, так что включай свой фильтр от яркого света и наблюдай.

Капитан Малой уменьшила яркость.

– Это будет новостью во всем мире. Острова еще не взрывались.

– Вот именно. Вулканическая деятельность, утечка газа, различные несчастные случаи на химических заводах. Поверь мне, если хоть что-то, что людишки действительно умеют, так это – как объяснить взрыв. Американцы придумали Область 51 только потому, что сенатор разбил реактивный самолет об гору.

«На материке безопасно?»

«Должно быть. Может быть прилетит немного осколков.»

Элфи расслабилась, паря на крыльях в воздухе. Не было ничего, что она могла бы сделать, она ничего не должна делать. Это было естественным процессом, и кракен имел право сбрасывать свою оболочку.

Взрыв метана. Мульчу бы это понравилось это.

Мульч Рывтинг в настоящее время управлял частным

детективным агентством в Гавани вместе с пикси Штукой Фартом. Мульч, в свое время, сам вызывал взрывы метана.

Что-то мягко замигало на экране Элфи. Грязно-красное пятно теплового индикатора на экране. На острове кто-то был, и не только насекомые или грызуны. Много людей.

– Жеребкинс. У меня что-то есть.

Капитан Малой изменила размер окна с мигающими точками, чтобы разыскать их источник. В сауне было четыре горячих тела.

– В сауне, Жеребкинс. Как мы их пропустили?

– Их тела были той же самой температуры, как и кирпичные стены, – ответил кентавр. – Я думаю, что один из вершков открыл дверь.

Элфи увеличила изображение на экране в шесть раз и увидела, что на двери сауны была трещина, и пар клином выходил через эту дырку. Здание охлаждалось быстрее, чем люди, и теперь они появились на ее сканере.

– Что вершки делают здесь? Ты же сказал, что ничего не открывается до восьми утра.

– Я не знаю, Элфи. Откуда мне знать? Это люди. Настолько же непредсказуемые, как обезумевшие под луной демоны.

Почему люди были там не имело значения и этим задаваться вопросом -пустая трата времени.

– Я должна вернуться, Жеребкинс.

Жеребкинс поместил камеру перед собой, передавая свое изображение на шлем Элфи.

– Посмотри на мое лицо, Элфи. Ты видишь это выражение? Я серьезен. Не делай этого, капитан. Не возвращайся на остров. Люди умирают каждый день, и мы не будем вмешиваться. ЛеППРКОН никогда не вмешивается.

– Я знаю правила, – сказала Элфи, приглушая рык кентавра.

– Там решается моя карьера. Снова. – подумала она, разворачивая крылья так, чтобы круто нырнуть в воду.

Четверо мужчин сидели в предбаннике сауны, чувствуя себя очень самодовольными, потому что они еще раз обманули власти острова и сумели найти свободную сауну до начала работы. Что действительно помогло, так это то, что один из мужчин был охранником Уунизаари и имел доступ к ключам и небольшую плоскодонку с мотором в пять лошадиных сил, которая и доставила этих четырех друзей и ведро пива «Карелия» (Сорт финского пива – «Karjala»).

– Сегодня в сауне температура хороша?, – сказал он.

Второй протер стекла очков: – Мне кажется, что немного жарковато. Я даже здесь чувствую, как пол обжигает ноги.

– Тогда сходи, окунись в Балтику, – сказал охранник, недовольный тем, что его усилия недостаточно оценили. – Это охладит твои бедные пальчики.

– Не обращайтесь на него внимания, – сказал четвертый человек, одевая свои часы, – У него очень чувствительные ноги. Вечные проблемы.

Мужчины, друзья детства, смеясь потягивали пиво. Все резко замолкли, когда часть крыши внезапно загорелась и рассыпалась.

Охранник закашлялся с полным ртом пива. – Кто курил? Я же сказал – не курить!

Даже если бы один из его приятелей ответил, то охранник все равно бы услышал, поскольку он умудрился вылететь через отверстие в крыше.

– Но мои ноги действительно обжигает, – сказал человек в очках, как будто придерживаясь старой темы разговора, он смог бы заставить новые проблемы исчезнуть.

Другие проигнорировали его, занятые тем, что мужчины обычно делают в опасной ситуации – надевали свои брюки.

Не было времени, чтобы входить через двери или представляться, поэтому Малой выхватила свой Нейтрино и вырезала двухметровое отверстие в крыше. Она обнаружила четырех бледных, полуодетых Вершков, дрожащих от испуга.

– Я не удивлена, что они дрожат, – подумала она, – А все только начинается!

Пока она летела, то пыталась решить проблему: как вытащить людей из зоны поражения за несколько минут.

Раньше она у нее была бы еще и вторая проблема: самоздание. Согласно Книге, представителям волшебного народа запрещалось входить в человеческие здания без приглашения. Этим чарам было больше десяти тысяч лет, но они до сих пор действовали, вызывая тошноту и потерю магических сил у любого, кто пойдет наперекор им. Закон был анахронизмом и очень мешал проводить операции ЛеППРЕКОНу, поэтому после ряда общественных дебатов и референдума чары были сняты колдуном-демоном Номер Один. Маленькому демону потребовалось всего пять минут, чтобы распутать чары, которые озадачивали магов волшебного народа в течение многих столетий.

Вернемся к текущей проблеме. Четыре больших человека. Большой неизбежный взрыв.

Выбрать, кого вытащить первым, труда не составило. Он закрывал собой доступ к остальным и был одет только в полотенце и кепку охранника, которая смотрелась на его голове, как орех на голове медведя.

Элфи скорчила гримасу.

– Я должна убрать его с моих глаз, как можно скорее, иначе я никогда не забуду эту картину. У этого Вершка мускулов больше, чем у тролля.

Тролли! Ну конечно.

Пока Элфи была в Затерянном мире, к стандартному комплекту вооружения прибавилось несколько дополнений, которые были изобретены и запатентованы, конечно же, Жеребкинсом. Одним из этих дополнений был новый набор дротиков для ее Нейтрино. Кентавр назвал их «антигравитационные дротики», но полицейские прозвали их «Плавающими штучками».

Принцип действия дротиков был основан на идее Лунного пояса Жеребкинса, который уменьшал земное притяжение в пять раз. Лунный пояс предназначался в основном для транспортировки тяжелого оборудования. Но патрульные полицейские быстро приспособили его для собственных нужд. Чтобы облегчить транспортировку заключенных, преступников привязывали к крюкам, и уменьшали их вес.

Жеребкинс изобрел дротик, оказывающий тот же эффект, как и его Лунный пояс. Дротик использовал тело беглеца как проводник для энергии, которая делала его тело почти невесомым. Даже тролль казался не таким страшным, когда он покачивался от легкого ветерка, как воздушный шарик.

Элфи отцепила дротики от пояса и установила их в Нейтрино.

– Дротики, – подумала она. – Назад в Каменный век.

Огромный охранник казался ей квадратным, его губы раздраженно скривились.

– Для этого Вершка лазерный прицел вряд ли потребуются, – подумала она, – Совсем не понадобится.

И он не пригодился. Крошечная стрелка уколола человека в плечо, и он на мгновение задрожал, пока антигравитационное поле не окружило его.

– Ох, – сказал он. – Это немного...

Тут капитан приземлилась около него, схватила его за бледную ногу и швырнула в небо. Он полетел быстрее воздушного шарика, чем воздушный шар, оставляя удивленное «Ох-х» за собой.

Остальные мужчины поспешно заканчивали одевать брюки.. Двое в спешке сильно махали руками, круша все вокруг. Тарелки с помидорно-сырными бутербродами отлетели в сторону; пивные бутылки упали и покатались по плиткам.

– Мои бутерброды, – воскликнул один человек, сражаясь со

своими фиолетовыми джинсами.

– Нет времени для паники, – думала Элфи, тихо и незаметно скользя между ними. Она резко нагнулась, уворачиваясь от рук, и быстро выпустила еще три дротика.

Странное спокойствие опустилось на сауну, когда трое пораженных мужчин плавно подлетали к дыре в крыше.

– Мои ноги..., – начал человек в очках.

– Да заткнись ты о своих ногах! – закричал человек с бутербродами, сильно ударив его кулаком. Это движение придало ему вращение, и он закрутился, как шарик.

Жеребкинс нарушил молчание эльфийки.

– Д’арвит, Элфи. У тебя осталось несколько секунд. Секунды! Выходи немедленно! Даже твой костюм не сможет защитить от взрыва такой силы.

Лицо эльфийки покраснело и вспотело несмотря на климат-контроль в шлеме.

Секунды уходят. Сколько времени я слушала его?

Нет времени для нежностей. Она легла на спину, прокручивая настройки на своем Нейтрино, чтобы выбрать режим динамической волны и выстрелила широким лучом прямо перед собой.

Волна воздуха направила мужчин вверх, подобно стремительной реке, несущей пузырьки, заставляя их отскакивать от стен и друг друга, до тех пор, пока они, в конце-концов, не вылетели в еще искрящуюся дыру в крыше.

Последний вылетевший человек посмотрел вниз, рассеяно задаваясь вопросом, почему он еще не орет в панике. Разве полет это не причина для истерики?

– Она, вероятно, наступит позже, – решил он, – Если это позже наступит для меня.

Ему показалось, что среди пара сауны он увидел маленькую человекоподобную фигуру, лежащую на полу. Крошечная фигурка с крыльями, которая подпрыгнула и устремилась вслед за мужчинами.

– Все правильно, – подумал человек, – Как во Властелине колец. Фантастические существа. Все правильно.

Затем остров взорвался, и человек прекратил заботиться о фантазиях, и начал волноваться о своих брюках, которые только что загорелись.

Когда все четверо мужчин оказались в воздухе, Элфи решила, что пора сматываться с этого острова. Она прыгнула вверх из положения на корточках, в воздухе включила крылья и стрелой улетела в утреннее небо.

– Просто чудесно, – сказал Жеребкинс. – Ты знаешь, что они

называют это движение «взлет Элфи», а?

Элфи достала оружие, чтобы с помощью серии коротких выстрелов оттащить невесомых мужчин еще дальше от острова.

– Я занимаюсь спасением их жизней, Жеребкин. Поговорим позже.

– Жаль, друг. Я волнуюсь. Я много говорю, когда волнуюсь. Кобылина думает, что это – способ самозащиты. В любом случае, это – взлет Элфи. Ты так же взлетела во время той перестрелки на крыше в Дармштадте (город в центральной Германии). Майор, то есть, Командир Келп увидел это на видео. Теперь они используют отснятый материал в Академии. Ты не поверишь, сколько кадетов сломали себе лодыжки, пробуя повторить его.

Элфи уже собралась попросить своего друга заткнуться, когда Шелли зажег метан, опустошая свои старые запасы и посылая тонны обломков ввысь. Ударная волна, подобно гигантскому кулаку, подбросила эльфийку вверх, и она закувыркалась в воздухе. Малой почувствовала, как ее костюм сжался, чтобы уменьшить силу удара, его крошечные чешуйки сомкнулись против ударной волны подобно щитам батальона демонов. Послышалось небольшое шипение, когда в шлеме надулись подушки безопасности, защищая головной и спинной мозг. Данные на экране замерцали, резко подскочили, а затем все пришло в норму.

Мир замелькал голубым и серым. Искусственный горизонт на ее экране сделал несколько оборотов и, наконец, остановился, хотя Элфи поняла, что в действительности вращалась она, а не экран.

«Жива. Все еще жива. Надо бы поменьше спорить».

Голос Жеребкинса ворвался в ее мысли.

– ... сердце в норме, хотя я не знаю почему. Могла бы подумать над тем, что с ними делать сейчас. Ты будешь рада узнать, что эти четыре человека спасены, но ты рисковала своей жизнью и моими технологиями, из-за них. А что, если одна из моих «Плавающих штучек», попала бы в человеческие руки?

Пытаясь вернуть контроль над оборудованием, Элфи использовала комбинацию жестов и морганий, чтобы включить несколько из двенадцати двигателей ее крыльев на несколько секунд.

Она приоткрыла свой шлем, чтобы откашляться, а затем ответила на его обвинение.

– Я в норме, спасибо, что спросил. А все оборудование ЛеППРКОНа оснащено дистанционными взрывателями. Даже я! Таким образом, твои драгоценные дротики могут попасть в человеческие руки только в том случае, если твое оборудование

будет неудачным.

– Это кое-что напомнило мне, – сказал Жеребкинс. – Я должен избавиться от тех дротиков.

На земле было настоящее столпотворение. Казалось, что уже половина жителей Хельсинки начала спускать свои яхты на воду. Целая флотилия судов направлялась к месту взрыва, во главе с катером береговой службы. Два мощных винта разогнали его до такой скорости, что нос приподнимался над водой. Сам кракен был скрыт дымом и пылью, но обугленные фрагменты его брони сыпались дождем вниз в виде вулканического пепла, покрывая палубы судов и образуя темное одеяло над поверхностью Балтийского моря.

В двадцати метрах слева от Малой, в воздухе над успокаивающейся после взрыва рябью, проплывали мужчины со счастливыми лицами, брюки лохмотьями висели на их талии.

– Я удивлена, – сказала Элфи, меняя масштаб изображения мужчин. – Никаких криков и никто даже не наложил в штаны.

– Немножко успокоительного в стрелке, – захихикал Жеребкинс. – Правда, правда, всего лишь капелька. Достаточно, чтобы успокоить тролля, оставшегося без своей мамочки.

– Тролли иногда едят своих матерей, – прокомментировала Элфи.

– Точно.

Жеребкинс подождал, пока мужчины не спустились до высоты трех метров над поверхностью океана, и послал сигнал, чтобы взорвать крошечные бомбочки в каждом дротике. Четыре маленьких взрыва сопровождалось четырьмя громкими всплесками. Мужчины находились в воде всего лишь нескольких секунд, затем их подобрала береговая служба.

– Хорошо, – сказал кентавр, явно успокоившись, – Предотвращено потенциальное бедствие и мы сегодня сделали хорошее дело. Поднимайся и возвращайся на станцию к шаттлу. Я не сомневаюсь, что Командор Келп захочет услышать детальный отчет.

«Только секунду – я прочитаю почту».

«Почта! Почта! Ты действительно думаешь, что на это есть время? Уровень твоей волшебной силы уменьшается, и задние панели твоего костюма нуждаются в починке. Тебе необходимо уйти отсюда прежде, чем защита совсем исчезнет.

«Я должна прочитать её, Жеребкинс. Это важно»

Иконка почты, вспыхнувшая на дисплее Малой, была помечена именем Артемиса. Артемис и Малой закодировали цветом свои почтовые иконки. Зелеными были общие письма, синие – деловыми, а красные – срочными. Иконка почты в

Дисплее Малой пульсировало ярко красным. Она моргнула на иконку, открывая короткое сообщение.

«Мать умирает, – прочитала она, – Пожалуйста, приезжай побыстрее. Приведи Номера Первого».

Элфи почувствовала холодный ужас в животе, и мир, казалось, покачнулся перед ее глазами.

Смерть матери. Приведи Номера Первого.

Ситуация должна бы быть отчаянной, если Артемис просил, чтобы она привела могущественного колдуна-демона.

Она вернулась в прошлое ко дню, восемнадцать лет назад, когда ее собственная мать скончалась. Прошло почти два десятилетия, но потеря все так же причиняла боль, как открытая рана. Вдруг ее поразила мысль.

Это было не восемнадцать лет назад, а двадцать один. Я была далеко три года.

Коралл Малой была доктором с судна ЛЕППРКОН, которое патрулировало Атлантику, очищая море после людей, защищая вымирающие виды. Она была смертельно ранена, когда особенно отвратительно выглядящий танкер сбросил на их субмарину радиоактивные отходы. Грязная радиация – яд для волшебного народа, и ее матери потребовалась неделя, чтобы умереть.

Я заставлю их заплатить, – клялась Малой, плача у кровати матери в Клинике Гавани. – Я выслежу каждого из тех Вершков

– Нет,- сказала ее мать с удивительной силой.- Я построила свою карьеру на спасении живых существ. Ты должна сделать то же самое. Разрушение не станет моим наследием.

Это была одна из последних вещей, которые она сказала. Три дня спустя, Малой стояла с каменным лицом на церемонии рециркуляции ее матери в своей зеленой парадной форме, застегнутой до подбородка. Оружие (Omnitool), которое ее мать подарила ей на окончание обучения, находилось в кобуре на ее поясе.

Спасение существ. Так Малой пришла в разведку.

И теперь мать Артемиса умирала. Элфи поняла, что она никогда не думала об Артемисе как о человеке, только как о друге.

– Я должна попасть в Ирландию, – сказала она.

Жеребкинс не стал спорить: он украдкой стащил срочную почту с экрана Элфи.

– Лети. Я могу прикрыть тебя на несколько часов. Я скажу, что ты проводишь Ритуал. Нам повезло, что сегодня вечером будет полная луна, и у нас есть несколько волшебных участков около Дублина. Я пошлю сообщение в Секцию Восемь. Возможно, Кван отпустит Номера Первого из колдовской лаборатории на

несколько часов.

– Спасибо, старый друг.

– Пожалуйста. Теперь лети. Я собираюсь выйти в их сети, провести там немного времени, контролируя их болтовню. Возможно, я смогу привить несколько идей в человеческих СМИ. Мне нравится мысль о подземном кармане природного газа. Это – почти правда.»

Почти правда.

Малой не смогла удержаться от применения этой фразы к почте Артемиса. Так ирландский мальчик часто управлял людьми, говоря им почти правду.

Она тихо упрекнула себя. Конечно нет. Даже Артемис Фаул не лгал бы о столь серьезных вещах.

У каждого есть свои границы.

Не так ли?

Глава 3

Эхо прошлого

АРТЕМИС Старший собрал всех в конференц-зале Поместья Фаулов, который изначально был банкетным залом. До недавнего времени высокие готические арки были скрыты навесным потолком, но Ангелина Фаул приказала, чтобы потолок удалили, и зал восстановили в его первоначальном виде.

Артеemis, его отец и Дворецкий сидели на черных кожаных стульях Марсея Брэуера вокруг стола со стеклянной крышкой, мест хватило бы еще для десяти людей.

– Не так давно за этим столом сидели контрабандисты, – подумал Артемис. Не считая лордов преступного мира, хакеров, различных торговцев, фальшивомонетчиков, продавцов черного рынка и воров – домушников. Старые семейные фирмы.

Артеemis Старший закрыл свой ноутбук. Он был бледен и явно устал, но былая решительность ярко сияла в его глазах.

– План простой. Мы должны найти не просто второе решение проблемы, а как можно больше решений. Дворецкий возьмет реактивный самолет и полетит в Китай. Сейчас нет времени на официальные каналы, так что нужно будет найти место, где пограничники контролируют границу послабже.

Дворецкий кивнул. – Я знаю такое место. Я смогу слетать туда и обратно всего за два дня.

Артеemis Старший был удовлетворен. – Хорошо. Реактивный самолет заправлен и готов. Я уже собрал полную команду и запасного пилота.

– Мне нужно упаковать несколько вещей и я буду готов отправиться в путь.

Артеemis мог представить, что Дворецкого возьмет с собой, учитывая, что на взлетно-посадочной полосе не будет никаких чиновников.

– Что ты будешь делать, отец, – спросил он.

– Я поеду в Англию, – сказала Артемис Старший. – Я возьму вертолет до Лондонского Аэропорта, оттуда лимузин до Харлей Стрит. Есть несколько специалистов, с которыми я могу поговорить; будет намного эффективнее, если я сам приеду туда, чем приглашать их всех сюда. Если кто-нибудь из них сможет пролить даже самый слабый луч света на ситуацию с нашей мамой, то я заплачу любую сумму, чтобы привезти его сюда. При необходимости – выкуплю их практику.

Артеemis кивнул. Мудрая тактика. Однако, он ожидал бы не

меньше от человека, который успешно управлял преступной империей в течение более чем двух десятилетий, и был гуманистом только в течение нескольких последних лет.

Все, что Артемис Старший сейчас делал, было этичным. От его компании на паевой основе по производству одежды до его доли в «Мощи Земли», консорциуме одинаково мыслящих бизнесменов, которые строили все: от автомобилей на возобновимом топливе до геотермальных установок и солнечных панелей. Даже автомобили Фаулов, реактивный самолет и вертолет были оснащены передовыми фильтрами эмиссии, чтобы уменьшить выброс семьей углекислого газа в воздух.

– Я должен остаться здесь,- объявил Артемис, не дожидаясь, пока до него дойдет очередь высказаться. – Я могу скоординировать наши усилия, настроить вэб-камеру так, чтобы специалисты с Харлей Стрит могли увидеть Мать, контролировать действия Доктора Шалька (с немецкого – плут) и мисс Бук, а также провести собственный поиск в интернете возможных способов лечения. Артемис Старший слегка улыбнулся. – Точно, сын. Я не подумал о вэб-камере.

Дворецкий торопился уехать, но у него было одно дело, которое он хотел сделать перед отъездом. Он чувствовал себя не комфортно, оставляя Артемиса одного. Он может быть и гений, но еще он – все еще обычная зануда, и магнит для неприятностей.

Телохранитель взглянул на Артемиса. – Никаких преступлений, молодой сэр, а то ты можешь превратить пикник в воскресенье в международный инцидент.

Артемис спокойно воспринял обвинение.- Ни одного.

– Та же мысль пришла и мне. – сказала Артемис Старший, потирая свой подбородок. – Сейчас нет времени на это. Нянька согласилась взять близнецов к себе домой в Хоус (район Дублина, название полуострова) на несколько дней, но Арти необходим здесь и он должен будет позаботиться о себе.

– Со мной не будет проблем, – сказал Артемис. – Поверьте в меня хоть немного, пожалуйста.

Артемис Старший потянулся поперек стола и накрыл своей ладонью руку Артемиса. – Вера друг в друга – это все, что у нас есть сейчас. Мы должны надеяться, что спасение матери возможно. А ты веришь в это?

Артемис заметил, что одно из верхних окон, медленно качнулось, приоткрываясь. Лист закружился по комнате, подхваченный легким ветерком, а затем окно, казалось, закрылось само.

– Я абсолютно верю в это, Отец. Все больше с каждой минутой.

Элфи не показывалась до тех пор, пока Артемис Старший не стартовал на модифицированном Сикорский S-76С с вертолетной площадки на крыше. Артемис был занят, прикрепляя взб-камеру к спинке кровати его матери, когда эльф мерцал в представление с ее рукой на его плече.

– Артемис, я так сожалею,- сказала она мягко.

– Спасибо, что прилетела, Элфи,- сказал Артемис. – ты быстро добралась сюда.

– Я была на поверхности в Финляндии, преследовала кракена.

– Ах да, существо Теннисона,- сказал Артемис, закрыв глаза и вспоминая несколько строчек из известного стихотворения.

Под громоподобными волнами
Бездонного моря, на дне морском
Спит Кракен, не потревоженный снами,
Древним, как море, сном.

– Спит? Больше нет. Посмотри попозже заголовки новостей. Очевидно, произошел взрыв природного газа.

– Я рискну предположить, что это Жеребкинс использовал свои старые методы воздействия на общественное мнение?

– Да.

– Сейчас осталось немного кракенов, – прокомментировал Артемис. – Семь, мне кажется.

– Семь? – сказала удивившись Элфи, – Мы наблюдаем только шесть.

– Ах да, шесть. Я подразумевал шесть. Новый костюм? – спросил он, немного поспешно меняя тему разговора.

– Прошло три года, этот более современный, чем прошлый. – ответила Элфи, упаковывая любопытный осколок кракена, чтобы исследовать попозже. – У этого есть автоброня. Если датчики чувствуют приближение чего-то большого, то, весь костюм изгибается, чтобы смягчить удар. Уже сегодня это спасло мне жизнь.

Иконка сообщения запищала на экране шлема Малой, и ей потребовалась всего минута, чтобы прочитать сообщение.

– №1 уже в пути. Они отправили его шаттлом через шахту номер восемь. Теперь нет никакой возможности сохранить это в секрете, то есть независимо от того, что мы должны сделать, это должно быть сделано быстро.

– Хорошо. Мне нужна любая помощь.

Их беседа прекратилась, поскольку смертельная болезнь

Ангелины Фаул полностью заняла их мысли. Она была бледна, и запах лилий висел в желтом воздухе.

Артемис крутил в руках вэб-камеру. Вдруг она выскользнула и закатилась под кровать.

– Адский огонь, – ругнулся он, становясь на колени и протягивая руку в темноту. – Я не могу... Я никак не могу...

И внезапно чудовищность ситуации обрушилась на него.

– Какой я сын? – прошептал он. – Лгун и вор. Моя мать всегда любила и пыталась защитить меня, и теперь она может умереть.

Элфи помогла Артемису встать. – Ты не тот человек, что раньше, Артемис, и ты любишь свою мать, не так ли?

Артемис тяжело вздохнул, сбитый с толку. – Да. Конечно.

– Тогда ты – хороший сын. И твоя мать увидит это, когда я вылечу её.

Малой дернула шеей, и волшебные искры запрыгали на ее сужающимся к кончикам пальцах.

– Нет, – выпалил Артемис. – Может лучше сначала посмотреть симптомы?

Малой сжала пальцы в кулак, гася искры. Подозрительно.

Она сняла шлем и подошла к Артемису гораздо ближе, чем ему нравилось, чтобы находились люди, с трудом вглядываясь в его несочетающиеся глаза. Было странно видеть, что ее собственный глаз смотрит на неё.

– Ты что-то сделал, Артемис?

Артемис встретила ее пристальный взгляд спокойно. Казалось, что кроме печали ничего не было в его глазах.

– Нет. Я всегда оберегаю свою мать, больше, чем себя.

Учитывая опыт многолетнего общения с Артемисом, к Малой закралось подозрение, и она задумалась, почему он не позволил ей использовать волшебство именно сейчас, поскольку это никогда раньше не беспокоило его. Возможно, он уже пробовал этот способ сам. Возможно, поток времени не лишил его украденного волшебства, как он утверждал.

Она положила свои ладони на виски Артемиса, а лоб прижала к его лбу.

– Прекрати, Элфи – возразил Артемис. – У нас нет на это времени, – Малой не ответила, закрыв глаза и концентрируясь.

Артемис почувствовал распространение жара по голове и знакомое гудение магии. Малой изучала его. Это длилось всего секунду.

– Ничего, – сказала она, освобождая его. – Эхо магии. Но никакой силы.

Артемис отступил назад, чувствуя головокружение.

– Я понимаю твои подозрения, Малой. Я не раз заслужил это.

Теперь можешь посмотреть мою мать, пожалуйста?

Элфи поняла, что до этого она избегала делать что-то большее, чем просто бросить поверхностный взгляд на Ангелину Фаул. Вся эта ситуация воскресила слишком много болезненных воспоминаний.

– Конечно, Артемис. Я извиняюсь за зондирование. Я должна была убедиться, что на тебя это никак не повлияло.

– Мои чувства не важны,- сказал Артемис, беря Малой за локоть. – Теперь, моя мать. Пожалуйста.

Малой пришлось заставить себя осмотреть Ангелину Фаул по настоящему, и в тот момент, когда она это сделала, глубоко укоренившийся страх зашевелился в её душе и мурашки поползли по рукам и ногам.

– Я знаю что это,- прошептала она. – Я знаю что это.

– Эти симптомы знакомы тебе? – спросил Артемис.

Лицо и руки его матери были покрыты прозрачной слизью, которая медленно сочилась из ее пор и растекалась вокруг. Глаза Ангелины были широко открыты, но видны были только белки, а ее пальцы сжимали простынь, как если бы держались за жизнь.

Малой сняла медицинский комплект с пояса, положила его на ночной столик и использовала тампон, чтобы взять образец слизи. – Эта слизь. Этот запах. Этого не может быть. Не может быть.

– Не может быть чего? – спросила Артемис, его напряженные пальцы сжимали ее предплечье.

Малой проигнорировала его, надела свой шлем и связалась с Полис-Плаза.

– Жеребкин? Ты там?

Кентавр ответил на втором гудке. – Здесь я, Элфи. Прикован к столу. Келп Командующий послал мне несколько сообщений, спрашивая где ты. Я скормил ему историю про Ритуал. Я считаю, что у вас есть около...

Малой прервала его болтовню. – Жеребкин, послушай меня. Мать Артемиса. Я думаю, что мы имеем кое-что... Я думаю, что это серьезно.

Настроение кентавра тут же изменилось. Малой подозревала, что он болтал, чтобы скрыть свое беспокойство. В конце концов, сообщение Артемиса было очень мрачным.

– Хорошо. Я сейчас свяжусь с компьютерной сетью поместья. Спроси Артемиса какой пароль системы защиты.

Малой подняла забрало, чтобы посмотреть Артемису в глаза. – Жеребкинсу нужен пароль системы защиты.

– Конечно, конечно. – Артемис задумался, ему потребовалась секунда, чтобы помнить своё секретное слово. – Это – КЕНТАВР.

Все заглавные буквы.

Под корой Земли, Жеребкинс сохранил комплимент в уголке своего мозга, где держал драгоценные воспоминания. Он вытащит его позже и позлорадствует за стаканом синтезированного вина.

– Кентавр. Правильно. Я вошел.

На стене замерцал большой плазменный телевизор, и появилось лицо Жеребкинса, сначала размытое, а затем в фокусе. Взб-камера в руке Артемиса зажужжала, поскольку кентавр дистанционно пытался настроить ее фокус.

– Чем больше точек зрения, тем лучше, а?- сказал он, его голос звучал из телевизионных колонок вокруг них.

Артемис держал взб-камеру перед лицом своей матери, стараясь, чтобы она была максимально неподвижна.

– Я понял по реакции Малой, что эти симптомы знакомы вам?

Малой указала на блеск, покрывающий лицо Ангелины. – Посмотри, Жеребкинс, слизь из пор. И также запах лилий; не может быть никакого сомнения.

– Это невозможно,- пробормотал кентавр. – Мы уничтожили её много лет назад.

Артемис устал от этих непонятных фраз.

– Что является невозможным? Что уничтожено?

– Пока, Артемис, все же никакого диагноза, это может быть преждевременно. Элфи, мне необходимы данные сканирования.

Малой поместила свою ладонь на лоб Ангелины Фаул, и единый датчик в ее перчатке оплел мать Артемиса сетью лазеров.

Жеребкинс размахивал пальцем подобно метроному, по мере того, как информация поступала в его систему. Хотя это было и неосознанное движение, но оно казалось слишком веселым в этой ситуации.

– Хорошо,- сказал он, через пол-минуты. – У меня есть все необходимые данные.

Элфи зажала датчик в кулаке, и, когда рядом встал Артемис, сжала его ладонь в своей, тихо ожидая результатов. Это не заняло много времени, особенно с учетом того, что у Жеребкинса были хорошая идея относительно параметров поиска.

Его лицо стало мрачным, когда он увидел результаты. – Компьютер проанализировал гель. Боюсь, что это – Спеллтропия.

Артемис заметила как сжала руку Малой. Независимо от того, что такое эта Спеллтропия, все очень плохо.

Он вырвал руку у Малой, шагая к расположенному на стене экрану. – Мне нужны объяснения, Жеребкинс. Сейчас же, пожалуйста.

Жеребкинс вздохнул, затем кивнул. – Очень хорошо, Артемис. Спеллтропия была чумой среди волшебного народа. После

заражения она неизменно приводила к летальному исходу и прогрессировала до последней стадии в течение трех месяцев. Затем у пациента оставалось меньше недели. В этой болезни есть все. Нейротоксины, разрушение клеток, сопротивление любым обычным видам лечения, невероятная агрессивность. Это действительно удивительная болезнь.

Артемис сжал зубы. – Это невероятно, Жеребкинс. Наконец, нашлось что-то, чем даже ты можешь восхищаться.

Жеребкинс вытер бусинку пота со своего носа, сделав паузу перед тем, как снова заговорить.

– Лекарства не существует, Артемис. Больше не существует. Я боюсь, что твоя мать умирает. Я сказал бы, судя концентрации геля, что у нее осталось двадцать четыре часа, тридцать шесть, если она будет бороться. Если это хоть как-то утешит, то она не будет страдать в конце.

Малой пересекла комнату, и протянула руку, чтобы схватить Артемиса за плечо, вдруг заметив, каким высоким стал ее человеческий друг.

– Артемис, есть вещи, которые мы можем сделать, чтобы облегчить её страдания.

Артемис почти с яростью дернул плечом, скинув её руку.

– Нет. Я могу добиваться чудес. У меня есть талант. Информация – это мое оружие.

Он снова посмотрел на экран. – Извини за мою вспышку, Жеребкинс. Я уже успокоился. Ты сказал, что Спеллтропия была чумой, где это началось?

– Волшебство,- просто сказал Жеребкинс, затем уточнил: – Волшебство идет от Земли и когда Земля больше не могла поглотить огромную дозу загрязнителя, волшебство тоже стало испорченным. Спеллтропия впервые появилась около двадцати лет назад в Линфене, это в Китае.

Артемис кивнул. Это имело смысл. Линфен был позором из-за его высокого уровня загрязнения. Как центр угольной промышленности Китая, воздух города был загрязнен пеплом, угарным газом, окисями азота, изменчивыми органическими соединениями, мышьяком и свинцом. Среди китайских предпринимателей бытовала шутка: если вы недовольны своим служащим, то пошлите его работать в Линфен.

– Оно передается через волшебство, и таким образом абсолютно неизлечимо с помощью его. За десять лет, оно почти уничтожило волшебный народец. Мы потеряли двадцать пять процентов нашего населения. Атлантида пострадала сильнее всех.

– Но вы остановили её, – настаивал Артемис. – Вы, наверное,

нашли лекарство.

– Не я, – сказал Жеребкинс. – Наш старый друг Опал Кобой нашла противоядие. Ей потребовалось десять лет для его создания, а после она потребовала бешенную плату за него. Мы получили постановление суда на конфискацию запасов противоядия.

Артемис забеспокоился. – Мне совершенно безразлична политика, Жеребкинс. Я хочу знать то, что это за лекарство, и почему мы не можем получить его для моей матери.

– Это – длинная история.

– Сократите,- отрезал Артемис.

Жеребкинс опустил глаза, неспособный встретить взгляд Артемиса. – Лекарство имеет естественное происхождение.. Многие животные имеют в организме важные лекарственные компоненты и вещества, действующие как естественные усилители волшебства, но из-за человеческих действий более двадцати тысяч разновидностей, которые возможно могли бы спасти жизнь, вымирает каждый год. Опал использовала простой шприц, чтобы получить лекарство против Спеллтропия не убивая животное донора.

Артемис внезапно понял, почему Жеребкинс не мог смотреть ему в глаза. Он схватился за голову.

– О нет. Не говорите это.

– Опал Кобой нашла противоядие в ликворе шелковистого лемура Мадагаскара.

– Я всегда знал,- простонал Артемис, – что это аукнется.

– К сожалению, шелковистый лемур уже вымерший вид. Последний умер почти восемь лет назад.

Глаза Артемиса были полны чувством вины.- Я знаю,- прошептал он.- Я убил его.

Глава 4

Дядюшка обезьянок.

Поместье Фаулов, восемь лет назад

Десятилетний Артемис Фаул закрыл файл над которым работал и выключил монитор, затем поднялся из-за стола. Его отец должен был прийти через несколько минут, чтобы поговорить с ним.

Артемис Старший информировал об этой встрече сына сегодня утром по внутренней почте. Его время было драгоценным, и он ожидал, что его сын был готов для их утреннего разговора. Отец Артемиса пришёл ровно к десяти часам, на нём было надето шикарное кожаное пальто до колен.

– В Мурманске минус пятнадцать, – объяснил он свой вид, официально пожимая руку сына.

Артемис стоял на плитке, выполненной по индивидуальному заказу, перед камином. Ему необязательно было стоять именно здесь, но Артемис предполагал, что его отец сядет в кресло Луи 15, стоящего у камина, а он не любил вытягивать шею, когда говорит. Пока его отец садился именно в то самое кресло, Артемис наслаждался этим мгновением.

– Я так понимаю корабль готов?

– Полностью готов к отплытию, – ответил его отец, чьи синие глаза блестели от волнения. – Это совершенно новый рынок, Арти, мальчик мой. Москва уже является одним из наиболее успешных торговых городов мира. Северная Россия обязательно последует за ней.

– Мне кажется, мать не очень довольна твоим последним предприятием.

Недавно, родители Артемиса спорили до поздней ночи. Конфликт в их счастливом браке заключался в совершенно противоположном, а именно в бизнесе Артемиса Старшего. Его преступная империя была раскинута от серебрдобывающих шахт Аляски до судостроительных заводов в Новой Зеландии. Ангелина была консерватором и гуманистом и считала, что Артемис Старший своей преступной деятельностью и безжалостной эксплуатации природных ресурсов подаёт страшный пример своему сыну.

– Когда он вырастет, то будет похож на своего отца, – услышал Артемис Младший от неё тем вечером через маленького радиожучка установленного в аквариум.

– Я думал, вы любите его отца.

Артемис услышал шелест материала, когда его родители обнялись.

– Я люблю тебя больше жизни. Но эту планет я люблю тоже.

– Моя любовь, – сказал Артемис Старший так нежно, что жучку было трудно разобрать его голос. – финансы Фаулов находятся сейчас в напряженном состоянии. Почти весь капитал, который мы имеем вложен в нелегальные рискованные предприятия. Мне нужна ещё одна крупная сделка, после чего я начну переводить деньги в законный бизнес. Как только мы получим солидное состояние, мы начнём спасать мир.

Артемис услышал, как его мать поцеловала отца.

– Хорошо мой принц воров. Одна большая сделка, затем мы спасаем мир.

Одна большая сделка. Перевоз не облагаемой налогом колой в Россию. Но что еще более важно проложение торгового нелегального канала через Арктику. Артемис подозревал, что его отцу будет сложно отказаться от дальнейших поставок через этот канал, после одной сделки, ведь на этом деле можно сделать миллиарды.

– Звезда Фаула полностью загружена и готова к отплытию.

В дальнейшем их разговоре, Артемис Старший информировал сына о своих главных принципах.

– Помни, мир нельзя спасти только одним намерением. Нужно средство для достижения цели, и это средство – золото.

Артемис Старший указал сыну на герб и девиз, вырезанные на деревянном щите, который висел над камином.

– *Aurum potest as est.* Золото – это власть. Никогда не забывай это, Арти. До тех пор, пока зеленные не имеют богатства, их никто не будет слушать.

Молодой Артемис разрывался между родителями. Его отец был типичным представителем семейства Фаулов. Династия Фаулов процветала несколько столетий из-за их приверженности к богатству, и Артемис не сомневался, что его отец найдёт способ ещё больше повысить их благосостояние, а затем уже повернуть своё внимание к окружающей среде. Он любил свою мать, но и финансы Фаулов должны быть сохранены.

– Когда-нибудь управление семейным бизнесом перейдёт к тебе, – Сообщил Артемис Старший сыну, застёгивая пуговицу на пальто, – И когда этот день наступит, я с легкостью уйду на покой, потому что буду знать, что ты сделаешь Фаулов первыми.

– Конечно, отец. – сказал Артемис. – Фаулы первые. Но этот день наступит не через одно десятилетие.

Артемис Старший засмеялся.

– Будем надеяться, что нет, сынок. Сейчас я должен уйти. Присматривай за своей матерью, пока меня нет. И не позволяй ей безрассудно тратить состояние Фаулов, ок.

Эти слова были сказаны в шутку, но через неделю оказалось, что Артемис Старший пропал без вести, и предположительно числился в списках умерших. Последние слова отца стали кодексом, которым Артемис младший будет жить.

Присматривать за матерью, и не позволять ей безрассудно тратить состояние Фаулов.

Два месяца позднее, Артемис сидел за своим столом, глядя в экран монитора. На экране были мрачно обрисованы подробности финансового состояния, которое быстро уменьшилось после исчезновения его отца. Теперь он, Артемис, стал главой семьи, хранителем империи Фаулов, а значит ему надо и вести себя подобающим образом.

После того, как судно Артемиса Старшего было погребено черными водами Арктики, его должники забыли о долгах, а фальшивомонетчики, воры и контрабандисты перешли в другие организации.

– Есть ли честь среди воров? – в горести прошептал Артемис,
– Не думаю

Большинство состояния Фаулов просто неожиданно исчезло и Артемис остался без материальной поддержки, а у его матери быстро наступило нервное расстройство. Также кредиторы требовали свой кусок пирога вместо крошек. Артемису пришлось продать с аукциона эскиз Рембрандта, только для того чтобы заплатить по закладной по поместью и расплатиться с другими долгами. Мать не делала положение вещей легче. Она отказывалась верить в то, что Артемис Старший пропал без вести и обманул её с предстоящей миссией спасти мир, оставив лишь долги. Артемис тем временем готовил экспедицию, для того чтобы найти отца. Это очень трудно, когда тебе десять лет, тебя не принято воспринимать серьёзно во взрослом мире, несмотря на различные призы в искусстве и музыке, не говоря уже о свыше десятка прибыльных патентов и авторских прав, распространённых во всём мире. Артемису нужно было время, чтобы накопить состояние, но времени было не достаточно. Деньги были необходимы сейчас. Артемис хотел создать специальную комнату, чтобы прослеживать в Интернете и мировых каналах новостей любую информацию о отце. Для этого требовалось, по крайней мере, двадцать компьютеров. Также была группа Арктический исследователей, ожидавшая в одной из Московских гостиниц следующую часть оплаты за поиски. Платы,

которой Артемис не имел.

Артемис посмотрел на стрелку своих часов.

Пора наконец это сделать – подумал он.

Ангелина Фаул рыдала, уткнувшись в подушку на кровати, когда он зашел. Его сердце забилося быстрее от этого зрелище, но он сжал руки в кулаки и пообещал себе быть сильным.

– Мама, – сказал он, помахивая счётом из банка, – Что это?

Ангелина вытерла слёзы платком, приподнялась на локтях, пытаясь сфокусироваться на сыне.

– Арти, маленький Арти. Подойти и сядь рядом.

Под глазами Ангелины образовались чёрные круги из-за туши, а лицо было бледным, почти полупрозрачным.

Будь сильным.

– Нет, мама. Никаких посиделок и душевных разговоров. Я хочу, чтобы ты мне объяснила на что пошёл этот чек на пятьдесят тысяч евро, отправленный в центр дикой природы в Южной Африке.

Ангелина была поставлена в тупик.

– Южная Африка, дорогой? Кто пошёл в Южной Африке?

– Вы послали этот чек на пятьдесят тысяч евро в Южную Африку, мама. Мне нужны были эти деньги для того чтобы организовать полярную экспедицию.

– Пятьдесят тысяч? Эта цифра мне знакома. Я обязательно спрошу твоего отца, когда он вернётся. Он бы лучше сегодня не опаздывал на обед или я буду расстроена.

Артемис начал терять терпение.

– Мама, пожалуйста. Попробуй подумать. У нас нет лишних средств для того чтобы отправлять их на благотворительность в Южную Африку. Весь персонал, кроме Дворецки пришлось отпустить, а ему надо ещё надо выдать зарплату за предыдущий месяц.

– Лемур! – восторженно воскликнула Ангелина, – Я вспомнила. Я купила шелковистого сифаку лемура.

– Не может быть, – мгновенно отреагировал Артемис. – *Propithecus candidus* (шелковистая сифака) является вымершим видом.

Его мать стала слишком несдержанной.

– Нет. Нет. Они нашли маленького лемура в Южной Африке. Они не знают, как он попал туда из Мадагаскара. Вероятно, в лодке браконьера. Я должна была спасти его. Он последний из вида.

– Через год или два он умрёт, – сказал Артемис холодно, – тогда наши деньги будут впустую.

Ангелина была шокирована.

– Ты говоришь как твой...

– Отец? Прекрасно. Кто-нибудь должен действовать разумно.

Лицо Артемиса выражало твёрдость и уверенность, но внутри его что-то дрогнуло. Как он мог таким образом разговаривать со своей матерью, когда она буквально убивалась горем. Почему я не разваливаюсь на куски? – удивился он, и ответ пришёл ему быстро. – Я Фаул. А Фаулы всегда преодолевают трудности.

– Но пятьдесят тысяч, мама? Для лемура?

– Они могут найти самку, – аргументировала Ангелина, – и тогда мы поможем сохранить вид.

Не имеет смысла спорить – подумал Артемис. – Логикой здесь не победить.

– И где этот счастливый лемур сейчас? – спросил Артемис невинно, улыбаясь, как любой десятилетний ребёнок, разговаривая о маленьких пушистых зверьках.

– Он в безопасности, в Ратдаунском парке (Rathdown Park). Живёт подобно королю. Завтра его перевезут самолётом в специальную искусственную среду во Флориду.

Артемис кивнул. Ратдаунский парк был финансируемым из частных источников заповедником в Уиклоу (графство на востоке Ирландии), специально созданный, чтобы защищать, поставленные под угрозу исчезновения виды животных. Он имел более сложную систему безопасности, чем имели некоторые средние швейцарские банки.

– Это просто замечательно. Возможно мне захочется навестить нашу пятидесятитысячную обезьянку.

– Артемис, – завозмущалась его мать. – Ты прекрасно знаешь, что шелковистый лемур является предшественником обезьян.

– Знаю, но меня это сейчас не волнует.

Артемису захотелось закричать: Отец пропал, а ты потратила деньги, которые должны были идти на его поиск, на какого-то лемура. Но он удержался. Мать была слишком чувствительна в данное время, а он не хотел поспособствовать её неуравновешенности.

– Ратдаун обычно не принимает посетителей, – продолжила Ангелина, – Но я уверена, если я позвоню им, они сделают для тебя исключение, в конце концов Фаулы заплатили за этого примата.

Артемис сделал на лице маску восторженности.

– Спасибо мама. Это будет большим удовольствием для меня и Дворецки. Ты же знаешь, как он любит маленьких пушистых существ. Я обязан увидеть тот вид, который мы спасаем.

Ангелина безумно улыбалась, чем довела Артемиса до ужаса.

– Отлично, сынок. Это будем одним из способов привлечения

отца к этой проблеме. Мать и сын объединенные проблемой спасения мира. Я буду ужасно дразнить вашего отца, когда он вернётся домой.

Артемис повернулся медленно к двери. Его душа ушла в пятки.

– Да, мама. Мать и сын объединенные проблемой спасения мира.

После того, как он закрыл за собой дверь, Артемис оживился и быстро побежал вниз по ступенькам, дирижируя пальцами воображаемым оркестром. Он зашёл в свою спальню, быстро одевшись для поездки, затем отправился на кухню, где нашел Дворецки, который нарезал овощи короткой японской саблей кодачи. Он был теперь шеф-поваром, садовником, а также охранником.

Огромный телохранитель быстро нашинковывал огурец.

– Летний салат, – объяснил он, – Просто зелень, яйца в крутую и цыпленок. А на десерт я думаю приготовить крем-брюле. Я смогу испытать свой огнемёт в действии.

Он посмотрел на Артемиса и был удивлен, увидев его одетым в одном из его двух костюмов, в темно-синий, который он надел недавно на оперу в Ковент Гарден (Covent Garden – королевский оперный театр в Лондоне). Артемис всегда опрятно одевался, но костюм и галстук были необычны даже для него.

– Мы собираемся на какую-то официальную встречу, Артемис?

– На неформальную, – сказал Артемис с холодностью в голосе, что телохранитель не слышал раньше в голосе Артемиса Младшего, но знал хорошо от Артемиса Старшего.

– Просто бизнес. Я ответственный за семейные дела сейчас, поэтому я должен одеваться соответствующе.

– Ах... Я замечаю явную похожесть с вашим отцом.

Дворецки осторожно обтёр саблю, затем снял фартук.

– Значит мы идём на типичную для семьи Фаулов бизнес-встречу?

– Да, – ответил Артемис, – С дядюшкой обезьянок.

Поместье Фаулов, настоящий день

Элфи была в ошеломлена.

– Так значит в приступе ребяческой обиды, ты убил лемура?

Артемис был сам не свой, он сидел на стуле у кровати матери и держал её руку так нежно, как будто она бабочкой.

– Нет. Обычно я редко страдаю от приступов обиды, как вы знаете, она, как правило, в последнюю очередь. Такой интеллект,

как мой не может долго подчиняться эмоциям.

– Но ты сказал, что убил животное

Артемис потёр виски.

– Да, я это сделал. Я не держал в руках ножа, но несомненно убил его я.

– Как именно?

– Я был молод... моложе, – пробормотал Артемис, поскольку он не хотел затрагивать ту тему – Это был другой человек, во всех отношениях.

– Мы знаем, каким ты был, Артемис, – сказал Жеребкин печальным тоном, – Ты представления не имеешь, сколько моего бюджета ушло на осаду поместья Фаулов.

Элфи всё-таки решила настоять на ответе.

– Артемис, как ты убил лемура? Как низко ты опустился для этого?

– Это было до смешного легко, – признался Артемис, – Дворецки и я посетили Ратдаунский парк и просто вывели из строя систему безопасности. Позже вечером, мы вернулись и забрали лемура.

– Так значит Дворецки убил зверька. Я удивленна. Это не его стиль.

Глаза Артемиса опустились.

– Нет, Дворецки не делал этого. Я продал лемура группе таксидермистов (Люди изготавливающие чучела животных, рыб, птиц и т.д.)

Элфи была в ужасе

– Таксидермисты! Артемис, ты не мог сделать этого. Это отвратительно.

– Это было моей первой большой сделкой, – продолжил Артемис, – Я доставил лемура в Марокко, и они заплатили мне сто тысяч евро. Этого мне хватило для того, чтобы профинансировать целую полярную экспедицию.

Элфи и Жеребкин молчали. Артемис фактически назначил стоимость жизни. Элфи отошла от человека, которого некоторое время назад считала другом.

– Я смотрел реально на вещи. Мой отец или лемур, – в его глазах было сожаление, – Я знаю, это было ужасно, то что я сделал. Если бы я мог повернуть время вспять, то...

Вдруг он замер. Он не мог повернуть время вспять, но он знал демона-колдуна, который мог. Это был шанс. Шанс.

Артемис осторожно положил руку своей матери на кровать, затем встал и начал ходить. Думая, он проигрывал в голове музыку, он нуждался в этом. На этот раз из своей обширной коллекции музыки в памяти он извлёк седьмую симфонию

Бетховена. Хороший выбор. Поднимает и вдохновляет дух. Артемис почти не осознавая ходил по ковру, потерявшись среди идей.

Элфи поняла его состояние.

– Похоже у него появился план.

Жеребкинс, вытянув морду, что было совсем не трудно

– Почему-то меня это не удивляет.

Элфи воспользовалась задумчивостью Артемиса, чтобы надеть шлем и поговорить «один на один» с Жеребкинсом. Она подошла к окну и посмотрела через занавески. Лучи закатившегося солнца ещё просвечивали через ветви деревьев, а клумбы георгинов отдавались красными и белыми отблесками, подобно фейверку. Элфи позволила себе тоскливо вздохнуть, а затем вернулась к ситуации.

– Есть что-то большее, поставленное карту, чем мать Артемис.

Жеребкинс, отключил экран взб-камеры, так чтобы Артемис не услышал.

– Я знаю. Если возникнет новая вспышка эпидемии, это будет катастрофой для волшебного народца. У нас нет противоядия.

– Нам нужно будет опросить Опал. Она должна была вести записи.

– Опал всегда держала наиболее ценные формулы в голове. Я думаю, она была застигнута врасплох пожаром в джунглях, ведь она потеряла всех своих доноров одним махом.

Корпорация Кобой привлекла Мадагаскарских лемуров в Цинжи-Дю-Бемараха (Tsingy de Bemaraha – заповедник на западном побережье Мадагаскара) тем, что установила там акустическую систему. Фактически каждый лемур на острове отреагировал на призыв, и попались в ловушку. По стечению обстоятельств, вскоре в одно из деревьев заповедника попала молния, и не только массивы джунглей, но и лемуры были стёрты с лица земли. К счастью, большинство зараженных уже были обследованы, но после этого во время карантина умерло ещё пятнадцать представителей волшебного народца.

Артемис остановился и громко прокашлял. Он был готов поделиться со своими волшебными друзьями планом и теперь ждал их внимания.

– Существует довольно простое решение нашей проблемы, – сказал он.

Жеребкинс вновь включил изображение и его лицо заполнило плоский экран.

– Разве это наша проблема?

– Жеребкинс, не пытайся выглядеть глупым. Это – волшебная

чума, которая мутировала и распространилась на людей. У вас нет противоядия и времени, чтобы предотвратить её. Кто знает сколько случаев заражения Спеллтропии уже есть среди людей.

Включая меня самого – подумал Артемис – Я использовал магию на моей матери, поэтому вероятно я тоже заражен.

– Мы введём карантин в поместье, – ответил кентавр, – Пока никто не использовал магию на твоей матери, Спеллтропия не распространится.

– Я сомневаюсь, что моя мать единственный пациент. Просто слишком много совпадений. Вероятно есть и другие случаи заражения, кто знает, как далеко зашла ситуация.

Жеребкинс хрюкнул. Он был согласен с этой версией.

– Итак, скажи нам Артемис, что это за довольно простое решение?

– Я возвращаюсь назад во времени и спасаю лемура, – произнёс Артемис, мило улыбаясь, как будто он предложил приятную летнюю прогулку.

Наступила тишина. Полная тишина в течении нескольких минут, которая была прервана тихим заикающимся ржанием Жеребкинса.

– Ты возвратишься...

– В прошлое – скептически закончила Элфи.

Артемис сел в удобное кресло, сцепил пальцы на руках и кивнул.

– Предоставить вам аргументы? Пожалуйста, я готов.

– Как можно быть таким самодовольным?, – спросила Элфи – После всех трагедий, которые мы видим, в конце концов многие твои планы причинили вред.

– Я преисполнен решимости, а не самодоволен, – поправил Артемис, – Сейчас нет времени на благоразумие. У моей матери осталось в запасе несколько часов, и мы не имеем больше тоже.

Жеребкинс всё ещё был изумлён.

– Ты можешь представить, сколько надо провести заседаний Комитета Конституции, хотя бы для того, чтобы нам позволили довести вопрос по этой проблеме до заседания Совета?

Артемис покачал пальцем.

– Я прочитал Библию волшебного народца. Она не распространяется на людей и демонов. Если Номер Первый добровольно захочет мне помочь, у вас не будет юридического права, чтобы остановить его или меня.

Элфи решила присоединиться к дискуссии.

– Артемис, это безумие. Путешествие во времени было запрещено из-за того, что потенциальные последствия из-за малейшего вмешательства могут быть катастрофическими.

Артемис хмуро улыбнулся.

– Ах да, заслуживающий внимания временной парадокс. Если я возвращаюсь назад во времени и убиваю своего деда, то я прекращаю своё существование? Я считаю, как Горбен и Берндт(видимо ученые), что любые последствия мы уже чувствуем. Мы можем лишь изменить будущее, но не прошлое и настоящее. Если я возвращаюсь в прошлое, то это означает, что я там уже был.

Элфи старалась говорить помягче; ей было жалко Артемиса. Болезнь Ангелины мучительно напомнила ей последние дни её матери.

– Мы не можем вмешиваться во время, Артемис. Человеку позволено жить своей жизнью.

Артемис знал, чтобы убедительно прошло следующий аргумент, он должен встать и мастерски сыграть обвинение, но он не мог. Он собирался жестоко разыграть одного из своих близких друзей и чувство вины было почти невыносимо.

– Ты уже вмешалась Элфи, – произнёс он, вынуждая себя посмотреть её в глаза.

Эти слова вызвали дрожь у эльфийки. Она подняла забрало своего шлема.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты излечила мою мать. Излечила и погубила её.

Элфи сделал шаг назад, приподнимая ладони, как будто отражая удары

– Я? Я... Артемис, о чём ты говоришь?

Артемис был весь окунут в ложь, и пытался покрыть свою вину внезапным приступом гнева.

– Ты исцелила мою мать после осады. Ты должно быть и заразила её Спеллтропией.

Жеребкинс встал на защиту своего друга.

– Это невозможно. Исцеление было несколько лет назад. Спеллтропия имеет трёхмесячный инкубационный период и она никогда не задерживается больше, чем на несколько дней.

– И она никогда не передаётся людям, – нанёс встречный удар Артемис, – Это новый мутационный вид, Вы понятия не имеете, каковы его признаки.

Лицо эльфийки выражало шок и вину. Она поверила словам Артемиса, хотя Артемис знал, что это скорее его вина, он передал матери эту болезнь, когда корректировал её память.

Отец вероятно тоже заражён. Но кто передал мне эту болезнь? И почему у меня нет её признаков?

Было очень много загадок, но не было времени, чтобы разгадать их. Сейчас ему нужно было достать противоядие и

гарантировать помощь волшебного народца, играя на чувстве их предполагаемой вины в этой проблеме.

– Но я не заражена, – запротестовала Элфи, – Меня проверили.

– Значит ты была лишь носителем, – сказал Артемис решительно. Он свой взгляд на изображение кентавра. – Это ведь возможно, не так ли?

Жеребкинс застал врасплох от прямоты Артемиса.

– Если это действительно новый мутационный вид, тогда да, это возможно. Но ты не можешь сделать какие-либо выводы, это только предположение, гипотеза.

– Обычно, я согласился бы, но обычно у меня много времени, которого хватает и на адекватность. Моя мать умирает, я не могу этому позволить случиться. Я должен возвратиться в прошлое, чтобы спасти лемура, и если вы не собираетесь мне помогать, не препятствуйте моим усилиям.

Представители волшебного народца молчали. Элфи думала о том, что она может сделать. Жеребкинс искал в своём мозге достойные ответы на аргументы Артемиса. Он их не обнаружил. Элфи сняла шлем с головы, и неуклюже подошла к постели Ангелины Фаул.

– Моя мать умерла – отравленная людьми. Случилась авария, которая не оставила её в живых, – слёзы скатились по её щёкам, – Я хотела выследить тех людей. Я возненавидела их., – Элфи сжала руки, – Я сожалею Артемис. Я не знаю, сколько людей я ещё могла заразить. Ты должен ненавидеть меня.

Забудь её мысли, – думал Артемис, – Скажи правду сейчас, или дружба с представителями народца никогда не будет прежней. Но тогда мать может умереть. Нет, ни за что. Будь сильным, и она будет жить.

– Я ненавижу тебя Элфи, – сказал Артемис мягким голосом вслух, а про себя добавил: Я ненавижу себя самого, но обман должен продолжаться,

– Конечно, это не твоя вина, но ты должна мне позволить вернуться в прошлое.

Элфи кивнула, вытирая полные от слёз глаза.

– Я сделаю больше, чем позволю тебе отправиться туда. Я решила отправиться с тобой. Дополнительная пара глаз и пушка окажутся полезными.

– Нет, нет, нет!, – закричал Жеребкинс, увеличивая звуковое сопровождение, – Мы не можем изменить прошлое, даже когда нам это необходимо. Возможно ты, Элфи, сможешь спасти его мать, или вернуть из мира мёртвых Джулиуса, но это абсолютно недопустимо.

Артеми́с указал пальцем на него.

– Это уникальная ситуация, – произнёс он, – Появился новый вид чумы, и мы можем остановить его здесь и сейчас. Кроме того, мы можем восстановить вид, который считается вымершим. Возможно я помог одному лемуру умереть, но благодаря Кобой остальные сгорели заживо. Вы настолько же виновны, как и я. Вы собирали мозговую жидкость живого существа, чтобы спасти себя самих.

– М-мы были в отчаянии, – испугавшись до заикания доказывал Жеребки́нс.

– Вот именно, – восторжествовал Артеми́с, – Вы были готовы на что угодно. Вспомни, что ты чувствовал тогда и спроси себя, хочешь ли ты пережить это снова.

Жеребки́нс опустил взгляд, думая о прошлом. То время было настоящим кошмаром для волшебного народца. Использование магии уже было приостановлено к тому времени, когда суд вынудил Опал показать источник её противоядия. Но к тому времени этот вид лему́ров уже считался вымершим. Жеребки́нс работал без сна, пытаясь найти альтернативные пути лечения, но всё было безуспешно.

– Мы думали, что мы её победили. Пока болезнь не перешла к человеку, – Кентавр собирался с решением, – Мозговая жидкость хранится недолго, далее она бесполезна. Я пытался изобрести контейнер для хранения, но... увы.

– На этот раз у тебя всё получится, – заверил его Артеми́с, – У тебя будет лаборатория и живой подопытный образец. Ты сможешь создать клон самки.

– Клонирование незаконно, – задумчиво произнёс Жеребки́нс, – Но в некоторых случаях, можно сделать исключения.

Шлем Элфи подал звуковой сигнал, привлекая ее внимание к предмету, приземлившемуся на земле. Она поспешно подошла к окну и увидела, небольшой мерцающий предмет, бросающий тень на залитую лунным светом дорогу.

Должно быть это наш пилот новичок, – подумала она сердясь, – он даже не активизировал теневые подсветки.

– Шаттл здесь, – сообщила она Артеми́су.

– Скажите пилоту, чтобы он припарковался в задней части парка, в одной из конюшен. Ассистент доктора сейчас должен делать звонки из кабинета моего отца. Мне не хотелось бы, чтобы во время его последующей прогулки он врезался в замаскированное судно волшебного народца.

Элфи передала инструкции, и они стали напряженно ждать, когда шаттл замаскирует на заднем дворе. Ожидание казалось вечностью, если бы не громкое дыхание Ангелины.

– Номер Первый не в состоянии сделать это, – сказал Жеребкинс себе под нос. – Он молодой колдун без практической подготовки, а путешествие во времени является самой сложной магией.

Артеemis не стал комментировать. Не имело смысла, ведь все его надежды были возложена на Номера Первого. Он должен будет сделать это, или мать умрёт.

Он взял руку Ангелины, поглаживая грубую, как пергамент кожу большим пальцем.

– Держись, мама, – прошептал он, – Ещё несколько мгновений.

Глава 5

Теперь я объявляю вас...

Небольшой демон, также известный, как Номер Первый, шатающейся походкой сошёл с трапа шаттла принадлежащего ЛеППРКОНу. Маленькое коренастое существо серого цвета, покрытое чешуйками, которые напоминали металлическую броню, очень походило на миниатюрного носорога, за исключением того, что последний не ходит на задних лапах и у него нет пальцев на конечностях. Да и голова у Номера Первого больше походила на голову горгульи, чем носорога.

– Ну почему у меня нет хвоста, – думал Номер Первый.

На самом деле, Номер Первый имел хвост, но он был слишком короткий, и ни к чему не пригодный, кроме как отряхиваться от искусственного снега во время прогулок по погодному парку Гавани. Номер Первый утешал себя тем, что по крайней мере его хвост не свисает в туалет. Некоторые из демонов Гибраса имели проблемы с адаптацией к новомодным местам для утилизации естественных надобностей в жилищах Гавани. Он слышал по этому поводу ужасные истории. Только в этом месяце по официальным данным произошло три подобных ЧП. Переход из состояния временной неопределенности к нормальному времени был трудным для всех демонов, но положительных сторон было всё же больше, чем отрицательных. Ограничения, наложенные старым лидером племени, были отменены. Если хотели, демоны теперь могли есть приготовленную пищу. Снова создавались семьи. Даже самые агрессивные демоны стали более спокойными в присутствии их матерей. Очень трудно было избавиться от десяти тысячелетий ненависти к человечеству, и многие из вернувшихся демонов проходили специальное лечение или принимали пилюли, корректирующие настроение, чтобы избавиться от желания прыгнуть в шаттл, идущий на поверхность и загрызть первого же вершка, которого они увидят. У Номера Первого таких желаний не было вообще. Он был в некоторой степени аномальным явлением среди демонов. Номеру Первому нравились все, даже люди, особенно Артемис Фаул, который спас их всех от мрачной смерти, вытащив из временной петли, не говоря уже о Леоне Абботе, психически неуравновешенном экс-лидере демонов. Поэтому, когда в Восьмой отдел попало сообщение, о том, что Артемису Фаулу требуется помощь, Номер Первый связался с подразделением полетов и потребовал, чтобы ему дали

разрешение для выхода на поверхность. Командиру лётного отделения Винияйе пришлось его выдать, потому что несогласие могло бы привести к разного рода магическим истерикам со стороны неоперившегося колдуна. Однажды, в расстройстве, Номер Первый разрушил одну из стеклянных стенок огромного городского аквариума. Волшебный народец до сих пор находит пескарей в ваннах.

– Ты можешь поехать, – сказала ему Винияйа, – Но только в том случае, если ты возьмёшь группу охранников, которые будут держать тебя за руку все время.

Как обнаружил Номер Один, когда попробовал поговорить с командиром охраны, держать за руку не надо было понимать буквально.

– Но Командир Винияйа сказала, что... – пытался возразить он.

– Положи сюда руку, бесёнок, – приказал капитан, – Надень мои часы, я буду за тобой присматривать через них.

Таким образом, Номер Первый появился у поместья Фаулов как казалось один. Но на самом деле он был окружен дюжиной охранников из волшебного народца. На полпути к дому Номер Один изменил свою внешность с помощью заклинания перевоплощения. Любой человек, который теперь посмотрел бы на дорогу, увидел бы там маленького мальчика в развевающемся цветастом платье, направляющегося к главному входу поместья. Этот внешний образ Номер Первый увидел в человеческом фильме прошлого века, и данная внешность показалась ему достаточно невинной.

Мисс Бук появилась в дверном проёме, как раз тогда, когда Номер Первый подошёл ко входу. Его вид заставил медсестру остановиться, забыв куда она направлялась. Она сняла очки, неверя своим глазам.

– Привет, маленький мальчик, – сказала она, мило улыбаясь, хотя, вероятно, не была бы столь приветливой, если ей было бы известно о двенадцати плазменных пушках, направленных на ее голову.

– Привет, – поздоровался Номер Первый, – Я люблю всех, так что не чувствуйте себя в опасности.

Улыбка мисс Бук чуть дрогнула.

– В опасности? Конечно не буду. Ты ищешь кого-нибудь? Вы играете в переодевания?

В этот момент появился Артемис, прерывая их беседу.

– Ах, Фердинанд. Где ты был? – произнёс он, быстро протащив Номера Первого мимо медсестры, – Это Фердинанд,

сын садовника, – объяснил он, – Непоседливый мальчик. Я попрошу его отца, чтобы он забрал его.

– Хорошая идея, – произнесла мисс Бук с сомнением, – Я знаю, что комната твоей матери закрыта, но всё равно посмотри, чтобы он не пошёл наверх.

– Конечно нет, я отправлю его в заднюю часть дома.

– Хорошо, – сказала медсестра, – Мне необходимо немного подышать свежим воздухом, а затем я зайду проверить как ваша мать...

– Не торопитесь, – сказал Артемис, – Я сам сниму показания.

«Все идет по плану», – подумал он.

Как только мисс Бук исчезла за углом, Артемис повел Номера Первого по лестнице наверх.

– Мы идём наверх?, – мягко возразил Номер Первый, – Не делай этого, ведь та леди сказала, чтобы ты меня туда не вёл.

Артемис вздохнул.

– Как долго ты меня знаешь Номер Один?

Номер Один лукаво улыбнулся.

– Ах, я понимаю. Артемис Фаул никогда не делает то, что ему говорят сделать.

Элфи встретила Номера Первого на лестничной площадке, но отказалась обниматься с ним пока он под действием заклинания перевоплощения.

– Мне не нравится чувствовать его, – сказала она – Кажется, что обнимаешь влажную губку.

Номер Первый надулся.

– А мне нравится быть Фердинандом. Люди улыбаются мне.

Артемис заверил его, что не ведётся никакого наблюдения. Тогда демон подождал, пока за ним закроют дверь, а затем снял заклинание перевоплощения, облизывая пальцы. Фердинанд лопнул и растворился в потоке искр рассыпавшихся вокруг тела Номера Первого, оставив небольшого серого демона, на котором не было ничего, кроме широкой ухмылки.

Элфи крепко его обняла.

– Я знала, что ты придешь. Ты нам очень нужен.

Номер первый перестал улыбаться

– Ах, да. Мать Артемиса. Ей необходимо лечение магией?

– Это последнее, что ей нужно, – ответила эльфийка.

Как только объяснили ситуацию Номеру Первому, он сразу же согласился помочь.

– Тебе везет, Артемис, – сказал Номер Первый, шевеля своими восемью пальцами, – На прошлой неделе я делал модуль для перемещения во времени для дипломной работы на курсах магии, которые я посещаю.

– Держу пари, что класс маленький, – сухо прокомментировал Артемис.

– Только я, – согласился Номер Первый – И Кван, конечно, мой преподаватель. Очевидно, что я самый сильный колдун, которого когда-либо видел Кван.

– Хорошо, – сказал Артемис, – Тогда перемещение всех нас в прошлое не должно доставить тебе никаких проблем.

Жеребкинс появился на пяти разных мониторах в комнате Артемиса.

– Всех? – прокричали все пять изображений, – Всех? Ты не можешь взять Номера Первого с собой.

Артемис был не в настроении спорить.

– Он нужен мне Жеребкинс. Конец дискуссии.

Жеребкинс посмотрел на него так, что казалось, будто он сейчас вылезет из экрана.

– Нет, это не конец дискуссии. Элфи – взрослая, она может решать сама, но Номер Первый ещё только ребёнок. Вы не можете подвергнуть его опасности в одной из ваших миссий. Много надежд возложено на этого маленького демона. Будущее всего волшебного народца.

– Ни у кого из нас не будет будущего, если Номер Первый не поможет нам в прошлом.

– Пожалуйста, прекратите, – сказал Номер Первый, – От всего этого у меня начинает кружиться голова. У нас нет времени для споров.

Лицо Артемиса покраснело, но он замолчал, в отличии от Жеребкинса, который продолжал кричать, хотя и приглушил экраны.

– Жеребкинсу нужно выпустить пар, – объяснила Элфи, – Или у него потом будет болеть голова.

Пока они ждали, когда Жеребкинс успокоится Номер Первый сказал:

– В любом случае, я не смогу с тобой поехать. Это не так работает.

– Но ты смог вынести нас из временной петли.

– Кван сделал это. Он мастер, но я пока лишь ученик, – сказал Номер Первый, – И во всяком случае, у нас не было желания вернуться обратно в петлю. Поэтому если вы хотите вернуться сюда снова, я должен остаться в качестве сигнального знака.

– Объясни, – резко бросил Артемис.

Номер Первый расставил широко руки.

– Я буду как маяк, – заявил он, – Сияющей сверхновой звездой. Любая магия, которую я буду выпускать будет

притягиваться обратно ко мне. Я отправлю вас в прошлое и вы притянетесь ко мне, как щенки на поводке, – Номер Первый нахмурился, потому что ему не понравилось сравнение. – Один из тех ужасных втягивающих поводков.

– Да, мы используем такие, – сказал Артемис, – Сколько тебе времени понадобится на создание заклинания.

Номер Один задумчиво зажевал губу.

– Столько, сколько понадобится на то, чтобы вы сняли себя одежду.

– Hurkk, – произнёс Артемис, несколько удивленно.

– Д'арвит – выругалась Элфи.

– Я думаю, мы все знаем что означает Д'арвит, – сказал Номер Один, – Но Hurkk, это не английский. Если ты конечно не имел в виду hark, которое означает слушать или вспоминать что-нибудь из прошлого. Что я полагаю уже имеет смысл. Или возможно ты сказал на голландском, и тогда hurk должно переводиться как сидеть на корточках, – Номер Первый моргнул, – Это означает мне сидеть на корточках?

Артемис склонился к его конусообразному уху.

– Почему мы должны снять одежду?

– Да, это очень хороший вопрос, – присоединилась Элфи, склоняясь к другому уху.

– Это довольно просто, – ответил Номер один, – Я не столь опытный, как Кван. И даже с Кваном при прошлом перемещении вы поменялись глазами, вероятнее всего потому что кто-то сосредоточился на похищении магии. Если при перемещении на вас будет одежда или вы возьмёте с собой оружие, то есть вероятность, что эти вещи станут частью вас, – Демон поднял указательный палец, – Правило №1, во время перемещения – сконцентрироваться, для того чтобы собрать тело целиком. И вам придётся также думать за лемура.

Номер первый заметил неловкость в выражениях лица Артемиса и Элфи, и сжалился над ними.

– Я разрешаю вам оставить одну вещь на себе, если вам это необходимо. Небольшой предмет одежды, только убедитесь, что она совпадает с цветом вашей кожи, потому что после вы можете носить его очень долгое время.

Хотя оба они знали, что это время было не для скромности, лица Артемиса и Элфи залились румянцем. Элфи, смущаясь, сняла свой мерцающий костюм как можно скорее.

– Я оставляю этот предмет, – сказала она агрессивно, чтобы Номер Первый даже не думал спорить. Эта вещь внешне походила на купальник, но было дополнено на плечах и спине основанием для поддержания крыльев. В нем были также тепловые и

кинетические панели, которые могли переносить энергию от пользователя к костюму.

– Хорошо, но я бы посоветовал тебе удалить эту и любую другую электронику.

Эльфийка кивнула, срывая панели. Артемис собрал вещи Элфи.

– Я помещу твой шлем и костюм в сейф, чтобы быть уверенными, что они в безопасности. Нет необходимости рисковать с волшебными технологиями.

– Сейчас ты думаешь, как кентавр, – протрубил Жеребкинс.

Понадобилась около минуты, чтобы положить волшебные устройства в сейф. Когда Артемис вернулся, он снял рубашку и брюки, и аккуратно повесил их в своём гардеробе. Свои туфли он поставил, рядом с несколькими аналогичными чёрными парами и одними коричневыми, на всякий случай.

– Хорошее бельё, – хихикнул Жеребкинс с экрана, на мгновение забыв о всей серьезности ситуации.

На Артемисе были надеты красные боксёры от Армани, которые может быть имели только на пару тонов более насыщенный цвет, чем его лицо.

– Может мы продолжим? – отгрызнулся он, – Где нам нужно стоять?

– А где бы вы должны появиться? – ответил Номер Один, – Для меня намного легче будет, если взлет и посадка произойдёт в одной и той же точке. И так будет достаточно сложным остановить вас во время перемещения по червоточине со скоростью света, даже не думая о месте назначения.

– Мы в нужном месте, – сказал Артемис. – Здесь мы и должны быть.

– Вы должны знать, когда именно вы должны прибыть. Временные координаты так же важны, как географические.

– Я знаю когда.

– Очень хорошо, – сказал Номер Первый, потирая руки, – Пришло время отправить вас.

Элфи вспомнила кое-что.

– Я не завершила Ритуал. У меня мало магии и нет оружия, это может стать проблемой. У меня нет желудка.

– Не говоря уж об излучине реки, – добавил Артемис
Номер Первый ухмыльнулся.

– Это может стать проблемой. Если...

Спиральная руна на лбу демона загорелась красным и стала вращаться, подобно огненному колесу с фейверком. Это выглядело гипнотизирующе.

– Ничего себе, – сказала Элфи, – Это действительно...

Вдруг пульсирующий темно-красный луч магии взорвался от центра колеса, окутывая Элфи коконом света.

– Теперь ты полна магией до краёв, – сказал Номер Один, низко поклонившись, – Большое вам спасибо. Я здесь всего неделю. Не забывайте давать чаевые вашим гоблинам и зарывать в землю желуди. (Скорее всего пародируя обслуживающий персонал или цирковое выступление)

– Ничего себе, – сказал Элфи снова, когда ее кончики пальца прекратили гудеть, – Вот это трюк.

– Больше чем ты думаешь. Это моя собственная помеченная магия. Особый коктейль Номера Первого, который сделает тебя маяком в потоке времени.

– Сколько у нас будет времени? – спросил Артемис

Номер Первый пристально смотрел на потолок, пока делал вычисления.

– Три сотни лет... Нет-нет. Три дня. Элфи может вернуть вас в любой момент, просто подчиняясь моей силе, но после трёх дней связь станет слабее.

– Нам что-нибудь там надо будет делать?

– Давайте посмотрим правде в глаза: я может быть и очень могущественный, но я новичок. Таким образом взлететь от того места, где вы приземлитесь, жизненно важно. Но если, вы выйдете за рамки трех дней, то вы застрянете в прошлом.

– Если мы разделимся, сможет ли Элфи вернуться, а затем перенести меня? – спросил Артемис.

– Нет, не сможет, – ответил Номер Первый, – Было бы невозможно встретиться в том месте, которое кто-нибудь из вас не знал бы. И возвратиться можно будет только один раз. Потом связь закроется. Потребуется сосредоточить все мои силы для этого перемещения. Чуть больше времени, и ваши атомы потеряют память и просто забудут куда двигаться. Оба вы уже были в потоке времени дважды. Я могу перемещать неживые объекты целую вечность. Но живые объекты распадаются в потоке времени, если нет колдуна, чтобы защитить их.

Элфи задала очень подходящий вопрос.

– Номер Один, а ты когда-нибудь делал это раньше?

– Конечно. Несколько раз. На тренажерах. И два раза голограммы выживали.

Решимость Артемиса пошатнулась.

– Два выживших. Два последних?

– Нет, – признался Номер Один, – Последние два раза голограммы попали ловушку в червоточине и были поглощены квантовыми зомби.

Заостренные ушки Элфи начали покалывать, что было

плохим признаком: волшебные уши всегда могли почувствовать опасность.

– Квантовые зомби? Ты шутишь?

– Это то, что я сказал Квану, он написал программу.

– Это не имеет значения, – резко сказал Артемис, – У нас нет другого выбора, кроме как вернуться в прошлое.

– Очень хорошо, – сказал Номер Один, сгибая пальцы. Он согнул свои колени, перенося вес своего тела на кончик хвоста.

– Положение силы, – объяснил он, – Я делаю свою работу лучше в этой позиции.

– То же самое с Мульчем Рытвингом, – пробубнил Жеребкинс, – Квантовые зомби. Я должен получить копию этой программы.

Красная дымка сгустилась вокруг демона-колдуна. Небольшие вспышки молний начали проходить по его рогам.

– Он концентрирует магию, – сказал Жеребкинс с экранов, – Вы можете отправиться в любую секунду. Помните, пытайтесь, как можно меньше прикасаться к чему-либо. Не разговаривайте со всеми подряд. И не пытайтесь связаться со мной в прошлом. У меня нет желания перестать существовать.

Артемис кивнул.

– Я знаю. Попытаться оказывать как можно меньшее влияние, чтобы теория парадокса не приобрела смысл.

Элфи не терпелось быстрее уже покончить с этим.

– Хватит науки. Просто перенесёмся в прошлое и принесём обезьяну.

– Лемура!, – поправили Артемис и Жеребкинс одновременно.

Номер Первый закрыл глаза. Когда он их открыл они стали тёмно-красного цвета.

– Хорошо. Я готов вас отправить.

Артемис моргнул. Он ожидал, что голос силы Номера Первого будет немного менее писклявым.

– Ты уверен?

Номер Первый застонал.

– Я знаю. Это всё из-за голоса, не так ли? Не надо удивляться. Кван сказал мне быть менее легкомысленным и отдавать магию на то что нужно. Поверьте мне, я готов. Теперь возьмитесь за руки.

Элфи и Артемис встали рядом в нижнем белье, скрепив руки в замок. Вместе они пересекли пространство и время, подавили восстание и спутывались с различными безумными типами. В голове пронесли воспоминания от прошлых приключений: кашель кровью, потерянный палец, вдыхание испарений гнома, перемещение пальцев руки, а также глазных яблок, ещё они обнаружили, что держаться за руки неудобно. Но никто из них

руку не отпустил.

Номер Первый знал, что он не должен, но не мог сопротивляться, чтобы не сделать прощальный выстрел.

– Теперь я объявляю Вас...

Никто из державшихся за руки не удивился, но прежде чем они могли сделать что-то большее, чем бросить сердитый взгляд, два красных потока магии как близнецы вырвались из глаз Номера Первого и понесли его друзей в поток времени.

– Человеком и эльфом, – сказал он, заканчивая шутку и восхищенно смеясь.

С экрана фыркнул Жеребкинс.

– Я догадываюсь, что ты смеешься, чтобы скрыть беспокойство

– Верно, – ответил Номер Первый

На том месте, где стояли Элфи и Артемис, стояли их призрачные копии с открытым ртом, как бы пытаясь возразить против комментария Номера Первого.

– Это действительно беспокоит меня – видеть их фантомные изображения. Как будто они мертвы.

Жеребкинс содрогнулся.

– Не говори так. Если они мертвы, мы все можем быть тоже мертвы. Как скоро они должны вернуться?

– Приблизительно через десять секунд

– А если через десять секунд их не будет?

– Значит никогда

Жеребкинс начал отсчитывать время.

ГЛАВА 6

Я к себе

Когда наземное животное попадает в воду, на мгновение оно испытывает замешательство. Неважно, кто это: человек или волшебное существо. Поверхность взрывается брызгами, и все чувства внезапно просыпаются. Уколы холода, движения замедляются, в глазах – размытые цвета и взрывы пузырьков. Поток времени похож на этот мгновение.

Нельзя сказать, что к путешествию через океан времени можно привыкнуть. В одну реку дважды не войдешь. Колдун-демон Кван, у которого был самый большой опыт в плане путешествий во времени, написал в своей автобиографии-бестселлере, «Кван: Сейчас - мое время»: «Путешествие во времени похоже на полет через кишки гнома. Есть очень милые отрезки, где ты летишь свободно, а повернешь за угол – и можно наткнуться на смрадный тупик. Проблема в том, что временной поток строится в основном на эмоциях, он впитывает в себя чувства окружающих из реального времени, которое он омывает. Если наткнешься на отрезок, в котором воняет, можно держать пари, что люди там кого-то убивают».

Артемиса и Элфи тащило через отрезок времени, в котором воняло, что соответствовало разрушению целой экосистемы в Южной Америке. На себе они прочувствовали весь ужас животных, и даже запах обуглившегося леса. Артемис почувствовал, что Элфи теряется в урагане эмоций. Волшебный народец, в отличие от людей, более чувствителен к окружающему миру. Если Элфи потеряет самообладание, то ее атомы рассеются и будут впитаны потоком времени.

– Сконцентрируйся, Элфи, – скомандовал Артемис во временной поток. – Вспомни, кто ты и зачем ты здесь.

Это было трудно для обоих. Частицы их памяти уже были ослаблены путешествием в Затерянный мир, и соблазн растаять в потоке времени был так велик.

Артемис представил свою мать, чтобы упрочить свою целостность.

– Я знаю где и когда я хочу оказаться, – думал он. – Точно где и когда...

Родовое поместье Фаулов, примерно восемь лет назад

Артемис и Элфи покинули поток времени и попали в кабинет 10-ти летнего Артемиса. С точки зрения физиологии этот опыт

путешествия во времени был мягким, похожим на прыжок с низкого старта на толстый ковер, но с эмоциональной точки зрения именно это путешествие было похоже на 10-минутный вихрь самых ужасных воспоминаний их жизни. Правильно говорят, что дважды в один и тот же поток времени войти нельзя.

Элфи плакала о своей матери несколько минут, но, в конце концов, постоянное тиканье старинных напольных часов напомнило ей, где и в каком времени она находится. Она, пошатываясь, встала, и, оглядевшись, увидела, что Артемис направился к платяному шкафу. Его вид взбодрил ее.

‘Вот это ты разогнался’, – сказала она.

Артемис рылся в одежде, висящей на вешалках.

‘Ясно дело, ничего не подойдет’, – бурчал он себе под нос. – ‘Все слишком мало’.

Элфи протиснулась к шкафу. ‘А мне подойдет,’ – сказала она, стягивая с вешалки темный костюм.

– Мой первый костюм, – с любовью проговорил Артемис. – Для Рождественской семейной фотографии. Я даже не представлял, как носить его. Помню, как я волновался, когда мне его подгоняли. Заказали у Зегны заранее.

Элфи разорвала защитный полиэтиленовый пакет. – Какой длинный!

И только в этот момент Артемис немного пришел в себя и осознал шутку Элфи.

– А что ты имела в виду, когда сказала, что я разогнался?

Элфи развернула створку двери так, чтобы зеркало отражало профиль Артемиса.

– Посмотри на себя, – сказала она.

Артемис посмотрел. В зеркале он увидел высокого, стройного парня, на голове копна волос до плеч и даже щетина на подбородке.

– Ох, понятно.

– Удивляюсь, что до тебя дошло, – сказала Элфи. – Сквозь такую-то шевелюру.

– Ускоренное взросление. Побочный эффект путешествия во времени, – безразлично предположил Артемис. – Когда мы вернемся, это должно пройти. – Он сделал паузу, в ожидании реакции Элфи.

– Тебе тоже не помешает посмотреть на себя в зеркало. Изменился не только я.

Элфи оттолкнула его в сторону, думая, что он шутит, но ее полуулыбка исчезла, когда она увидела в стекле эльфийку. Это было ее лицо, но оно отличалось от прежнего, не хватало пары шрамов и пары десятилетий.

– Я помолодела, – выдохнула она. – Помолодела.

– Да ты не расстраивайся, – быстро сказал Артемис. – Это временно. Мы как бы переоделись. Моя физическая зрелость, твоя молодость. Это исчезнет через секунду или две, после того как мы вернемся в поток времени.

Но Элфи расстроилась. Она поняла, как это произошло.

Я думала о матери. О наших последних часах вместе. О том, какой я тогда была.

И поэтому она так изменилась.

Посмотрите на меня. Только из Академии. По человеческим срокам, едва ли старше Артемиса.

Почему-то эта мысль ее беспокоила.

– Брюки одень, – огрызнулась она, застегивая хрустящую белую рубашку на шею. ‘И продолжим обсуждать твои теории.

Артемис воспользовался дополнительными сантиметрами своего роста, чтобы стащить со шкафа большую коробку. В коробке аккуратными слоями лежала одежда, предназначенная для одного из благотворительных учреждений Ангелины Фаул. Он кинул Элфи серебристый парик.

– Костюмированная вечеринка в семидесятых, – объяснил он.

– Мне кажется, я могу представить, как моя мать наряжалась пилотом звездолета. А сейчас прикрой свои заостренные уши.

– Со шляпой было бы проще, – сказала Элфи, натягивая парик на свой темно-рыжий ежик.

– Боюсь, это неудачная идея, – вздохнул Артемис, выбрав из одежды спортивный костюм. – Это не совсем Харродс, но на время сойдет.

Легкие кожаные туфли Артемиса типа мокасин хорошо подошли Элфи, в коробке также была пара отцовских кроссовок, а те, что были на нем, сдавливали пальцы.

– Хорошо, что мы оделись, мы же идем красть обезьяну, – заявила Элфи.

Артемис закатал рукава спортивного костюма. – Одеваться вовсе не обязательно. Мы просто переждем несколько минут, до тех пор, пока моя мама чуть не поймает меня и Дворецки, крадущихся на верхний этаж с лемуром. Я помню, как он задвинул клетку через дверной проем, потом я отнес ее обратно наверх. Как только сюда попадет клетка, мы ее схватим, снимем эту нелепую одежду и вернемся к Номеру Первому.

Элфи взглянула на себя в зеркало. Она выглядела как телохранитель президента с другой планеты. – Звучит просто.

– Это будет просто. Должно быть. Дворецки тогда даже в кабинет не заходил. Все, что мы должны сделать – стоять здесь и ждать.

– А как ты нашел именно этот момент во времени?

Артемис отбросил со лба густую шевелюру, открыв несочетающиеся по цвету грустные глаза.

– Слушай, – сказал он, указывая вверх, куда-то в потолок.

Элфи заправила за ухо прядь серебряных волос, наклонив голову в одну сторону, чтобы напрячь слух. Она услышала старинные напольные часы, бьющиеся сердца путешественников во времени, но все это перекрывал скрипучий, истеричный голос.

– Мама, – сказал Артемис, опустив глаза. – Это был первый раз, когда она меня не узнала. Сейчас она угрожает позвонить в полицию. Через секунду она сбежит вниз к телефону и увидит Дворецки.

И Элфи поняла. Как сын может забыть такой момент? Это, наверное, было настолько же легко, насколько больно.

– Я четко помню. Мы только что вернулись из Ратдаунского парка, частного зоопарка, и я подумал, что надо проверить, как она себя чувствует перед отлетом в Морокко. Через месяц она уже не сможет позаботиться о себе.

Элфи сжала его руку. – Артемис, все хорошо. Все уже в прошлом. Через несколько минут твоя мама придет в себя. И она будет любить тебя, как всегда любила.

Артемис печально кивнул. Он знал, что это – правда, но также он знал, что призрак этого воспоминания никогда не покинет его. На верхнем этаже голос Ангелины Фаул переместился из спальни на этаж выше, оставляя визгливые нотки за собой. Артемис прижал Элфи к стене.

– Дворецки сейчас будет подниматься по лестнице. На всякий случай нам надо держаться в тени.

Элфи не могла не нервничать. – Ты уверен, что он останется снаружи? В последний раз, когда я встретила Дворецки, как врага, со мной был весь ЛеППРЕКОН. Мне как-то не по себе оттого, что я вооружена только серебристым париком.

– Капитан, спокойно, – сказал Артемис, бессознательно защищая ее, – Он останется снаружи. Я это собственными глазами видел.

– Что собственными глазами видел? – спросил Дворецки, появившись в проеме арки позади них, пройдя через смежную дверь спальни.

Артемис почувствовал, как кровь запульсировала в кончиках его пальцев. Как это могло случиться? Все произошло не так. Артемис никогда раньше не испытывал на себе пристальный взгляд Дворецки, и первые в жизни осознал, насколько устрашающим мог быть его телохранитель.

– А вы, детки, рылись в шкафу Фаулов, я смотрю, –

продолжил Дворецки, не получив ответа на свой вопрос.

– Вам нужен скандал или вы хотите уйти по-тихому? Давайте-ка, я вам намекну – правильный ответ: «уйти тихо»

– Волшебство – единственный выход, – осознала Элфи. Она резко повернула свой подбородок, чтобы вызвать свою волшебную силу. Если она не может оглушить Дворецки, то она его загипнотизирует.

– Усни, сын человеческий, – нараспев произнесла Элфи, наполнив голос гипнотизирующей силой. Но гипноз – дракон о двух головах, здесь нужен и визуальный и слуховой контакт.

Дворецки слышал волшебные слова, но из-за тени визуальный контакт был неполным.

– Что... – удивленно спросил он. – Как ты...

У неуклюжего телохранителя было достаточно времени, чтобы понять, что его гипнотизируют. Каким-то образом эти детки пытались овладеть его волей. Он отшатнулся назад, ударившись плечом об арку.

– Усни, Дворецки, – сказал маленький ребенок в парике пилота звездного корабля.

– Она знает меня?

Это серьезно. У этой парочки была информация об охране дома, и они все равно решили сюда забраться.

– Я должен их нейтрализовать до того, как отключусь, – думал Дворецки. – Если я поддамся, Господин Артемис и Госпожа Фаул останутся без защиты.

У него было два выхода: упасть на маленьких воров или выстрелить в них из пистолета-транквилизатора, который он взял на случай запланированного похищения животного в Ратдаунском парке.

Он выбрал второй. По крайней мере, транквилизаторы не задушат этих двоих и не переломают им кости. Дворецки чувствовал вину за свое решение усыпить парочку детишек, но не большую; в конце концов, он работал на Артемиса Фаула и отлично знал, насколько опасными могут быть дети.

Пилот звездного корабля вышел из тени, и Дворецки четко увидел ее глаза. Один голубой, второй золотисто-коричневый.

– Усни, Дворецки, – снова мелодично произнесла девушка, понижая голос. – Веки тяжелеют. Спи.

– Она меня гипнотизирует! – осознал Дворецки. Он пытался вытащить пистолет пальцами, которые как будто сначала опустили в расплавленный каучук, а затем обсыпали шарикоподшипниками.

– Ты спи, – проямлил он, а затем выстрелил девушке в бедро. Элфи недоверчиво уставилась на стрелку, торчащую из ее

ноги.

– Только не это – простонала она и рухнула на пол.

Сознание Дворецки сразу же прояснилось.

Второй проныра не сдвинулся ни на сантиметр.

– Из этих двух – маленькая девочка – профессионал, – подумал Дворецки, вставая на ноги и задаваясь вопросом, какой вклад вносит этот нечесаный индивид в этот тандем.

Артемис быстро понял, что у него нет другого выбора, кроме как сказать, кто он и попытаться договориться с Дворецки.

– Это будет трудно. У меня нет никаких доказательств, кроме как отдаленного сходства с моей более юной личностью.

Но он должен был попытаться сделать это до того, как план окончательно рухнет.

– Послушай, Дворецки – начал он. – Мне нужно тебе кое-что сказать... -

Дворецки не пожелал услышать продолжение. – Нет, нет, нет – быстро проговорил он, стреляя Артемису в плечо. – Ни с кем из вас я больше говорить не буду.

Артемис вытащил стрелу, но было слишком поздно. Крошечная капсула успокоительного опустел.

– Дворецки! – выдохнул он, падая на колени. – Ты в меня стрелял.

– Все знают, как меня зовут – вздохнул телохранитель, нагибаясь, чтобы перебросить проныр через плечо.

– Я заинтригован – промолвил 10-летний Артемис Фаул, осматривая двух индивидуумов в багажнике Бентли. – Здесь произошло что-то экстраординарное.

– Вряд ли экстраординарное – сказал Дворецки, проверяя пульс у девушки. – Пара воров как-то пробралась в дом.

– Они обошли все охранные устройства. Датчики движения ничего не засекли?

– Ничего. Я просто наткнулся на них во время обычного обхода. Прятались в тени, напялили обноски из шкафа.

Артемис потер подбородок. – Гмм. Так ты их одежду не нашел.

– Ни клочка.

– Что означает, что они пробрались сюда, обойдя все охранные устройства, в нижнем белье.

– А это что-то экстраординарное – признал Дворецки.

Артемис вытащил из кармана пиджака фонарик в виде авторучки, осветил им на Элфи, заставляя пряди ее серебряного парика сверкать, как дискотечный шар.

– Вот с этой что-то не то. Очень необычная структура костей. Скулы высокие – славянские, наверное, а брови широкие и

детские. Но пропорции головы и туловища взрослые, недетские.

Дворецки фыркнул от смеха. – Что, инопланетяне?

– Парень – человек, а она – что-то другое – задумчиво промолвил Артемис. – Возможно, генетическая модификация. Он направил пучок света вдоль ее скулы. – Взгляни. Уши заостренные. Поразительно.

Артемиса озарило. Здесь что-то происходит. Что-то важное. На таких обстоятельствах можно непременно заработать кучу денег.

Он энергично потер ладони друг об друга.

– Отлично. Но сейчас это не должно меня отвлекать. В перспективе это на этом странном существе можно сколотить состояние, но в данный момент нам нужно заполучить лемура.

Дворецки пал духом, но скрыл это, хлопнув крышкой багажника. Он надеялся, что про обезьяну забудут.

– Я знаю несколько техник ведения боя, но ни одна из них не дает защиту от обезьяны.

– Дворецки, это лемур. И я в курсе того, что ты считаешь, что эта операция ниже нашего достоинства, но на кону жизнь моего отца.

– Конечно, Артемис. Как скажешь.

– Точно. Итак, вот наш план. Мы направимся в Ратдаунский парк, как запланировали, а после завершения сделки с Экстинционистами я смогу принять решение, что делать с нашими двумя гостями. Я полагаю, в багажнике они останутся целы и невредимы?

Дворецки фыркнул. – Ты шутишь?

Артемис не улыбнулся. – Ты, наверное, заметил, Дворецки, что я шучу редко.

– Ты прав, юный господин. Ты не шутник. Может когда-нибудь, а?

– Вероятно, когда я найду отца.

– Да. Вероятно тогда. А чтобы ответить на твой вопрос... Эта машина твоего отца, и в этом багажнике побывало больше узников, чем ты отпраздновал своих день рождений. Мафия, Триада, Якудза, картель из Тихуаны, Ангелы из Ада. Назови банду, и парочка из нее провела ночь в этом багажнике. Твой отец специально его модифицировал. Там есть кондиционер, ночник, мягкая подвеска и даже питьевая вода.

– Он надежен? Вспомни, наши пленники уже вломились в дом.

Дворецки закрыл дверь.

– Титановый замок, усиленная дверь. Абсолютно никакого выхода. Эти двое будут внутри до тех пор, пока мы их не

выпустим.

– Превосходно, – сказал Артемис, проскальзывая на заднее сиденье Бентли. – Сейчас мне нужно немного времени на это маленькое дельце, поэтому забудем о них и сосредоточимся на лемуре.

– Превосходно, – поддакнул Дворецки, а затем прошептал: – Дело обезьян. Мое любимое.

Ратдаунский парк, Графство Уиклоу, Ирландия

Несмотря на то, что Элфи весила на пять килограмм меньше Артемиса, она пришла в себя раньше него. Она обрадовалась пробуждению, поскольку видела ужасный сон. Во сне она коленками и локтями билась о металлические стены багажника Бентли, и ей казалось, что она находится на подводной лодке ЛеППРЕКОНа.

Элфи лежала, съезжившись и зажмурившись в темноте, пытаясь преодолеть страх. Ее мать погибла в металлической коробке, а теперь она была внутри коробки.

Но именно мысли о матери успокоили Элфи. Она открыла глаза и обследовала ограниченное пространство глазами и кончиками пальцев. Вскоре она обнаружила ночник, встроенный в стальную стену. Она щелкнула им и увидела Артемиса, который лежал, прислонившись к металлической крышке багажника, закруглявшейся за его рукой. Ее собственные ноги в одолженной обуви лежали на сверкающем изгибе надколесной дуги. Они были внутри машины.

Артемис застонал, дернулся и открыл глаза.

– Продавайте долю Фонетикс, – выпалил он, а потом вспомнил Дворецки и стрелы со снотворным.

– Элфи, Элфи?

Элфи похлопала его по ноге. – Я в порядке, Артемис, – сказала она на волшебном языке на тот случай, если в машине стоял жучок. – Я здесь. Где еще мне быть?

Артемис отодвинулся в свою сторону, ударившись спиной, глубокая темнота берлоги скрыла выражение его лица, и заговорил на волшебном языке.

– Нам вкололи одинаковые дозы транквилизатора, а все же ты, более легкая, очнулась быстрее. Волшебство?

Сторона, в которой находилось лицо Элфи, тонула в глубокой тени ночника.

– Да, особая магия Номера Первого вещь сильная.

– Достаточно сильная, чтобы вытащить нас отсюда?

Элфи с минуту изучала поверхность багажника, ощупывая

пальцами каждый сварной шов. В конце концов, она помотала головой, серебристый парик засиял.

– Ни одного слабого места. Даже выходное отверстие кондиционера полностью заглушено. Выхода нет.

– Конечно, нет, – сказал Артемис. – Мы внутри Бентли. Багажник представляет собой стальную коробку с титановым замком. Он глубоко вдохнул прохладный воздух.

– Как это могло произойти? Все по-другому. Дворецки должен был оставить клетку в моем кабинете. Вместо этого он вползает через спальню и усыпляет и тебя и меня. Сейчас мы не знаем, где мы или где лемур. Он уже у них?

Элфи прижалась ухом к крышке багажника.

– Я знаю, где мы.

Снаружи в воздухе плавали звуки сопящих и храпящих животных.

– Мы рядом с животными. Думаю, это парк или зоопарк.

– Ратдаунский парк, – воскликнул Артемис. – А этот факт говорит нам, что у них, на самом деле, лемура нет. Ситуация изменилась, план тоже меняется.

Элфи задумалась.

– Артемис, эта ситуация вышла из-под нашего контроля. Возможно, пришло время признать поражение и вернуться домой, когда ты, более молодой, привезешь нас в поместье. Возможно, ты найдешь лекарство в будущем.

Артемис ждал этого предложения.

– Я это учел. Лемур остается нашим лучшим вариантом, и мы в паре шагов от него. Дай мне пять минут, и я вытащу нас отсюда.

Понятно, почему Элфи сомневалась.

– Пять минут? Даже великий Артемис Фаул не сможет взломать стальную коробку за пять минут.

Артемис прикрыл глаза, сосредоточился, пытаясь не обращать внимание на тесноту, сосульки волос, щекочущие щеки и покалывание щетины на подбородке.

– Подумай об этом, Артемис, – нетерпеливо сказала Элфи. – Мы застряли. Даже у Мульча Рытвинга, наверное, были бы проблемы с таким замком, если бы он, проходя мимо, попытался бы вскрыть его.

Артемис повел бровью, раздраженный этим вмешательством. Но затем улыбка озарила его лицо. При их освещении это выглядело жутко.

– Мульч Рытвинг находится где-то рядом, – прошептал он. – Насколько это возможно?

– Ноль, – сказала Элфи. – Абсолютно никаких шансов. Спорю на свою пенсию.

В этот момент что-то или кто-то снаружи покрутил диск кодового замка на крышке багажника.

Элфи округлила глаза. – Нет. Только не сейчас...

Артемис невероятно самодовольно улыбнулся. – А сколько у тебя пенсия?

– Я не верю. Я отказываюсь верить. Это невозможно.

Еще один поворот диска, за которым последовал легкий скрип и приглушенные нецензурные выражения.

– Какой гортанный голос, – сказал Артемис. – Очень похоже на голос гнома.

– Это может быть Дворецки, – начала спорить Элфи, разозленная самодовольными высказываниями Артемиса.

– Ругаются на языке гномов. Вряд ли.

Металлический шум снаружи усилился.

Шшшшш. Чанк. Клакак.

И крышка багажника качнулась вверх, открывая кусок звездного неба с мерцающим силуэтом смотровой вышки на его фоне. Грязная голова вошла в проем, и показались измазанные грязью неправильные черты лица. Такое лицо может любить только мать, и то если она близорука. Темные, близко посаженные глаза торчали из густой бороды, которая слегка подрагивала, как водоросль в течении. Зубы у него были большие и квадратные, казавшиеся еще более непривлекательными из-за большого насекомого, которое дергалось между двумя коренными зубами.

Это был, без сомнения, Мульч Рытвинг. Гном зацепил языком несчастное насекомое, а затем деликатно его зажевал.

– Жужелица, – кайфуя от вкуса, сказал он. – *Leistus montanus*. Прекрасный букет! Твердая землистая оболочка, но когда она лопается во рту, на небе ощущается подлинный взрыв привкусов.

Он проглотил несчастное создание и, сложив неровные губы в трубочку, смачно отрыгнул.

– Никогда не отрывайте, когда вы в туннеле, – посоветовал он Артемису и Элфи, настолько естественно, как будто они сидели в кафе за круглым столиком. – Грязь идет вниз, а воздух – вверх. Нехорошая идея.

Элфи хорошо знала Мульча. Эта болтовня нужна была для того, чтобы отвлечь внимание, пока он тайком осматривался.

– А сейчас к делу, – в конце концов, сказал гном, выбрасывая мертвый волосок из бороды, которым он взламывал замок. – Сдается мне, у меня есть человечиска и эльф, запертые в машине. Поэтому я задаю себе вопрос – а нужно ли мне их выпускать?

– И что ты себе отвечаешь? – спросил Артемис, едва сдерживая нетерпение.

Черные глаза Мульча заискрились в лунном свете. – Так Вершок понимает гномий язык. Интересно. Тогда уясни, человек. Я вас выпущу, как только получу свои деньги.

– Ага, – подумала Элфи. Все дело в деньгах. Эти двое как-то заключили сделку.

Элфи слишком долго терпела эту тюрьму. – Мульч мне еще не друг, – подумала она, – поэтому нет необходимости быть вежливой.

Она подтянула колени к подбородку, упираясь обеими руками в пол для того, чтобы подпрыгнуть повыше. Мульч понял, что она собралась сделать. – Эй, эльф, нет...

Не успел он что-то предпринять, как крышка багажника ударила его по лицу. Гном упал обратно в ту же яму, из которой он недавно выбрался, оставляя за собой испорченный воздух и грязь.

Элфи вскарабкалась по Артемису на свежий воздух. Она с жадностью дышала, подняв свое лицо к небу.

– Извини, – сказала она между вдохами. – Там мало места. Я не люблю, когда мало места.

– Клаустрофобия? – спросил Артемис, вываливаясь из багажника.

Элфи кивнула.

– Была раньше. Я думала, что я ее преодолела. Но в последнее время...

В яме гнома появился какой-то шум. Ужасная брань и скрежет. Элфи сразу же пришла в себя, прыгнула в углубление и схватила Мульча до того, как он смог открыть челюсть и исчезнуть.

– Он может нам пригодиться, – промычала она, связывая протестующего гнома. – И он нас видел, это может нам повредить.

– Это незаконно, – заорал Мульч. – Вы из ЛеППРЕКОНа.

Он зацепил бородой парик Элфи и сорвал его. – Я тебя знаю. Элфи Малой. Капитан Элфи Малой. Одна из любимых подчиненных Джулиуса Крута.

Вдруг опущенные брови гнома взлетели в замешательстве.

– Но это невозможно.

До того, как Артемис смог посоветовать Элфи не спрашивать, она поспешила задать вопрос:

– Мульч, почему это невозможно?

Мульч не ответил, но его выдал виноватый взгляд, который он бросил через плечо на потертый рюкзак, висевший за его спиной. Элфи ловко повернула гнома и открыла главный отдел сумки.

– О, а у нас здесь сокровище, – сказала она, роясь в рюкзаке. – Медицинский комплект, паек, липучки. И, взгляни, старый Омнитул. – А потом она разобрала выгравированную лазером надпись на рукоятке. – Это мой старый Омнитул.

Несмотря на годы дружбы, Элфи со злостью набросилась на Мульча.

– Где ты его взял? – закричала она. – Как он у тебя оказался?

– Подарок, – запинаясь, предложил Мульч. – От моего... эээ...

Он покосился на надпись на основании. – От мамы. Она всегда называла меня Малой, из-за моего, эээ, колкого характера.

Артемис еще не видел Элфи настолько злой. – Говори, Рытвинг. Правду говори!

Мульч подумывал о драке. Это можно было заметить в том, как он скрючи пальцы и оскалил зубы, но все быстро прошло, и к нему вернулась его обычная пассивность.

– Я выкрал эту вещичку в Таре, – признался он. – Я вор, да? Но я скажу в свою защиту, что у меня было трудное детство, которое вылилось в низкую самооценку, которую я проектировал на других, и наказывал их, воруя их вещи. Поэтому, истинная правда в том, что я жертва. И... простите меня.

Обычная болтовня Мульча напомнила Элфи друга, которым он когда-нибудь станет и ее гнев испарился так же быстро, как и возник. Она провела пальцем по выгравированной лазером надписи.

– Мне подарила его моя мама, – тихо произнесла она. – Это был самый надежный Омнитул, который у меня когда-либо был. А однажды ночью в Гамбурге мой пленник заперся в машине. Я потянулась за оружием, а оно исчезло. Я потеряла своего первого пленника, и его поймал человек. Командиру Круту пришлось отправить для стирания памяти целый отряд техников. Это была катастрофа. И все это время это был ты.

Мульч был озадачен. – Все это время? Я вытащил его из личного ящичка в Таре час назад. Я видел тебя там. Что здесь вообще происходит... – Затем Мульч прищурился и хлопнул в волосатые ладоши.

– О боже, благослови мой откидной клапан. Вы путешественники во времени.

Элфи поняла, что сболтнула лишнее. – Это чушь.

А гном тем временем незаметно раскачивался. – Нет. Нет, так оно и есть. Вы говорите о будущем в прошедшем времени. Вы направили в прошлое послание, чтобы я пришел сюда и вытащил вас отсюда. Мульч с поддельным ужасом приложил руки к щекам. – То, что вытворяете вы, намного противозаконнее по сравнению со всем, что я когда-либо делал. Только представьте, какое я

получу вознаграждение, если сдам вас Джулиусу Круту.

– Отправили послание в прошлое? – с издевкой произнесла Элфи. – Это абсурд, да, Артемис?

– Конечно, – подтвердил Артемис. – Но даже если кто-нибудь захотел оправить послание в прошлое из будущего, куда и в какое время они бы его отправили?

Мульч ткнул пальцем в Элфи. – Рядом с ее шкафчиком была распределительная коробка. Выглядела так, как будто ее не трогали годами. Я в нее залез, потому иногда внутри бывают кое-какие ценные технические штучки. А в этой не было, но был конверт, адресованный именно мне. А в нем записка, в которой меня просили прийти в это место и освободить вас.

Артемис улыбнулся. Он был доволен. – Думаю, что за освобождение тебе полагалось поощрение?

Борода Мульча оживилась. – Большое поощрение. Нет... Огромное поощрение.

– Огромное, э? Очень хорошо, ты его получишь.

– Когда? – с жадностью спросил Мульч.

– Скоро. Мне нужно, чтобы ты сделал мне еще одно одолжение.

– Я знал это, – сказал гном сквозь зубы. – Деньги вперед. Почему я должен вам доверять?

Артемис шагнул вперед, сузил глаза за пеленой темных волос. – А тебе не нужно мне доверять, Мульч. Тебе нужно меня бояться. Я – Вершок из твоего будущего, в прошлом я тебя тоже смогу найти, если ты не согласишься сотрудничать со мной. Я нашел тебя раз, и я снова найду. В следующий раз, когда ты залезешь в багажник, внутри тебя будет ждать полицейский с пушкой.

Мульч почувствовал, что как начали закручиваться волоски на его бороде, а его борода редко ошибалась. Еще его бабушка поговаривала: «Доверяй своей бороде, Мульч. Доверяй бороде». Этот человек был опасен, а у него в жизни и без него хватало проблем.

– Ладно, Вершок, – неохотно уступил он. – Еще одно одолжение. И у тебя должно быть огромное количество золота для меня.

– Будет. Не бойся, мой колючий друг.

Гном был оскорблен до глубины души. – Не называй меня другом. Просто скажи мне. Что. Ты. Хочешь. Чтобы. Я. Сделал.

– Просто следуй своей природе и выкопай тоннель. Мне нужно выкрасть лемура.

Мульч кивнул, как будто похищение лемура было самой естественной вещью в мире.

– А у кого мы его крадем?

– У меня.

Мульч нахмурился, затем до него дошло.

– Ааа... Путешествия во времени и такие фокусы позволяет,
да?

Эфли опустила Омнитул в свой карман.

– Поговори мне еще, – сказала она.

Разговор с животными

Ратдаунский парк

Бентли Фаулов был защищен сканером отпечатков пальцев и вспомогательной клавиатурой, которая требовала пароль из восьми цифр. Пароль менялся каждый месяц, таким образом, Артемису потребовалось несколько секунд, чтобы мысленно перемотать почти восемь лет назад и вспомнить правильный набор чисел.

Он скользнул поперек коричневой кожаной обивки переднего сиденья и нажал большим пальцем на второй сканер, спрятанный позади руля. Дверка ячейки гладко отпружили. Ячейка была небольшой, но места хватало, чтобы вместить пачку денег, платиновых кредитных карточек и запасной мобильный телефон.

– Оружия нет? – спросила Элфи, когда Артемис появился из автомобиля, хотя любой из пистолетов Дворецки неуклюже смотрелся бы в ее руке.

– Оружия нет, – подтвердил Артемис.

– Ладно, все равно я вряд ли смогла попасть даже в слона из пистолета Дворецки, даже если он и был бы у меня.

– Слоны этим вечером нам не нужны, – сказал Артемис, Он говорил на английском языке, так как они уже были вне машины.

– Во всяком случае, едва ли мы можем стрелять в нашего противника в этом специфическом приключении. Возможно, это даже лучше, что мы разоружены.

– Изумительно, – сказала Элфи. – Возможно, я не в состоянии выстрелить в лемура, но я держу пари, что противников станет больше. У тебя есть талант в наживании врагов.

Артемис пожал плечами.

– Гениальность вдохновляет негодование. Грустный факт жизни.

– Гениальность и награбленное, – Закричал Мульч, сидевший на заднем бампере машины. – Учтите это дополнение от того, кто точно знает: никто не любит хорошего вора.

Артемис барабанил пальцами по бамперу.

– У нас есть несколько преимуществ. Эльфийская магия. Талант рытья. У меня есть почти восьмилетний опыт в причинении неприятностей, какого нет у второго Артемиса.

– Причинение неприятностей? – усмехнулась Элфи. – Я думаю, что ты немного приуменьшил. Хищения в особо крупных размерах, так будет звучать правильнее.

Артемис прекратил барабанивать.

– Одной из твоих волшебных возможностей является умение говорить на разных языках, правильно?

– Я же с тобой разговариваю, не так ли? – ответила она.

– Просто, на скольких языках ты можешь говорить?

Элфи улыбнулась. Она знала, что Артемис прекрасно понял, что она собирается сказать.

– Столько, сколько захочешь.

– Хорошо – сказал Артемис. – Мы должны разойтись. Ты полетишь в Ратдаунский парк, Мульч и я пойдем под землей. Если нам потребуется кого-нибудь отвлечь, мы воспользуемся твоим талантом.

– С удовольствием, – сказала Элфи, и немедленно стала невидимой, как если бы она состояла из самой чистой воды. Последней исчезла ее улыбка. Как у Чеширского кота.

Он вспомнил несколько событий из «Приключений Алисы в Стране чудес».

«- Но я не хочу быть среди безумных людей, – сказала Алиса.

– О, ты не можешь помочь этому, – сказал кот. – Мы все здесь безумны».

Артемис посмотрел на вонючего гнома, ищущего в его живой бороде запутавшихся насекомых.

«Мы тоже все здесь безумны», – подумал он.

Несмотря на то, что она была защищена экраном, Малой осторожно приблизилась к главным воротам Ратдаунского парка. Однажды офицеры ЛеППРКОНа подумали, что они невидимы для Дворецки и заплатили за это травмами и ушибами. Она не хотела недооценивать телохранителя, и факт, что он снова был ее врагом, вызывал спазмы ужаса в животе.

Человеческая одежда подсакивала и царапала ее кожу. В течение нескольких минут она чуть не развалилась на куски, поскольку не была создана для использования защитного экрана.

– Сейчас бы сюда мой Нейтрино, – подумала она, смотря на укрепленную стальную дверь и неизведанной темнотой за ней. – И Жеребкинса со спутниковой связью.

Но в глубине души эльфийка была авантюристкой, поэтому мысль просто уйти даже не пришла ей в голову.

Хоть и трудно было управлять механизмами, пока она находилась под экраном, но Элфи пришлось на несколько секунд включить свой Омнитул, чтобы открыть дверь. Это была старая модель, но мать Элфи дополнительно заплатила несколько слитков за модернизацию. Стандартный Омнитул открыл бы любую дверь, запертую на простой механический замок. А этот мог открыть также легкие электронные замки, и даже дезактивировать простую сигнализацию.

«Это пригодиться не должно», думала она. «Как сказал Артемис, «он из прошлого» выключил всю охранную систему».

Но эта мысль не придавала ей уверенности. Однажды Артемис уже ошибся в этом времени.

Меньше, чем через пять секунд Омнитул сделал свою работу и мягко завибрировал, как кот, мурлыкающий сам себе. Дверь распахнулась, остановившись перед самым столкновением с эльфийкой, и Малой снова включила защитный экран.

Входя в Ратдаунский парк, Элфи больше беспокоилась за эту миссию, чем было необходимо при ее опыте.

«Я – снова новобранец. Ребенок прямо из Академии, – поняла она. – В памяти у меня большой опыт, но тело отвергает его. И вообще, нужно получить обезьяну как можно скорее, до того, как тело подведет меня.

Молодой Артемис выключил систему безопасности по пути в институт. Это было легко – обойти сигнализацию с помощью карты-ключа директора. За день до этого он приезжал сюда на экскурсию и смог разговорить директора на тему достоверности теории эволюции. Директор, преданный эволюционист, позволил отвлекать себя разными аргументами достаточно долго, чтобы Дворецки успел обшарить его карманы. Как только карточка была в руках телохранителя, он просто вставил ее в картридер, питающийся от батареек, который лежал в его нагрудном кармане, и просвистел несколько мелодий Моцарта, чтобы скрыть треск машинки.

Две минуты спустя вся информация, в которой они нуждались, была сохранена в памяти картридера, карта директора вернулась в его карман, и Артемис внезапно решил, что теория эволюционного развития, в конце концов, не так уж и плоха.

– Думаю, что в ней больше дыр, чем в голландской дамбе, сделанной из швейцарского сыра, – убеждал он Дворецки по пути домой из Парка Ратдаун. Дворецки улыбнулся на это утверждение. Это была почти шутка.

Чуть позже, этим же вечером, молодой Артемис засунул камеру-кнопку в воздуховод багажника Бентли, для того, чтобы лучше рассмотреть гостей.

Женщина была интересна. Очаровательна. Действие снотворного скоро пройдет, и будет интересно понаблюдать за ее реакцией. Намного интересней, чем за этим волосатым подростком, даже учитывая то, что его широкий лоб и черты лица имели много общего со внешностью семьи Фаулов. Он напомнил Артемису старую фотографию, на которой он когда-то видел своего отца еще мальчиком, на археологических раскопках в

Южной Америке. Возможно, пленник-мужчина был дальним родственником, который надеялся что-то требовать с них.

Камера передавала телевизионный сигнал на его мобильный телефон. Когда Дворецки вел его к летке лемура через Ратдаунский парк, десятилетний Артемис решил проверить экран телефона.

– Мы в центре, Артемис, – сказал Дворецки, а затем упрекнул его. – Это подлый план.

Артемис смотрел на свой телефон.

– Подлый, Дворецки? Подлый? Вообще-то мы не персонажи мультфильмов и у меня нет злодейского смеха и повязки на глазу.

– Еще нет. Хотя, у тебя обязательно появится повязка, если ты немедленно не сконцентрируешься на работе.

Они были в океанариуме Ратдаунского парка, в туннеле, который позволял ученым и случайным посетителям увидеть все виды рыб, размещенные в резервуаре объемом в миллионы галлонов. В океанариуме старались максимально приблизить условия обитания к естественной окружающей среде. В каждом отделе – различные температуры и различная растительность. В некоторых была морская вода, в других – пресная, но все виды, размещенные здесь, были редкими или вымирающими.

Крошечные лампочки на потолке имитировали звезды, а единственным более ярким источником света были глаза светящейся акулы, которые смотрели в стенку плексигласового тоннеля. Именно они позволяли Артемису и Дворецки находиться в тени.

Но Артемис больше интересовался своим мобильным телефоном, чем устрашающе светящейся акулой.

События, которые разворачивались на его экране, были почти невероятными. Артемис остановился, чтобы полностью разобраться в том, что он видел.

Злоумышленники из поместья Фаулов сбежали из багажника Бентли с помощью сообщника. Тоже не человека.

– Я открыл новый мир. Эти существа являются потенциально более прибыльными, чем лемур. Мне стоит забросить это дело и сконцентрироваться не на людях?

Артемис увеличил громкость своего телефона, но крошечный микрофон камеры смог передать только обрывки беседы.

Она проходила на каком-то иностранном языке, но часть разговора была по-английски, и он не раз слышал слово «лемур».

– Возможно, лемур более ценный, чем я думал. Животное – это приманка, которая соблазнит эти существа.

Прошла только минута с небольшим, как на экране появилось

что-то похожее на гнома. Он взгромоздился своей непропорционально большой задницей на задний бампер машины, затем появилась женщина, и сразу быстро исчезла – на том месте, где она была, остались только столбы ограждения Парка.

Артемис сжал телефон в руке.

– Невидимость? Энергия, вовлеченная в создание рефлексивной области, или произведение быстрой вибрации, должна быть невероятной.

Он быстро зашел в меню телефона и активизировал цифровой тепловой сканер, который был нестандартным дополнением камеры, и оказался вознагражден, когда увидел на экране цветное пятно в форме женщины.

– Хорошо. Она видима, но ее трудно различить.

Смотря одним глазом на телефон, Артемис позвал телохранителя.

– Подойди, старый друг. Небольшое изменение плана.

Телохранитель знал, что лучшее, на что он мог надеяться, это побыстрее поймать лемура.

– Нам еще необходимо поймать это маленькое животное, я выиграю у этих существ, – сказал 10-ти летний Артемис. – Неважно, что их много.

Пятнадцатилетнему Артемису пейзаж удовольствия не доставлял. Чтобы отвлечь себя, он составил хайку, описывающий вид перед ним.

Бледные, дрожащие шары

Взбалтывают свой ядовитый груз.

Лысые головы в сумке. (видимо описывается задница Мульча)

Мульч Рытвинг не чувствовал себя настолько поэтичным. Он прекратил рыть и повторно поправил челюсть.

– Не мог бы ты прекратить светить фонариком на мою задницу? Я легко покрываюсь пузырями. Мы, гномы, чрезвычайно чувствительны даже к искусственному свету.

Артемис взял фонарик из аварийного комплекта Бентли, и последовал за Мульчем через новый туннель к клетке лемура. Гном уверил его, что туннель был достаточно короток для того, чтобы его стены выдержали некоторое время, но пока они не добрались до другого конца, Артемису будет безопаснее держаться за Мульчем.

Артемис отвел фонарик в сторону на несколько секунд, думая, что пузырь на заднице был бы последней вещью, которую ему бы хотел видеть, но через некоторое время луч света вернулся назад к бледной шатающейся плоти впереди него.

– Только один вопрос. Если ты можешь удерживать отходы от рытья в себе, то почему твой задний клапан должен быть открыт?

Мульч выплюнул большой комок гномьей слюны на стенку, чтобы укрепить туннель.

– На случай критической ситуации,- объяснил он, – я могу проглотить закопанные куски металла или старые шины. Эти вещи мне необходимо выкинуть из себя как можно скорее, неважно есть за мной раздраженный вершок или нет. Рвать мои штаны не имеет никакого смысла, теперь понятно, тупица?

– Я думаю, что не стоит, – сказал Артемис, решив что если принять во внимание калибр заряженного оружия, направленного на него, он может пережить, что его назвали тупицей.

– Так или иначе, – продолжал гном, размазывая другой комок слюны по стене, – ты можешь считать себя привилегированным. Не много людей видели, как гном работает со слюной. Это – то, что ты мог бы назвать древним искусством. Сначала ты...

– Я знаю, я знаю, – прервал Артемис нетерпеливо. – Сначала ты производишь земляные работы, потом ты укрепляешь стены своей слюной, которая затвердевает при контакте с воздухом, если она вне твоего рта, конечно. А еще она светится – удивительный материал.

Зад Мульча закачался в удивлении.

– Откуда ты знаешь эти тайны?

– Ты сказал мне, или скорее, ты скажешь мне. Путешествие во времени, помнишь?

Гном смотрел на его плечи, его глаза казались красными в свете от его слюны.

– Подожди-ка, насколько близкими мы станем?

– Очень близкими. Мы вместе снимем квартиру. Потом ты будешь ухаживать и женишься на моей сестре. Медовый месяц вы проведете в Лас-Вегасе.

– Я люблю Вегас, – сказал Мульч задумчиво. – Ты такой плут, что я могу поверить, что мы станем друзьями. Но все равно. Держи свои комментарии при себе, или ты не заметишь, как покроешься моими тоннельными отходами.

Артемис сглотнул и отодвинул луч фонарика от зада Мульча.

План был простым. Они прокладывают туннель ниже оловянного фундамента и ждут под клеткой лемура, когда Элфи выйдет на связь через коротковолновой пластырь ЛеППРЕКОНа, который они приклеили на щеку Артемиса. Это они скрыли от Мульча. Дальше этого пункта план был еще неясен. Если они захватят обезьяну, то в это же время Элфи вызовет панику среди животных. Если же молодой Артемис схватит лемура, то Мульч выпустит свои тоннельные газы в Дворецки, что облегчит

освобождение животного из рук мальчика.

– Это очень прямолинейно, – подумал Артемис. – Немного необычно для меня.

– Хорошо, вершок, – сказал Мульч, выкапывая ямку в форме луковицы своими плоскими пальцами. – Мы – здесь. Х – это обезьяна.

– Лемур, – исправил Артемис автоматически. – Ты уверен, что сможешь отличить специфический аромат этого животного от других?

Мульч положил руку на сердце, изображая оскорбленное достоинство.

– Я? Уверен? Я – гном, человек. Гномий нос может найти различие между обычной травой и клевером. Между черными волосами и коричневыми. Между пуком собаки и пуком волка.

Артемис застонал.

– Я должен понимать это как положительный ответ?

– Да. Вообще-то, я не захочу жениться на твоей сестре.

– Если бы у меня была сестра, то я уверен, что она была бы безутешна.

Они остались в пещере на несколько минут, слушая ночные звуки парка и храп, проникающий вниз через глину. Любопытно, но когда звуки проникали через слюнное покрытие тоннеля, они были, как бы пойманы в ловушку, и отражались от стен в различных направлениях. Артемису казалось, что он находится в логове льва.

Но мешало не только это. Артемис заметил, что жуки Мульча запылали алым цветом. Полностью.

– Проблемы? – спросил он, не в силах спрятать дрожь возбуждения.

– Я долго держал в себе этот газ, – ответил гном через сжатые зубы. – Он скоро выйдет. У тебя есть какие-нибудь проблемы с носом?

Артемис покачал головой.

– Жаль, – сказал Мульч. – Это бы его прочистило.

Если бы Артемису не нужно было спасти мать, он бы убежал прямо сейчас.

К счастью для носа Артемиса, Малой подала сигнал его на перстень. Это был коммуникатор волшебного народца. Он передавал сигналы с помощью вибрации непосредственно в ухо Артемиса не производя внешнего шума. Таким образом, Артемис слышал слова Элфи, но не ее голос. Коммуникатор был довольно сложным прибором, но мог воспроизводить только роботоподобные звуки. И только в определенном положении.

Артемис надел перстень на палец, повернул его, и начал

разговор.

– Получилось. Мы – прямо под целью. Ты видишь, где мы?

– Нет. Вас не вижу. Но я вижу лемура. Он, кажется, спит на нижней ветви. Я легко могу достать его.

– Нет, Элфи. Ничего не делай. Мы захватим цель сами. А ты наблюдай за мной младшим.

– Понятно. Не броди вокруг да около, Арти. Поднимись, спустись и возвращайся назад к автомобилю.

Арти?

Артемис был удивлен, что Элфи так его назвала. Этим уменьшительным именем его называла только мать.

– Сообразил? Вверх, вниз и назад.

– Арти?

Мульч резко ударил его по плечу.

– Ты когда-нибудь сосредоточишься? Не похоже, что ты можешь стать великим.

– Очень хорошо. Продолжай. Постарайся рыть тихо.

Мульч изменил положение тела, присев на корточки и упершись макушкой в крышу туннеля.

– Слишком поздно, чтоб быть тихим, – хрюкнул он. – Натяни жакет на лицо.

Артемис едва успел сделать это, как Мульч выпустил громоподобный фонтан газа и земли, обрызгав мальчика комками непереваренной почвы. Гномья слюна раскололась в тысяче мест, и Мульч, крутясь, взлетел вверх, легко пробивая проход на поверхность.

Как только пыль осела, Артемис забрался в клетку. Мульч отскочив от низкого потолка упал без сознания, его запутанные волосы были в крови, задний клапан болтался как носок на ветру, пока выходили остатки туннельных газов.

В клетке низкий потолок?

Лемур в следующей клетке казался высоко удивленным всем волнением и прыгал вверх и вниз на обрезанной ветви, втиснутой между брусками.

"Следующая клетка, – понял Артемис. – Мы не в клетке лемура. А в чьей мы клетке?"

Прежде, чем у него появилось время для исследования этого, его перстень подал звуковой сигнал, и бесчувственный автоматизированный голос прогудел в его ухе:

– Вытащи Мульча оттуда, Арти. Сейчас же возвращайся вниз.

"Что это? – задавался вопросом Артемис. – Что в этой клетке?"

Затем двухсоткилограммовая угандийская горная горилла врезалась в него, оставляя его мысль так и не высказанной.

Младший Артемис и Дворецки наблюдали на все это через щели прорезанные окна в их укрытие, которое находилось перед клетками. Укрытие было построено в саду камней и в водном отделении, и позволяло близко исследовать различных животных, не нарушая естественные ритмы их дня. Директор был достаточно любезен, чтобы позволить себе сидеть в стуле наблюдателя ранее в тот день.

– Однажды вы смогли управлять тепловым отображением укрытия и всем этим оборудованием с того стула, – сказал он.

– Возможно даже раньше, – ответил Артемис.

– О мой бог, – сказал Дворецки, фраза, выражающая максимум чувств его грубоватым голосом – Это, должно быть действительно больно, – он потянулся в карман за дротиками. – Я помогу ему, или хоть дротик стрельну.

Дворецки был занят с дротиками. Два вора, без сознания, без сознания, на полу в клетках. Через окно щели они имели отличный обзор на злоумышленника, потрясаемого как тряпичная кукла огромной гориллой. Третий находящийся в клетке рухнул, и казалось, был добит энергично вырывающимися газами.

"Невероятно," – думал Артемис. "Этот день полон неожиданностей."

Он ввел несколько паролей, чтоб включить компьютерную клавиатуру, переадресовывая камеру теплового изображения.

– Я не думаю, что дротик будет необходим, – он сказал. – Помощь уже в пути.

Уверенный достаточно, красно-сердечный жар подпрыгнул поперек мощеного прохода, паря перед клеткой гориллы.

Теперь это должно быть интересным, – размышлял десятилетний Артемис.

Элфи немедленно начала действовать. Она осторожно спряталась позади широкого ствола привезенного баобаба, без щита, чтоб сохранять магию, не спуская глаз с младшего Артемиса, когда Мульч сделал отверстие в земле в не той клетке. Его подбросило в минициклоне из кусков почвы, он отпрыгнул от пола и потолка как в пинболе, и рухнул на пол клетки.

Житель клетки, черно-серая бычья горилла, как расстрелянная, проснулась от глубокого сна. Ее глаза были широко раскрытыми, но стертыми, ее зубы – желтые и обнаженные.

– Останься внизу, Артемис, – подумала она. – Оставайся в туннеле.

Как неудачно. Артемис вскарабкался на поверхность, с трудом проводя простой подъем. Туннель времени не дал ему никакого проворства. Артемис часто говорил, что физическая работа – не для него.

Элфи взяла телефон-коммуникатор.

– Вытащи Мульча оттуда, Арти, – крикнула она. – Сейчас же возвращайся вниз.

Но было слишком поздно. Горилла решила, что эти вновь прибывшие были угрозой. Скатилась с ее гнезда из листьев и коры, приземлившись на восьми суставах пальцев, от столкновения по волосам на ее руке пошла резкая волна.

Элфи возвела экран, так как она бежала, за ней оставались серебристые следы, поскольку ее парик развалился.

Горилла схватила удивленного Артемиса за плечи, и заревела ему в лицо, ее зубы были как капкан для медведя.

Элфи была в воротах, она выхватила Омнитул из кармана, засунув дуло в замок. Она рассмотрела сцену в клетке, в то время как она ждала, когда инструмент сработает.

Мульч теперь был на локтях, встряхивая любящую выпить голову. Прошел момент или два прежде чем он соизволил помочь человеческому незнакомцу.

Так или иначе, это было несущественным: еще минута или две, и будет поздно спасти Артемиса.

Омнитул подал звуковой сигнал, и дверь клетки распахнулась.

Узкий проход простирался от пешеходной дорожки, пересекаясь со вторым и прорезая канавки в углублениях на полу среды обитания.

Элфи заряжала поперек без колебания, махая ее оружием, крича, подставляя себя под удар.

Горилла раздражалась и фыркала, прижимая Артемиса к своей груди – предупреждение для Элфи отойти назад. Голова Артемиса болталась на его плечах, а его глаза были наполовину закрыты.

Элфи остановилась в трех метрах от животного, опуская оружие и пристально вглядываясь. Дружественная позиция.

Горилла сделала несколько поддельных нападений, ударяя к в пределах половины метра от эльфийки, затем презрительно поворачиваясь назад, все время хрюкая и воя, давя Артемису на грудь. Волосы Артемиса были заглажены назад с кровью, и темно-красная струйка просочилась из угла его левого глаза. Одна рука была сломана и кровь испачкала рукав его тренировочного костюма.

Элфи была потрясена. Потрясена. Она испытывала желание

закрывать и убеждать. Ее друг был ранен, возможно даже мертв.

"Возьми власть!" – сказала она себе. "Ты старше, чем выглядишь."

Одно из волшебных полномочий было даром языков, и это охватило элементарное схватывание некоторых из более сложных языков животных. Она никогда не обсуждала бы глобальное потепление с дельфином, но она знала достаточно для основных разговоров. С гориллами это было так на языке тела, так что фактически они разговаривали. Элфи села низко на корточки, согнула локти, суставы на земле, а спинной хребет изогнула вперед. Дружественная поза, затем она направила ее губы и прокричала несколько раз.

– Опасность!- сказали эти крики. – Опасность – рядом!

Горилла сделала смешную добычу двойника, пораженная словами на языке горилл, произнесенными этим существом. Она ощущала уловку, но не была уверена, где эта уловка. И в сомнении начала бить себя по груди.

Горилла опустила Артемиса, стояла высоко на двух ногах, толкая передовой подбородок, и начала бить по груди ладонями.

– Я здесь король! Не шутите со мной, было ясное сообщение.

Мудрое чувство было очевидно, но Элфи не имела никакого выбора.

Она бросилась вперед, крича все время, выбрасывая неровный испуганный визг, и затем, против совета каждого эксперта дикой природы, который когда-либо держал сжатый кулак, она изучала непосредственно глаза животного.

– Леопард! – кричала она, иерархическое представление ее голоса с волшебным гипнозом. – Леопард!

Ярость гориллы была заменена унылым беспорядком, который в свою очередь был свергнут террором.

– Леопард!- кричала эльфийка. – Поднимайся!

Двигаясь с меньше чем ее общепринятым изяществом, горилла двинулась к задку клетки, двигаясь как если бы под водой, очарованная гипнозом. Деревья и листва были словно избиты палкой, оставляя след коронованных соком стволов, на середине выровненной травы. В моментах, животное исчезло глубоко в тень его искусственной среды обитания, напуганный ужасными невнятными словами, плавающими от верхнего навеса.

Элфи плохо себя чувствовала бы позже, но сейчас нельзя было терять ни мгновения, на вину. Артемис был тяжело ранен, возможно, даже смертельно.

Горилла опустила Артемиса как каркас, который был начисто подметен. Он лежит там, все еще как мертвый.

"Нет, не думай так."

Элфи помчалась к другу, и на последних метрах заскользила на коленях.

Затем она издала неприятный звук от всего увиденного.

"Слишком далеко уходит. Он слишком далеко уходит."

Лицо Артемиса было бледно как кость. Его длинные темные волосы были спутаны с кровью, и белки его глаз были близнецами через закрытые веки.

– Мама, – чуть слышно проговорил он.

Элфи протянула руки, искорки магии уже прыгали на кончиках ее пальцев, стреляющих прочь в дуги как крошечные сигнальные ракеты солнца.

Она мерзла прежде, чем волшебство могло сделать скачок к телу Артемиса.

Если я излечу Артемиса, то я также прокляну его? Мое волшебство испорчено Спеллотропией?

Артемис слабо двигался, и Элфи могла услышать трение костей в его рукаве. На его губах теперь тоже была кровь.

"Он умрет, потому что я не помогаю. По крайней мере, если я излечу его, есть шанс."

Элфи встряхнула руки, и смахнула слезы с глаз.

"Соберись. Ты – профессионал."

Она не чувствовала себя очень профессиональной. Она чувствовала себя подобно девочке из глубины ее души.

"Твое тело играет уловки с твоими мыслями. Игнорируй это."

Элфи нежно придала лицу Артемиса чашевидную форму в обеих руках.

– Исцеляй, – прошептала она, почти рыдая.

Волшебные искры прыгали как развязанные собаки, углубляясь в поры Артемиса, связывая кости, излечивая кожу, останавливая внутреннее кровотечение.

Внезапный переход от двери смерти к здоровью и бодрости был груб для Артемиса. Он дрожал и взбрыкивал, его зубы дрожали, волосы завивались в электрическом ореоле.

– Ну давай, Артемис, – сказала Элфи, склоняясь над ним как на похоронах. – Проснись.

В течение нескольких секунд не было никакой реакции. Артемис был похож на здоровый труп, но он обычно так и выглядел. Затем его разные глаза открылись, веки трепетали как крылья колибри, его система перезагружалась. Он кашлял и дрожал, сгибая пальцы рук и ног.

– Элфи, – сказал он, когда его взгляд отчистился. Его улыбка была искренней и благодарной. – Ты спасла меня снова.

Элфи смеялась и плакала одновременно, проливая слезы на грудь Артемиса.

– Конечно, я спасла тебя, – сказала она. – Я не могла обойтись без тебя. – И потому что она была счастливой и почувствовала прилив волшебства, Элфи склонилась и поцеловала Артемиса, волшебное искрение вокруг этого контакта было похоже на маленький фейерверк.

Десятилетний Артемис Фаул одним глазом присматривал за действиями, происходящими в обезьяньей клетке.

– Троглодитовая горилла, – прокомментировал он Дворецки.
– Подарена М. И. Мику доктором Томасом С. Диким, американским исследователем западной Африки, который первым написал труды о гориллах в 1847 году.

– Лучше и не говори, – тихо сказал Дворецки, которого больше интересовал радиус досягаемости существа, чем история его открытия и наименования.

Они использовали волнение животных, чтобы пробраться мимо гориллы и искусно прячась, перебежать двор, чтобы добраться до клетки с лемуром, которая была за клеткой с гориллой.

Странные вновь прибывшие существа были слишком заняты, чтобы привлекать их внимание. Дворецки сбил замок для ключ-карты и открыл двери клетки.

– Ты только посмотри на тех двоих. Тратят время. Меня за этим никогда не застанешь.

Дворецки фыркнул, как он обычно делал, прежде чем его лицо приобретало бесстрастное выражение.

– Большинство людей не могут заставить тебя вообще за чем-либо, Артемис.

Артемис позволил себе хихикнуть. Это был интересный день, и Артемис наслаждался испытаниями, которые этот день ему преподносил.

– А вот и мы, – тихо сказал он. – последний шелковый лемур сифака в мире. Примат за сто тысяч евро.

Лемур висел высоко на мадагаскарской пальме, хватаясь за ветки длинными, цепкими пальцами на ногах и широко расставленными большими пальцами рук. Его шкура была белоснежной, с коричневым воротником на груди.

Артемис указал на животное:

– Эти цветные полосы на его груди является меткой месторасположения его грудных желез.

– Ага, – сказал Дворецки, которого эта информация волновала даже меньше, чем происхождение научных наименований горилл. – Давай просто побыстрее заберем тварь с собой, пока наши друзья не успели перегруппироваться.

– Я думаю у нас есть секунда или две, – сказал Артемис.

Дворецки изучал незнакомцев в соседней клетке. Удивительно, что мужчина еще не был порван в клочья, но каким-то образом девчонка появилась из ниоткуда и отогнала гориллу. Впечатляюще. У нее в арсенале еще есть какие-то трюки. За ей стояли серьезные технологии. Возможно какое-то камуфляжное снаряжение, которое могло бы объяснить эти искры. Он знал, что американцы создали какой-то новый вселандшафтный камуфляжный костюм. Один из его знакомых военных дал ему ссылку на просочившееся в интернет видео.

В клетке было еще одно существо, волосатый индивид, который вытащил первых двоих из "Бентли", попутно взломав то, что считалось невзламываемым замком. Существо не было ни человеком, ни зверем, это был приземистый крепкий персонаж, который каким-то образом пробирался сквозь землю, а сейчас пытался справиться с распиравшими его газами. Каким-то образом, эта штука умудрилась прорыть тридцатиметровый тоннель в считанные минуты. Если бы клетки не были разделены разграничительными стенами, существо было бы в той же клетке что и лемур. Оно и было, когда внезапно появилось прямо под лемуром, в соседней клетке.

Дворецки знал, что у Артемиса просто руки чешутся изучить этих странных существ, но времени не было. Они были в абсолютном неведении, что происходит, а люди часто умирали в таком положении, даже не успев ничего понять.

Телохранитель достал дробиковый пистолет, но Артемис, узнав звук доставаемого оружия, покачал указательным пальцем.

– Это наш крайний вариант. Я не хочу, чтобы наш дружок сломал себе шею, когда ползет вниз. Для начала, попробуем мягкий подход.

Из своего кармана он вынул маленькую сумку на молнии, в которой лежал янтарного цвета гель, с прожилками черного и зеленого.

– Мой собственный состав, – объяснил он. – Сифаки принадлежат к семейству приматов дай индридай, что означает, как ты понимаешь, что они исключительно вегетарианцы.

– Кто ж этого не знает? – осведомился Дворецки, который все еще не убрал пистолет.

Артемис открыл сумку, выпуская густой, сладкий аромат, прокладывавший дорогу к лемуру.

– Концентрат сока растений с ароматической смесью Африканской растительности. Ни один лемур не устоит. Но если у этого конкретного примата мозг сильнее желудка, тогда стреляй. Один выстрел, пожалуйста, и избегай попадания в

голову. Один дротик вероятно пробьет его тонкую черепушку.

Дворецки фыркнул, но лемур двигался. Он полз по ветке, водя остроконечным носом, чтобы поймать аромат. Пробовал запах на вкус своим мелькающим розовым язычком.

– Хмм, – сказал телохранитель. – Эта уловка, я полагаю, с человеком не работает.

– Спроси меня снова через шесть месяцев, – сказал Артемис. – Я провожу кое-какие эксперименты с феромонами.

Лемур перепрыгивал вперед, зачарованный прекрасным ароматом. Когда ветки закончились, он спрыгнул на землю и поскакал вперед на двух лапах, протянув пальцы к сумке.

Артемис усмехнулся.

– Эта игра закончена.

– Возможно нет, – сказал Дворецки. В клетке рядом с ними, длинноволосый мальчик вновь был на ногах, а женщина издавала очень странные звуки.

Круг магии вокруг старшего Артемиса и Элфи исчез, и с ним ушел умопомрачительный транс сковавший разум Артемиса.

Он был напряжен. Элфи поцеловала его. Артемис откинулся назад, вспрыгивая на ноги, раскидывая руки, чтобы избавиться от внезапного головокружения.

– Эээ... Спасибо, – неловко сказал он. – Это было... Неожиданно.

Элфи слегка смущенно улыбнулась.

– Артемис, ты в порядке. Еще несколько исцелений, и ты будешь полотном из шрамов, склеенным с помощью магии.

Артемис подумал, что было бы приятно постоять здесь и поболтать, но в ближайшей клетке его будущее убегало вместе с его прошлым.

Он сразу понял, что произошло. Нос Мульча привел их в нужное место, но клетки были отгорожены перемычками, лемур был прямо над ними, но в то же время в другой клетке. Артемис не помнил посещения этого помещения. Но он начинал осознавать, что директор переместил лемура в специальную комнату для просмотров. Это привело его в замешательство.

– Очень хорошо. Вот мы где...

Он пытался очистить мысли, готовя свой мозг, пытаясь забыть поцелуй хотя бы сейчас. Об этом можно подумать позже.

Артемис потер глаза, чтобы красные искорки пропали из глаз, а затем повернулся так быстро, как позволял пост-лечебный синдром. Вот он где, он сам молодой, привлекающий лемура сифаку сумкой с янтарной пастой.

"Готов поспорить, что это концентрат сока растений, может

пара листьев и веточек. Ну разве я не был умным мальчиком?"

Требовалось немедленное решение. Быстрый как пламя план. Артемис помассировал свои виски, как будто это могло помочь ему лучше думать.

– Мульч, можешь прорыть тоннель?

Гном открыл было рот для ответа, но вместо этого подскочил.

– Я не знаю, – сказал он наконец. – у меня голова слегка кружится. И желудок. Удар меня встряс, – его живот издал звук как от моторной лодки. – Простите меня. Я думаю мне надо...

Он сделал именно то что "надо". Он забрался в папоротники и дал желудку опорожниться. Некоторые растения от этого завяли.

"Бесполезно," – думал Артемис. "Мне нужно чудо или этот лемур умрет."

Он схватил Элфи за плечи.

– У тебя осталась магия?

– Немного, Артемис. Пара искорок, может быть.

– Ты можешь говорить с животными?

Элфи согнула шею до хруста, проверяя остатки магии.

– Я могу говорить с кем хочешь, кроме троллей, с ними этот трюк не удастся.

Артемис кивнул, бормоча что-то про себя. Думая.

– Хорошо. Хорошо. Я хочу, чтобы ты отпугнула лемура от меня. От меня молодого. Все что мне нужно – замешательство. Сможешь это устроить?

– Могу попробовать.

Элфи закрыла глаза, глубоко вдохнула через нос, затем откинула голову назад и взвыла. Это был фантастический звук. Львы, обезьяны, волки, орлы – все их звуки были в нем. Вой был наполнен прерывистой болтовней обезьян и шипением тысячи змей.

Артемис старший отступил назад, инстинктивно напуганный. Какая-то первобытная часть его разума восприняла это послание как страх и боль. Мурашки поползли по его телу, ему пришлось напрячь все силы чтобы не убежать и не спрятаться.

Артемис младший нагнулся к лемуру, подсовывая сумку под егодвигающийся нос. Лемур положил подушечки своих пальцев на Артемисово запястье.

"Я заполучил его," – думал Артемис. "Деньги на экспедицию у меня в кармане."

Затем волна ужасного звука ударила его как десятибалльный ураган. Молодой Артемис отпрянул, выронив сумку с пастой, внезапно по непонятной причине напуганный.

"Нечто хочет убить меня. Но что? Это звучит как все животные мира."

Обитатели зоопарка тоже были взволнованы. Они визжали и трещали, раскачивали свои клетки, бросались на прутья. Обезьяны методично пытались перепрыгнуть рвы, окружающие их островки. Восьмисоткилограммовый суматрский носорог кидался на мощные двери своей клетки, заставляя их петли трещать при каждом ударе. Красный волк рычал и фыркал, испанская рысь шипела, ударяя воздух, а снежный леопард гонялся за своим хвостом, выворачивая голову и беспокожно мяукая.

Дворецки не мог помочь, но переключил свое внимание на...

– Это то существо женского пола, – констатировал он. – Издаёт какие-то звуки. Это пугает животных. Я и сам слегка не в себе.

Артемис не отводил глаз от лемура.

– Ты знаешь, что делать, – сказал он.

Дворецки знал. Если есть препятствие мешающее выполнению миссии, его надо убрать. Он быстро подошел к прутьям решетки, навел мушку пистолета в проем и всадил дротик женщине в плечо.

Она отступила на шаг, ее фантастический оркестр животных звуков оборвался на полувскрике.

Дворецки почувствовал дрожь от вины, которая почти заставила его отвернуться от Артемиса. Дважды он усыплял эту девушку, или кто она там, не имея понятия какое воздействие оказывают химикалии на ее нечеловеческий организм. Его единственным оправданием было то, что у него были дротики с малыми дозами, пока он дежурил в ночную смену. Она не будет в отключке слишком долго. Может быть несколько минут.

Лемур был напуган. Тонкие ручки тряслись. Концентрат был привлекательным, но здесь присутствовала какая-то жуткая опасность, и инстинкт самосохранения пересилил искушение вкусо поесть.

– Нет, – сказал Артемис, увидев облачка страха в глазах лемура. – Это неправда. Здесь нет опасности.

Маленький представитель рода обезьян не был в этом уверен, как будто мог прочесть намерения мальчика в острых чертах его лица.

Шелковый сифака пискнул, как будто укололся об колючку, а затем побежал по Артемисовой руке, перескочил через плечо и выбежал через открытые двери клетки.

Дворецки попытался поймать его за хвост, но схватил лишь пару волосков. Он сжал руку в кулак.

– Возможно, на этот раз, стоит признать свое поражение. Мы

ужасно неподготовлены, а наши оппоненты имеют... Некоторые способности, о которых мы ничего не знаем.

Артемисовым первым порывом было броситься за лемуру.

– Артемис, стой, – сказал Дворецки. – Если наш план должен удался, то я поведу.

– Они хотят заполучить лемура, – Артемис задыхался на бегу. – Так что для нас он становится еще более ценным. Когда мы поймает животное, у нас будет доминирующее положение.

"Поймать животное" – легче сказать чем сделать. Лемур был невероятно ловок, находя за что цепляться на самых гладких поверхностях. Он без видимых усилий перемещался по стальной ограде, подпрыгнул на нижние ветки, а оттуда на стену парка.

– Стреляй! – прошипел Артемис.

Казалось, что Дворецки не заметил выражения лица Артемиса – почти жестокого, брови насулены, он совершенно не был похож на десятилетнего ребенка. Но он решил позаботиться об этом позже. Ему сейчас надо было успокоить одно животное.

Дворецки был быстр, но шелковый сифака оказался быстрее. Меховой вспышкой он взобрался на стену и выбрался наружу, в ночь, оставляя за собой белый призрачный след.

– Вау, – сказал Дворецки, почти восхищаясь. – Это было быстро.

Артемис не был впечатлен выбором слов своего телохранителя.

– Вау? Я думаю это заслуживает большего, чем вау. Наша добыча убежала, и вместе с ней мои деньги на Арктическую экспедицию.

С этой фразой Дворецки быстро терял интерес к лемуру. Были другие, менее подлые пути найти деньги. Его аж дрожь брала, когда он думал какие удары ему придется выдержать, если новости об этой ночи каким то образом долетят до Бара Фермера в Лос-Анжелесе, владельцем которого был бывший телохранитель с татуировкой синего бриллианта, а ведь бар этот часто посещали и другие телохранители.

Но озлобленное на провал миссии, чувство преданности Дворецки заставляло его вспомнить об одной вещи, о которой директор зоопарка упоминал ранее, когда Артемис был занят изучением системы безопасности.

– Есть кое-что что я знаю, чего ты можешь не знать, – лукаво сказал он.

Артемис был не в настроении для игр.

– Ох, неужели? И что же это может быть?

– Лемуры – древесные создания, – ответил Дворецки. – Этот маленький парень напуган, и он заберется на самое высокое

дерево, которое сможет найти. Даже если оно ненастоящее. Надеюсь ты понял.

Артемис сразу же понял, это не было особо сложно: Огромные структуры отбрасывали решетку теней в лунном свете.

– Конечно, старина, – сказал он, нахмуренность исчезла с его лица. – Электропилы.

Дело принимало ужасно плохой оборот для старшего Артемиса. Мульч был ранен, Элфи опять без сознания – ноги торчат из гномьего тоннеля, и, наконец, у него самого закончились идеи. Оглушающие крики сотен сошедших с ума от страха животных не вовсе не способствовали сконцентрированию.

"Все животные сливаются в примата" – подумал он, а затем: "Ну и времечко я нашел для открытия чувства юмора".

Все что он мог сделать, это расставить приоритеты.

"Для начала надо вытащить Элфи отсюда," – понял он. "Это самое важное."

Мульч простонал, перекатываясь на спину. На лбу у него была кровоточащая рана.

Он неуверенно шагнул в сторону гнома.

– Я представляю себе твою великую боль, – сказал он. – Боюсь тебя ждут сильные страдания, – Врачебный такт не был сильной стороной Артемиса. – У тебя будет огромный шрам, но я думаю внешний вид для тебя не особо важен.

Мульч покосился на Артемиса через приоткрытый глаз.

– Ты что, пытаешься острить? О боже мой, похоже что нет. Похоже это самая хорошая вещь, которую ты мог сказать.

Он ощупал лоб пальцем.

– Ой. Это больно.

– Конечно.

– Придется зашивать. Ты об этом гномьем таланте знаешь все, я полагаю.

– На самом деле, – сказал Артемис, смотря ему прямо в лицо. – Я видел это десятки раз.

– Я в этом сомневаюсь, – хмыкнул Мульч, выдергивая извивающийся волосок его бороды из подбородка. – У меня нет особого выбора, не так ли? Пока эльфийка из ЛеППРКОНа в отключке, магической помощи ждать не приходится.

Дрожа, Мульч приложил волоски бороды к порезу. Они вырвались, как головастики, прокалывая кожу и стягивая края раны. Несмотря на содрогания и вскрики, Мульчу удалось остаться в сознании.

Когда волосы закончили свою работу, и рана была перевязана плотнее, чем муха в паутине, Мульч схватил немного

липкой глины, и намазал ее на рану.

– Зашито, – объявил он, а затем, увидев блеск в глазах Артемиса, добавил:

– Даже не думай, вершок. Это действует только на гномов, и более того, волосы моей бороды действуют только на меня. Попробуй запустить одного из моих любимчиков себе под кожу, и все что ты получишь – инфекцию.

Шорох в низкой растительности становился все громче, и Артемис решил отказаться от прослушивания практически неизвестной ему информации.

– Пора уходить. Можешь завалить туннель за нами?

– Я смогу его завалить с легкостью – это как два пальца об асфальт. Но тогда тебе лучше идти вперед. Есть лучшие пути завершения жизни чем быть заживо погребенным в... Ну, скажем так, отходах. Мне нужно сказать еще что-нибудь?

Не было нужды повторять по слогам. Артемис прыгнул в тоннель, схватил Элфи за плечи и потащил ее вниз по тоннелю, минуя сгустки светящейся слюны, пробираясь к спасительному свету в конце. Это было как путешествие в космосе, к Млечному Пути.

Звуки, издаваемые его собственным телом, усилились. Прерывистое дыхание, барабанная дробь сердца, изгибание и скрип мышц и сухожилий.

Элфи было легко тащить. Ее костюм терся о поверхность, издавая шипение, как от гнезда гадюк. А может здесь и в самом деле были змеи, судя по тому, какие сюрпризы преподносила ему удача до сих пор.

"Я пытаюсь измениться к лучшему," – напомнил он себе. "И вот как судьба меня награждает. Преступная жизнь неизмеримо проще."

Звуки на поверхности усиливались с помощью акустики тоннеля. Горилла, похоже, не на шутку разозлилась. Артемис слышал, как она бьет себя в грудь кулаками и яростно кричит.

"Она поняла, что мы ее обманули."

Построение теорий было резко прервано появлением Мульча в тесном тоннеле, с повязкой из светящейся слюны на голове, отбрасывающей мертвецки-зеленое сияние на его лицо.

– Горилла идет, – сказал он, набирая полные легкие воздуха. – Надо идти.

Артемис слышал звук и эхо от приземления гориллы в тоннеле. Огромный примат зарычал, сбегая вниз по узкому проходу, свирепость звука нарастала с каждым метром пройденным им.

Элфи простонала, и Артемис крепче обхватил ее плечи.

Мульч втягивал воздух так быстро как мог, отодвигаясь вслед за Артемисом и Элфи по тоннелю. Осталось двадцать метров. Им не успеть. Горилла двигалась вперед, стирая в порошок слюнные фонарики по мере своего продвижения, рыча от жажды крови. Артемис мог поклясться, что он видел плоть в ее зубах.

Тоннель содрогался от каждого удара. Большие секции обрушались. Глина и камни скатывались по голове и плечам Артемиса. Грязь попала на веки Элфи.

Щеки Мульча раздулись, он приоткрыл рот лишь настолько, чтобы проговорить:

– Хорошо, – его голос был писклявым, как от гелия. – Бак полон.

Гном схватил Артемиса и Элфи своими толстыми и крепкими руками и выпустил из своего тела весь воздух без остатка. Получившийся поток газов протолкнул их троих по тоннелю. Полет был коротким, резким и вводящим в ступор. Дыхание вырывалось из легких Артемиса, его пальцы сжались до треска, но он не собирался отпускать Элфи.

Он не мог дать ей умереть.

Горилла-неудачница полетела через голову по тоннелю, уносимая потоком газов. Она зацепилась пальцами за стенки тоннеля, но все равно двигалась, медленно, как будто привязанная эластичным тросом. Она орала, продвигаясь назад, втыкая свои пальцы в стену.

Артемис, Элфи и Мульч пробкой вылетели из тоннеля, катясь и кувыряясь по яме клубком тел и конечностей. Звезды над ними сияли, а луна желтым пятном плыла по небу.

Древняя стена бедняков остановила их качение, раскрошившись под ударом трех тел.

– Более чем сто пятьдесят лет стояла эта стена, – вздохнул Артемис. – И вот пришли мы.

Он лег на спину, чувствуя себя абсолютно побежденным. Его мать умрет, и Элфи скоро будет его ненавидеть, когда узнает правду.

"Все потеряно. Я понятия не имею что делать."

Затем один из печально известных ратдаунских электропилонов привлек его внимание, а если быть точным – фигуры, взбирающиеся на нее по служебной лестнице.

"Лемур сбежал," – думал Артемис. "И он взбирается так высоко, как может."

Отсрочка. Все еще есть шанс.

"Что мне нужно чтобы спасти ситуацию, так это полный набор следящих и боевых устройств ЛеППРКОНа. Возможно стоит

попросить Номера Первого послать мне один."

Артемис оторвался от остальных и решил, что за основанием колонны будет пока безопасно. Он убрал оставшиеся камни, которые валялись на основании, сжал пальцы на последнем из них и бросил. Он полетел с легкостью, но ничего не обнаружил, лишь грязь да червей. Не было посылки из будущего; по какой-то причине этот конкретный трюк сработал всего один раз.

"Итак. Помощи нет. Я должен сделать что возможно."

Артемис вернулся к месту, где лежали Мульч и Элфи. Они оба стонали.

– Я думаю у меня кишки порвались, когда я избавлялся от этого воздуха, – сказал Мульч. – В этой мешанине я натерпелся страху.

Артемис наморщил нос.

– Ты будешь в порядке?

– Дай мне минутку, и у меня будет достаточно сил, чтобы унести с собой все то золото которое ты мне обещал.

Элфи подергивалась. Ее веки трепетали, она пыталась выйти из обмарака. Ее руки бились как рыбы выброшенные из воды. Артемис наскоро проверил пульс и температуру. Легкий жар, но сердцебиение в норме. Элфи приходила в себя, но пройдет несколько минут, прежде чем она сможет контролировать свое тело.

"Мне придется сделать это самому," – понял Артемис. "Без помощи Элфи и Дворецки."

Только Артемис против Артемиса.

"И, возможно, Омнитул," – думал Артемис, залезая к Элфи в карман.

Ратдаунские электропилоны, с момента их возведения, несколько раз мелькали в заголовках ирландских газет. Защитники природы протестовали против их возведения, утверждая, что огромные структуры испортят вид прекрасной долины, не говоря уже о том, что неизолированные силовые линии могут сказаться на здоровье всех, кто живет под ними. Национальное управление электросетей проигнорировало эти протесты, заявив, что линии слишком высоки, чтобы повредить кому-либо, а построение обычных линий в обход долины займет гораздо больше земли и испортит вид в десятки раз сильнее.

Так что полдюжины стальных гигантов пересекли Ратдаунскую долину, достигая ста метров в высоту. Частые звонки от протестующих в службу тех-поддержки, заставили электрических магнатов выделить вертолет для обслуживания линий.

Этой ночью, Артемис бежал по залитому лунным светом лугу, сбивая капельки росы по пути. Никакие протестующие не обзванивали пилоны, и они отбрасывали тени, как огромные лунные знаки. Артемис петлял между ними, постоянно поднимая голову, чтобы видеть фигуры наверху.

Лемуру сейчас был на проводах, его силуэт виднелся в лунном свете. Он с легкостью пробирался по металлическим кабелям, а Артемис младший и Дворецки стояли на платформе техобслуживания, неспособные продвинуться дальше.

"Наконец-то," – подумал Артемис. "Пара приливов удачи."

Первая удача заключалась в том, что лемуру сейчас нельзя было взять. А вторая заключалась в том, что его юное альтер эго вместе с Дворецки решил следовать за шелковым сифакой прямо по пилону, где тот только что пробежал. А сам он, мог выбрать и другой путь: стоящий невдалеке столб, который был сервисным пилоном.

Артемис добрался до основания пилона, защищенного решетчатой дверью с электронным замком. Тяжелый электрозамок был легко взломан Омнитулом, как и стальной замок от ящика со снаряжением. Внутри были различные инструменты, рации и электронепроницаемый костюм. Артемис схватил тяжелое снаряжение, просовывая руки в прилегающие к нему перчатки, убирая волосы под шлем. Огнеупорный, сшитый из стальных нитей костюм должен был действовать как защитная сеть Фарадея(7). В противном случае, он не сможет пролезть по проводам без того, чтобы превратиться из гениального преступника в обуглившуюся головешку.

Еще удача. Подъемная платформа была сбоку пилона. Она была заперта за дверью и под защитой ключ-карты. Но замки не устояли перед Омнитулом, а ключевой код продержался немногим дольше, только до того как открылась панель. Оттуда можно было активировать подъемник вручную.

Артемис крепко ухватился за поручень безопасности, а маленький подъемник,

скрипя, прокладывал путь к ночному небу. Долина раскидывалась перед ним, по мере того как он поднимался выше, западный ветер дул гулял по холмам, вырывая непослушные волосы из-под шлема. Артемис смотрел на север, и на какой-то безумный миг, ему показалось, что он видит огни особняка Фаулов.

"Мама там,"- думал он. "Ей плохо сейчас, будет плохо и в будущем. Может, мне стоит поговорить с собой молодым. Объяснить, что происходит."

Эта мысль была даже более сумасшедшей, чем предыдущая.

Артемис не питал иллюзий на счет того, каким он был в десять лет. Он не доверял до конца никому, кроме себя. Ни родителям, ни даже Дворецки. При первом упоминании о временном потоке, его юное альтер-эго сначала скажет Дворецки выстрелить в него дротиком, а потом уже будет задавать вопросы. Много вопросов, очень долгое время. Не было времени для объяснений и споров. Этот бой можно выиграть только остроумием и хитростью.

Лифт встал на месте на верхушке пилона. Знак, изображающий череп над скрещенными костями, был приклепан к высоким воротам безопасности. Даже если бы Артемис не был гением, был другой вариант обозначения опасности, на случай, если полному идиоту удастся взобраться сюда – картинка изображающая человека, которого поражает молния вылетающая из пилона. Скелет человека на рисунке был отлично виден, в лучших традициях рентгена.

"Очевидно, электричество опасно," – сказал бы Артемис, будь рядом Дворецки.

На воротах безопасности тоже был замок, задержавший его почти столько же, сколько и первые два. Снаружи обнаружилась маленькая платформа, покрытая переплетениями проводов, а внизу гудели двойные силовые кабели.

"Полмиллиона вольт бежит по этим проводам," – думал Артемис. "Я надеюсь, что в этом костюме нет дыр."

Артемис пригнулся пониже, внимательно осматривая линии. Лемури остановился на полпути между пилонами и стрекотал себе под нос, как будто взвешивал свое решение. Мальцу повезло, что он касался только одного провода, и заряд не тек через его тело. Но стоит ему хотя бы пальцем коснуться второго провода, и заряд подбросит его метров на тридцать вверх, и он будет мертв как камень, прежде чем упадет на землю.

На дальнем пилоне, Артемис младший сердито смотрел на животное, одновременно пытаясь привлечь его сумкой с пастой.

"Делать нечего, придется лезть на провода и самому забрать лемури."

Жаркий костюм был оборудован для перемещения по проводам. Вокруг его талии был обвязан предохранительный канат, а в длинном кармане, на бедре, лежал громоотвод. Внизу были маленькие сани на изолированных бегунках, которые инженеры использовали для перемещения вручную между пилонами.

"Мозги сейчас ничего не стоят," – осознал он. "Все что мне сейчас нужно – это баланс."

Артемис застонал. Баланс не был его сильной стороной.

Глубоко вдохнув, он пригнулся пониже и достал громоотвод

из кармана. Почти сразу же, как только материал очистился, потоки ослепительно-белых искр сорвались с силовых линий, соединенные кончиком громоотвода. Поток гудел и шипел, как неоновая змея.

"Ты просто уравниваешь вольтаж. Электричество не сделает тебе больно."

Возможно что и так, но Артемис чувствовал как у него на шее волоски дыбом встают. Было ли это сомнение, или несколько вольт протекло в его тело?

"Не будь идиотом. Будь в этом костюме дыра, тебя бы уже ударило в полную силу, а не только частичками."

Артемис имел весьма туманное представление о технике ходьбы по электролиниям – только из выпусков новостей, которые в спецрепортажах сообщали о верхолазах-сорвиголовах, рисковавших своей жизнью ради поддержания электричества в Дублине. Собственно, это была не ходьба по проводам, а ползание по проводам. Кабели были чрезвычайно туго натянуты, и инженеры техподдержки пристегивали свои тросы безопасности, ложились на сани-ползунки, а затем крутили лебедку, пока не достигали места сбоя.

Просто. Теоретически. Для профессионала в спокойный денек.

Но не так просто для любителя, в темной ночи, которому светят только звезды да тусклые огни лежащего неподалеку Дублина.

Артемис убрал громоотвод в карман, и осторожно прицепил свой спасательный трос к одному из кабелей.

Он задержал дыхание, как будто бы это что-то изменило, и положил свои руки в перчатках на металлические сани-ползунки.

"Пока еще жив. Неплохо для начала."

Артемис медленно ступил вперед. Металл, под его неуклюжими руками в рукавицах, был теплым. Он лег на ползунки лицом вверх и обхватил обеими руками лебедку, которая была прямо перед его лицом. Это был очень тонкий маневр, его невозможно совершить если кабели натянуты неравномерно. Он начал крутить и сразу почувствовал с каким напряжением ему это дается, еще бы -ведь он тянул свой собственный вес.

"Физкультура. Дворецки, ты был прав. Я займусь зарядкой и чем угодно, только снимите меня с этих кабелей с лемуром в руке."

Артемис скользнул вперед, чувствуя, как ползунки скребут по грубому металлу кабелей, их интенсивный гул заставлял его зубы выбивать дробь, а их дрожь била по изогнутой спине. Ветры дули

низко, но по прежнему угрожали выкинуть его из его высокого гнездышка. Земля отсюда, казалась другой планетой. Далекой и неживой.

Еще через десять метров, когда его руки болели от напряжения, его заметили с другой стороны.

Голос доносился с другого пилона.

– Я советую вам стоять на месте, молодой человек. Если в костюме есть хоть одна щель, то одна ошибка – и эти кабели расплавят ваш мозг и кости.

Артемис нахмурился. "Молодой человек"? Неужели он был настолько противен и покровительственен?

– Ты умрешь менее чем за секунду, – закончил десятилетний Артемис. – Но этого достаточно, чтобы почувствовать смертельную агонию, не так ли? И все впустую, ведь лемур, вероятно, вернется за угощением.

Да, мало того что он был мерзок и покровительственен, так еще и самодоволен.

Артемис решил не отвечать, сконцентрировавшись на выживании и привлечении лемура к себе. Из своего огромного запаса знаний почти обо всем, Артемис выудил тот факт, что приматов успокаивал мурлыкающий звук. Спасибо тебе, Джейн Гудолл.

И он начал мурлыкать, а его юное альтер-эго рассмеялось.

– Послушай, Дворецки. Там кот на проводах. Очень голодный, я бы сказал. Возможно тебе стоит бросить ему рыбки.

Но в насмешливом тоне чувствовалось беспокойство. Юный Артемис знал точно, что происходит.

Еще немного мурлыканья, которое похоже срабатывало: Призрачный силуэт сифаки сделал несколько осторожных шагов в сторону Артемиса старшего, его черные глаза-бусинки светились звездным светом и, возможно, любопытством.

"Элфи мною гордилась бы. Я разговариваю с животным."

Даже мурча, Артемис почти смеялся от того, какой сложилась ситуация. Типичная Фаулская мелодрама. Две группы охотятся на лемура на высочайших в Ирландии силовых электролиниях.

Артемис смотрел, вдоль изгиба линий, на другой пилон, где стоял Дворецки, хвосты его пиджака облепили его бедра. Телохранитель склонился на ветру, всматриваясь взглядом в темноту, буравя Артемиса старшего взглядом, как лазером.

"Я скучаю по своему телохранителю," – думал Артемис.

Лемур подобрался ближе, успокоенный мурлыканьем и, возможно, одураченный серо-стальным цветом костюма.

"Правильно. Я просто другой лемур."

Руки Артемиса тряслись от поворачивания ручек под таким

углом. Каждый мускул его тела был напряжен до предела, включая некоторые, которые он никогда до сих пор не использовал. У него голова кружилась от удержания баланса.

"Все это, да еще и изображать из себя животное."

Один метр. Таково было теперь расстояние между Артемисом и лемуром. Насмешек с другой стороны больше не было. Артемис взглянул на пилон и обнаружил, что его альтер эго закрыл глаза и глубоко дышал. Попытался разработать план.

Лемур прыгнул на ползунки и осторожно коснулся Артемисовой руки в перчатке. Контакт. Артемис лежал смирно, лишь с губ его срывалось успокаивающее мурлыканье.

"Вот так, дружок. Прыгай мне на руку."

Артемис посмотрел в глаза лемура и, возможно впервые, осознал, что у него есть чувства. В его глазах был страх, но также и озорство, доверие.

"Как я мог продать тебя тем безумцам?" – размышлял он.

Лемур внезапно что-то решил для себя, и вскарабкался Артемису на плечо. Он устраивался поудобнее, в то время как Артемис тянул их обратно к пилону обслуживания.

Отступая, Артемис следил за своим юным альтер эго. Он никогда бы не принял поражение так легко. Ни один из них не принял бы. Внезапно, глаза младшего Артемиса распахнулись, он встретил взгляд своего альтер эго.

– Пристрели животное, – холодно сказал он.

Дворецки был удивлен.

– Пристрелить обезьяну, – уточнил он.

– Это... А, неважно. Просто пристрели ее. Мужчина защищен костюмом, но лемур – легкая мишень.

– Но падение...

– Если он умрет, пускай так. Никто не смеет мне перечить, Дворецки. Если я не получу лемура, его никто не получит.

Дворецки нахмурился. Убийство животных отсутствовало в списке его обязанностей, но из личного опыта он знал, что с его патроном лучше не спорить. В любом случае, поздно спорить здесь, на верхушке пилона. Ему следовало поговорить с патроном сильно раньше.

– Стреляй, как будешь готов, Дворецки. Цель не становится ближе.

Там, на кабелях, Артемис с трудом верил страшным словам, долетавшим до него. Дворецки вытащил пистолет и взбирался по балкам пилона, чтобы выстрелить лучше.

Артемис не собирался говорить, так как контакт с его альтер эго мог иметь серьезные последствия в будущем, но слова слетели с языка прежде, чем он мог их остановить.

– Отступишь. Ты не знаешь, с чем имеешь дело.

"Ох, ирония..."

– Ах, он говорит, – бросил Артемис младший через пропасть.

– Как удачно, что мы можем понять друг друга. Тогда пойми это, незнакомец. Этот шелковый сифака будет моим или он умрет. Не заблуждайся.

– Ты не должен этого делать. Слишком высоки ставки.

– Я должен сделать это. У меня нет выбора. Теперь, пошли животное ко мне, или Дворецки выстрелит.

В это время лемур устроился на голове Артемиса старшего, скребя и барабана по его шлему.

Итак, два мальчика, бывшие одним мальчиком, скрестили взгляды на длинный, напряженный момент.

"Я бы сделал это," – думал Артемис старший, пораженный жестоким выражением его собственных голубых глаз.

И тогда он осторожно поднял одну руку, снимая шелкового сифаку с головы.

– Придется тебе вернуться, – мягко сказал он. – Возвращайся к вкусному угощению. И будь я на твоём месте, я бы держелся поближе к большому человеку. Маленький не очень добр.

Лемур выбрался из руки Артемиса, ущипнул его за нос – прямо как Беккет, затем развернулся и побежал по кабелю к Дворецки, водя носом по воздуху, ноздри раздувались, определяя местонахождение сумки с вкусностями.

В считанные секунды он уже скрючился под локтем Артемиса младшего, с силой погружая пальцы в сок. Лицо мальчишки светилось радостью победы.

– А теперь, – сказал он, – самое лучшее для тебя – остаться на месте, пока мы не уйдем. Я думаю, пятнадцати минут хватит. После, я советую тебе идти своей дорогой, и считай, что тебе повезло, что я не приказал Дворецки усыпить тебя. Запомни боль, которую ты сейчас чувствуешь. Боль полного разгрома и беспомощности. И, надеюсь, что освежив в памяти эту боль, ты дважды подумаешь, прежде чем вновь встать у меня на пути.

Артемису старшему пришлось смотреть, как Дворецки упаковывает лемура в байковую сумку, а затем, вместе с Артемисом младшим спускается вниз по служебной лестнице. Через несколько минут фары "Бентли" разрезали темноту, и машина уезжала от парка на шоссе. Без сомнений, прямо к аэропорту.

Артемис поднялся и взялся за ручки лебедки. Он еще не был сражен, нет, он был далек от этого. Он собирался встать на пути десятилетнего себя снова так скоро, как сможет. Если у него и были какие сомнения, то насмешливая речь его альтер эго

укрепила его решимость.

"Помнишь боль?" – думал Артемис. "Я себя ненавижу. Действительно ненавижу."

Глава 8

Мокрая сделка

К тому времени, когда Артемис спустился вниз, Элфи странным образом исчезла. Он бы оставил ее в туннеле, но на этом месте ничего не было, кроме грязи и следов.

Следы, – подумал он, – Мне только нужно идти по ним и я найду Элфи. Все-таки надо было прочитать “Последний из Могикан”.

– Не суетись, следуя за этими следами, – сообщил голос из ямы, – Это ложный след. Я проложил его, чтобы большой человек не принял нашего друга из ЛеППРКОНа за закуску.

– Что ж, это ты хорошо придумал, – сказал Артемис, взглядываясь через листву. Большая лохматая тень двигалась от холмика к нему, пока не превратилась в Мульча Рывтинга, – Но зачем ты это сделал? Я думал ЛеППРКОН ваш враг.

Мульч показал на него коротким грязным пальцем.

– Ты мой враг, человек. Ты враг планеты.

– И всё же ты готов помогать мне за золото.

– За огромное количество золота, – поправил Мульч, – И может быть ещё за жареного цыплёнка. Под соусом барбекю. И большую Пепси. Но цыплёнка побольше.

– Ты голодный?

– Всегда. Гномы могут съесть еды так же много, как грязи.

Артемис не знал смеяться или стонать. Мульч видимо до самой могилы будет веселиться, даже при серьезных ситуациях, или, может быть, он только старался создать подобное впечатление.

– Где Элфи?

Мульч кивком указал на небольшой земляной холмик.

– Я её надёжно спрятал. Правда, она очень громко кричала.

– Спрятал??? У неё же клаустрофобия.

Артемис опустил на колени и принялся разгребать землю голыми руками. Мульч дал ему покопать около минуты, затем тяжело вздохнул.

– С твоего позволения вершок, давай я сам всё сделаю. Ты будешь там копать всю ночь.

Он подошёл к холмику, и засунул внутрь руку. Несколько секунд, он копошился там, покусывая свои губы, как-будто ища определённое место.

– Оба-на, – промолвил гном, дёргая за короткую веточку.

Холмик завибрировал, а затем рассыпался комками глины и гальки. Элфи лежала в яме, целая и невредимая.

– Эта сложная структура называется Ха-Ха, – сказал Мульч, размахиваясь прутом.

– Это... Как?

– Это как Ха-Ха-Ха-Ха-Ха, фиг увидишь ты меня, – сказал гном, затем согнулся, и хлопая ладошкой по колену, взорвался приступом смеха. Артемис бросил сердитый взгляд на него, затем повернулся к Элфи.

– Элфи, ты меня слышишь? – произнёс он, осторожно тряся её за плечи.

Эльфийка открыла затуманенные глаза, пытаясь сфокусироваться.

– Артемис, я... О, господи.

– Всё хорошо. У меня нет лемура... Но с другой стороны, как ни странно, он у меня. Он у другого меня, но не беспокойся, я знаю куда он направляется.

Элфи провела по его щеке своими тонкими пальцами.

– Я хотела сказать, о, господи мне кажется, что я тебя поцеловала.

Артемис наклонил голову, и разноцветные глаза Элфи, казалось, загнипнотизировали его. У неё всё ещё был его синий глаз, несмотря на то, что её тело стало моложе после перемещения. Снова парадокс? Но всё же, Артемис чувствовал себя загнипнотизированным, даже ошеломленным, хотя он знал, что не был под гипнозом. Никакой магии народца здесь не было. Артемис посмотрел в эти глаза эльфийки, и он знал, что эта более молодая, каким-то образом более слабая Элфи чувствовала тоже самое во время путешествия во времени и пространстве, что и он.

В конце концов, мы вместе это прошли. Или может быть всё из-за него.

Из памяти вырвался один щекотливый момент, словно огромный каменный валун, прорвался сквозь паучью паутину.

Я солгал ей.

Артемис мысленно вернулся назад.

Элфи верит, что заразила мою мать. Я провёл её.

Он знал, что в данный момент, не имелось никакого спасения от этого ужасного факта. Если он признается, то она будет ненавидеть его. Если не признается, то он будет ненавидеть самого себя.

Должно быть что-то, что я смогу сделать.

Никакие путные мысли не приходили в голову.

Мне нужно хорошенько всё обдумать.

Артемис взял руки Элфи, и поддерживая её за локоть помог ей встать и выйти из ямы, больше напоминающую могилу.

– Возрождение, – насмешливо произнесла она, затем ударила

кулаком по плечу Мульча.

– Эй, мисс. Зачем ты мучаешь меня?

– Не цитируй Герда Флаумбоу при мне, Мульч Рывтинг. Не было необходимости «хоронить» меня. Неужели нельзя было просто накрыть широкими листьями.

Мульч потёр своё плечо.

– Листьями нельзя создать хорошую маскировку. Так или иначе, разве я похож на парня-папоротника? Я – гном, и мы имеем дело с землей.

Артеми́с был не против этой болтовни. Она дала ему минутку, для того чтобы собраться. Забыть своё юношеское смущение из-за Элфи. Вспомнить мать, умирающую в своей кровати. Ей осталось максимум три дня.

– Очень хорошо, солдаты, – сказал он с притворной весёлостью, – Давайте поскорее покинем это место, как сказал бы один мой старый друг. Нам ещё нужно забрать лемура.

– А что насчёт моего золота? – спросил Мульч.

– Объясняю просто. Нет лемура – нет золота.

Мульч сжал свои губы и все восемь пальцев, а его волосы завибрировали, подобно щупальцам актинии.

– И насколько же громадным будет количество горшочков с золотом?

– Это зависит от того, сколько горшочков у тебя имеется.

Мульч решил, что это серьёзный вопрос.

– У меня много горшочков. Большинство из них заполнены чем-либо, но я думаю, что смогу их освободить.

Артеми́с заскрежетал зубами.

– Это был риторический вопрос. Будет тебе много горшочков. Столько, сколько захочешь.

– Если вы хотите, чтобы я и дальше шёл дорогой обезьянки, я должен получить своего рода аванс. Доверительный взнос.

Артеми́с шлёпнул руками по пустым карманам. У него ничего не было.

Элфи поправила свой серебристый парик.

– У меня есть что-то для тебя Мульч Рывтинг. Кое-что получше, чем громадное количества золота. Шесть цифр, которые я скажу тебе, когда мы доберёмся туда.

– Доберёмся до куда? – спросил Мульч, который подозревал, что Элфи врала, чтобы он остался.

– Склад оборудования ЛеППРКОНа в Таре.

Глаза Мульча засветились грёзами о летательных лыжах, подводных пузырях, лазере с угловым отражателем и воздушном вакууме. Он пытался взломать склад ЛеППРКОНа на протяжении многих лет.

– И я смогу взять всё, что захочу?

– Всё, что сможет влезть в тележку. Одну тележку.

Мульч плюнул в свою ладонь крапчатой слюной.

– Пожмём друг другу руки.

Артемис и Элфи посмотрели друг на друга.

– Это твой склад, – сказал Артемис, засунув руки в карманы.

– Это в твоих интересах, – возразила Элфи, – Мы тут ради твоей матери.

Артемис уныло улыбнулся.

– Ты Элфи Малой становишься такой же плохой, как и я, – сказал он и скрепил сделку мокрым рукопожатием.

Глава 9

Король лягушек.

Реактивный самолет Фаулов, где-то над Бельгией.

Молодой Артемис Фаул сделал видеозвонок со своего ноутбука в древний Марокканский город Фес и ожидал ответа. Внешне, Артемис оставался, как впрочем и всегда, спокойным, но внутри он просто кипел от злости, больше всего от того, что надо было вообще совершить эту межконтинентальную поездку. Касабланка была бы намного ближе, а в Марокко было достаточно жарко, чтобы без особой необходимости добираться через всю страну в Фес.

Раздался щелчок и на экране открылось окошко, в котором была видна только огромная голова доктора Дэймона Кронски, одного из самых ненавидимых людей в мире, но почитаемого в определённых кругах. Дэймон Кронски был действующим президентом организации Выжигающих. Или, как сказал Кронски в его самом печально известном интервью “Выжигающие – это не просто организация. Мы – религия.” Заявление не внушило любовь к нему всех миролюбивых церквей мира. Это интервью уже около месяца крутилось на новостных сайтах Интернета, а Выжигающие часто были в заголовках статей. Артемис посмотрел интервью сегодня утром, и ему стал неприятен человек, с которым он собирался вести дело.

– Я плаваю с акулами, – с сожалением понял он, – И я уже самостоятельно готовлюсь стать одной из них.

Дэймон Кронски был крупным человеком, чья линия плеч начиналась чуть ниже уровня ушей. Его кожа была полупрозрачной, лицо покрыто веснушками, а волосы имели рыжий цвет с едва пробивающей сединой. Глаза скрывали массивные фиолетовые солнечные очки, закрывавшие пол-лица от бровей до щёк. Улыбка Кронски была широкая, ослепительно белая и неискренняя.

– Младший Артемис Фаул, – произнёс он с Новоорлеанским акцентом, – Вы ещё не нашли своего отца?

Артемис сжал подлокотник кресла, так что под его пальцами на обивке кресла появились вмятины, но его улыбка осталась такой же блестящей и фальшивой, как и у Кронски.

– Нет. Пока ещё нет.

– Очень печально. Соболезную. Если есть что-то, чем я могу помочь, непременно сообщите дяде Дэймону.

Артемис задался вопросом, не был ли пьян этот дружелюбно настроенный Кронски. Вроде бы не должен.

– Благодарю вас за предложение. Через несколько часов мы, возможно, сможем помочь друг другу.

Кронски хлопнул в ладоши в восхищении.

– Неужели у тебя есть мой шелковистый лемур.

– Есть. Прекрасный экземпляр. Самец. Три года. Длина тела, от головы до хвоста, более метра. Я рассчитываю на предложенную вами цену в сто тысяч.

Кронски притворился удивлённым.

– Сто. Мы действительно это сказали? Сто тысяч евро?

Взгляд Артемиса оставался стальным.

– Вы знаете, что нам пришлось сделать. Плюс расходы. Реактивное топливо недешёвое, как вы знаете. Мне хотелось бы услышать, подтверждаете ли вы сделку, или мне придётся повернуть на пару десятков градусов правее.

Кронски низко склонился к камере, его лицо увеличилось на экране.

– Я хороший психолог, Артемис, – сказал он, – Я знаю на что, какие люди способны. Но ты... У меня нет однозначного мнения насчет тебя... Я думаю, это потому что ты не достиг своего предела. – Кронски отклонился назад, и кресло заскрипело под его весом, – Так... Хорошо. Мы согласны на сто тысяч. Но предупреждаю...

– Да-а? – спросил Артемис растягивая слово, как стало новомодно в Новом Орлеане, чтобы продемонстрировать своё отсутствие страха.

– Если ты потеряешь моего лемура, моего маленького сифаку, тогда лучше будь готов покрыть все мои расходы. Для тебя это будет тяжёлым испытанием. Запомни, мои люди не любят разочаровываться.

Слово расходы звучало куда более зловеще, когда его произносил Кронски.

– Не беспокойтесь, – сказал Артемис ледяным тоном, – Вы получите своего лемура, только удостоверьтесь, что мои деньги готовы.

Кронски широко раскинул руки.

– У меня здесь имеются реки золота. У меня здесь имеются горы алмазов. Единственная вещь, которой у меня нет, это шелковистый лемур сифака. Так что поспеши сюда, мальчик, и сделай мою жизнь счастливой.

И он отключился, на наносекунды раньше, чем Артемис смог бы сам завершить вызов, нажав на кнопку.

– Психологически, Кронски нанёс сильный удар, – размышлял Артемис, – Надо будет научиться быстрее пользоваться мышкой.

Он закрыл крышку ноутбука, и откинулся назад в кресло. Снаружи, солнечный свет проходил насквозь пасмурные облака, которые в свою очередь в соприкосновении с реактивными следами от самолёта рисовали в небе различные фигуры.

Воздушное пространство все еще занято. Надеюсь ненадолго. Как только мы прибудем в Африку, потоки самолётов должны сократиться. Мне нужно несколько часов поспать. Завтра будет длинный и неприятный день, – он нахмурился, – Неприятный, но необходимый.

Артемис положил голову на спинку кресла и закрыл глаза. Большинство мальчиков его возраста гоняют в футбол, или же истирают свои большие пальцы на игровых приставках, а он сидел в самолёте, на высоте шесть тысяч метров, и планировал уничтожить целый вид с помощью сумасшедших Выжигающих.

Возможно, я слишком молод для всего этого.

Возраст не играл никакой роли. Без усилий Артемиса младшего, Артемис Фаул Старший был бы потерян навсегда в России, что он хотел предотвратить.

Из приёмника послышался голос Дворецки.

– Впереди всё тихо Артемис. Как только мы будем пролетать над Средиземноморьем, я поставлю самолёт на автопилот и попробую отдохнуть часок...

Артемис пристально посмотрел на динамик. Он мог почувствовать, когда Дворецки хотел ещё что-то сказать. Сначала тишину ничего не нарушало, кроме гудков, а затем...

– Сегодня, Артемис, когда вы попросили меня выстрелить в лемура, вы блефовали?

– Это не было блефом, – ответил Артемис жестким голосом, – Я сделаю всё, что потребуется.

Верхний терминал, Тара. Ирландия

Доступ к верхнему терминалу, в Таре, был перекрыт несколькими стальными дверями с различными устройствами сканирования и кодами, а также сетью видеонаблюдения с шестьюдесятью различными фильтрами, и в него было не так уж легко вломиться.

– Всё это пройти не просто, если конечно не знаешь тайного хода.

– С чего вы решили, что я знаю тайный ход? – обиделся Мульч.

Вместо ответа, Элфи и Артемис посмотрели на него как на идиота, который ожидает, что ему бросят монетку.

– Глупое путешествие во времени, – пробормотал Мульч, – Я

так полагаю, что сам рассказывал вам об этом.

– Ты расскажешь, – подтвердила Элфи, – И я не вижу, чтобы ты сильно расстроился. Я ведь не смогу сообщить об этом никому.

– Правда, – поразмыслил гном, – Значит, это будет прекрасное ограбление.

Троица сидела в украденном Мини Купере, около границы ограждения фермы Мактрейни, под которой находился верхний терминал Тары. Десять тысяч кубических метров пространства, скрытых молочной фермой. Первый луч рассвета просочился через темноту, и обрисовал шероховатые силуэты коров, гулявших по лугу. Через год или два, Тара станет шумным туристическим центром волшебного народца, но в настоящий момент весь туризм был приостановлен из-за вспышки Спеллтропии. Мульч искоса подглядывал через заднее окно на ближайшее животное.

– Вы знаете, что я немного голоден? Я не смогу съесть целую корову, но я бы с удовольствием оторвал огромный кусок от одной из них.

– Мульч Рывтинг голоден. Какое неожиданное известие, – сухо прокомментировал Артемис. Он открыл дверь со стороны водителя, и ступил на мягкую траву.

Легкий туман окутал лицо Артемиса и запах чистого воздуха действовал на его организм, как стимулятор.

– Нам необходимо двигаться дальше. У меня нет никаких сомнений, что лемур уже находится в 6000 метрах над землей.

– А этот лемур почти невесомый, – хихикнул гном.

Затем Мульч перебрался через спинку на переднее сиденье, и вывалился из машины.

– Прекрасная глина, – сказал он, пробуя землю языком, – Вкус прибыли.

Элфи прыгнула с пассажирского кресла, и подошла к Мульчу. Она легонько толкнула ногой его зад и прижала к земле.

– У тебя не будет никакой прибыли, если мы не пройдем в терминал незамеченными.

Гном поднялся.

– Я думал что мы, предположительно, станем друзьями. Легко пинать и бить кулаками. Ты всегда такая агрессивная?

– Ты можешь сделать это, или нет?

– Конечно, я могу. Я ведь сказал это, не так ли? Я пробегал через этот терминал в течении многих лет. Однажды моего кузена...

Артемис перебил его.

– Однажды твоего кузена – Норда, если я не ошибаюсь,

арестовали по обвинению в загрязнении окружающей среды отходами и ты помог ему сбежать. Я знаю. Мы знаем об этом. А сейчас давай придумаем план.

Мульч повернулся задом к Артемису, расстёгивая клапаны своих штанов. Это было одно из наивысших оскорблений в арсенале гнома. Выброс газов мог произойти в любую секунду.

– Хорошо, шеф. Давайте перейдем к тому, зачем мы здесь собрались. Ждите тут пятнадцать минут, затем идите к главному входу. Я взял бы вас с собой, но этот туннель слишком длинный, чтобы потолок и стены могли удержать самих себя, особенно если у меня произойдет выброс газов. – он остановился, чтобы подмигнуть, – А если вы пойдете следом, то именно его вы и поймаете.

Артемис улыбнулся, стиснув зубы.

– Очень хорошо. Занятно. Пятнадцать минут, мистер Рывтинг, часы тикают.

– Тикают? – спросил Мульч, – Часы волшебного народца не тикают веками.

Он раскрыл свои челюсти и прыгнул в землю с изумительной грацией, как у дельфина прыгающего из волны в волну, но без солнечного настроения и симпатичной улыбки, присущей последнему. Хотя Артемис видел такое уже много раз, но все равно это его поразило.

– Какой народ, – прокомментировал Артемис, – Если бы их умы не были так заняты своими желудками, они могли бы править миром.

Элфи забралась на капот и села, опираясь на ветровое стекло, чувствуя солнечное тепло на щеках.

– Может они не хотят править миром. Может, это хочешь только ты, Арти.

Вновь Арти.

Он пристально поглядел на знакомые черты Элфи и понял, что больше не может продолжать ей лгать.

– Жаль, что нам пришлось угнать этот автомобиль, – продолжила Элфи, закрыв глаза. – Но в записке, которую мы оставили, вроде было всё ясно. Надеюсь, владелец найдёт её без проблем.

Артемис не чувствовал себя также плохо из-за автомобиля. У него были свои скелеты в шкафу.

– Да, автомобиль, – сказал он растерянно.

Я должен сказать ей. Я должен сказать ей.

Артемис поставил ногу на переднюю шину и забрался на капот, сев рядом с Элфи. Он сидел там несколько минут, пытаясь сконцентрироваться на ситуации, пытаясь забыть тот эпизод

своей жизни. Элфи посмотрела на него.

– Извини о произошедшем ранее. Ты понимаешь, о чём я?

– Поцелуй?

Элфи закрыла глаза.

– Да. Я не знаю, что произошло со мной. Мы даже не одного вида. И когда мы вернёмся, мы будем снова прежними, – Элфи закрыла лицо свободной рукой. – Послушай меня, хоть всё это и детский лепет первого капитана ЛеППРКОНа женского пола. Тот поток времени вернул меня снова в то состояние, которое вы бы назвали подростковым возрастом.

Это было верно. Элфи была другой. Поток времени сблизил их

– Что если я останусь такой? Это было бы плохо, или нет?

Этот вопрос повис между ними. Сложный вопрос с неясным ответом и надеждой.

Если ты ответишь на этот вопрос, то это будет худшая вещь, которую ты когда-либо сделаешь.

– Это не ты, Элфи, – выпалил Артемис, его лоб пылал жаром, а стена спокойствия рушилась.

– Что не я? – Элфи улыбнулась в недоумении.

– Не ты заразила мою мать. Я сделал это. Это был я. У меня оставалось несколько искр магии в запасе после прошлого путешествия в туннеле, и я заставил своих родителей забыть, что я отсутствовал в течение трех лет.

Улыбка сполза с лица Элфи.

– Это сделала не я... Но ты сказал мне..., – она остановилась на середине предложения.

Правда болезненно отразилась на её лице. Артемис внутренне надавил на себя, чтобы дальше продолжить разговор.

– Я должен был сделать это, Элфи. Моя мать умирает... умрет. Я должен был быть уверен в Вашей помощи... Пожалуйста, пойми...

Он замолчал, понимая, что нет никакого объяснения его действиям. Артемис дал несколько минут Элфи прийти в себя, а затем снова заговорил.

– Если бы можно было сделать иначе, поверь, я бы сделал.

Никакой реакции. Лицо Элфи было каменным.

– Элфи скажи хоть что-нибудь

Элфи соскользнула с капота, и встала ногами на землю.

– Пятнадцать минут прошло, – сказала она, – Нам надо идти.

Она перешагнула границу фермы Макгрейни даже не посмотрев назад. Её ноги путались в тёмно-зелёной траве. Лучи солнца отражались от травинки и путь Элфи через эту зыбь был легче.

– Странно, – подумал Артемис, – Что я потерял?
Ему ничего не оставалось делать, как пойти за Элфи.

Мульч Рывтинг ждал их, спрятавшись в голографическом кустарнике около входа в верхний терминал. Несмотря на то, что он был покрыт толстым слоем грязи, на его лице было легко прочесть самодовольное выражение.

– Тебе не понадобится Омнитул, Элфи, – сказал он, – Я смог открыть дверь, пока скучал тут без вас.

Элфи очень удивилась. Чтобы открыть главный вход в терминал, надо ввести двадцатизначный код, плюс просканировать отпечаток ладони, и эльфийка знала, что Мульч был силен в технологиях так же, как червь-вонючка. Но Элфи не была сильно огорчена этим фактом, поскольку она ожидала тридцатиминутную задержку из-за перезагрузки регистрации, если бы она открывала дверь сама.

– Так... Объясни, как ты это сделал.

Мульч указал вниз в коридор, ведущий к подземному эскалатору. Маленькая фигура распласталась на полу, а его голова лежала в какой-то луже.

– Командир Крут и его армия смотрелись отсюда. Оставили только одного охранника.

Элфи кивнула. Она знала, куда уехал Джилиус Крут. Вернулся в Гавань, чтобы ждать сообщения из Гамбурга.

– Этот был здесь, когда я вылез из туннеля, я обвалял его в грязи и обмакнул в свою слюну. Все по-разному реагируют на гномью слюну. Этот маленький пикси попытался убежать. Он пошатался немного, перед тем, как до него полностью дошло успокаивающее действие слюны.

Артемис подошёл к открытому входу.

– Возможно, удача наконец-то поворачивается к нам лицом, – сказал он, чувствуя на себе острый, как кинжал, взгляд Элфи.

– Жалко, что я не смог открыть сам склад, – вздохнул Мульч, – Тогда я бы возможно надул вас и удрал прочь от вас на шаттле.

Артемис замер.

– Шаттл?

Он выдержал враждебный пристальный взгляд Элфи, чтобы спросить:

– Шаттл. Элфи как ты думаешь, мы смогли бы быстрее меня более молодого прибыть в Марокко?

Глаза Элфи оставались спокойными, а тон – нейтральным.

– Это возможно. Все зависит от того, сколько времени у нас займёт остальное.

Шаттл был таким, что пилоты ЛеППРКОНа называли бы его «грохоталкой», он и был «грохоталкой», но с утилизацией отходов. Артемис знал, что Дворецки будет более прямым в оценке транспортного средства. Он мог услышать голос большого телохранителя в своей голове.

Я управлял многими машинами в своё время. Но эта болванка...

– Едва даже каменного века, – пробормотал Артемис, уныло хихикнув.

– Ещё одна шутка, Вершок, – спросил Элфи, – Ты находишься действительно в прекрасной форме сегодня. Что на этот раз? Вы рассказали какому-нибудь бедному доверчивому дураку, что он вызвал чуму?

Артемис с утомительным видом повернул голову. Это может продолжаться в течение многих лет.

Мульч наткнулся на этот шаттл, когда прокладывал ход к стене терминала и оторвал лист металлической облицовки от стены обслуживающего туннеля. Он знал, что туннель будет свободен, поскольку использовал его как вход при предыдущих посещениях. Шаттл стоял на блоках, около предмета, покрытого тентом. Таким образом, Мульч не мог не взглянуть что там. А там оказался туннельный скрепер, предназначенный для того, чтобы переоборудовать шаттлы – основное средство для того, чтобы перепрыгивать по сети подземных туннелей волшебного народца. Для Элфи было очень просто полностью изменить неуклюжий шаттл, чтобы вывести его по монорельсовой дороге к шлюзу. Тем временем, Артемис заметал следы, удаляя все, что осталось от их посещения верхнего терминала – стирал память видеокристаллов, заменяя стёртое временными петлями. Нельзя было ничего сделать со спрайтом, валявшемся в бессознательном состоянии или ценным оборудованием ЛеППРКОНа, которое они забрали, предварительно открыв склад, но Мульч не считал это проблемой.

– Эй, я уже – государственный враг, номер один, – сказал он, – Как будто я смогу подняться ещё на более высокое место в списке.

Теперь они сидели в туннельном скрепере, который находился в начале спуска, в нескольких минутах от состыковки, прежде чем они улететь в пропасть. Элфи в это время писала фальшивое сообщение для охраны туннеля, в котором излагала то, что это судно было модернизировано согласно заказу властей, и то, что требовался северный африканский порт для очистки одного туннеля от мусора. Как будто бы проходит полёт беспилотного шаттла, так как им не нужен был постоянный ток.

Артемис был полон решимости закончить эту миссию успешно. Возможно успешно, несмотря на то, что “мосты были сожжены”. Он чувствовал, что надо задать вопрос.

– Это сработает?

Элфи пожала плечами.

– Я сомневаюсь. Наверное, с другой стороны двери нас ждёт самонаводящаяся ракета.

– Серьёзно?

– Нет, я вру. Не хорошо, правда?

Артемис с несчастным видом покачал головой. Он должен был снова добиться доверия Элфи, по крайней мере частично.

– Конечно, это сработает. На данный момент, по крайней мере. К тому времени, как в Полис-Плазе всё проверят, мы должны уже вернуться в будущее.

– И мы сможем поехать без ковша?

Элфи и Мульч разразились хохотом, и перекинулись парой фраз на гномьем языке, слишком быстро, чтобы Артемис разобрал. Ему показалось, что он услышал слово cowrog, который переводиться, как идиот.

– Да, вершок. Мы можем полететь без ковша, если ты, конечно, не планируешь очищать стены туннелей. Я обычно оставляю эту работу роботам.

Артемис забыл, как резка Элфи может быть с людьми, которых ненавидит.

Мульч стал напевать старую человеческую песенку “Ты забыла, что значит чувствовать”. Он стоял около Элфи, держа в руке воображаемый микрофон. Малой совсем не улыбалась.

– Ты точно сейчас окажешься без чувств, если не заткнешься.

Мульч заметил выражение лица Элфи, и понял, что сейчас не время, чтобы подкалывать её. Малой решила, что пора уже отправляться. Она дистанционно открыла люк и забралась в шаттл.

– Пристёгивайте ремни, мальчики, – сказала она, и сбросила маленькое судно в огромное отверстие, как арахис в рот голодного гиппопотама.

Глава десятая.

Фаул идиот

ФЕС, Марокко

Десятилетний Артемис был очень расстроен. Дворецки никогда не видел его таким, за исключением, может быть, того времени, когда он проиграл приз за научные достижения австралийскому аспиранту. Телохраниитель мельком заглянул в зеркало арендованного Ленд Ровера, и увидел, как его молодой подопечный сидел в луже помета, а его дорогой костюм практически растворился.

Перфорированная коробка стояла на месте, около Артемиса. Три черных пальца вылезли в отверстия, это захваченный лемур обследовал свою тюрьму.

Артемис даже не глядел на существо. Может потому что пытался объективно взглянуть на положение вещей. Никакой мотив не должен являться причиной вымирания целого вида, даже спасение отца. Артемис, тем временем, перечислял причины его страданий. Пропавший без вести отец и мать на грани нервного срыва были номерами один и два. Затем группа Арктических исследователей, ожидавшие в Московской гостинице, которые, вне всяких сомнений, не отказывали себе от таких благ, как икра. Дэймон Кронски также занимал высокое место в списке. Омерзительный человек с омерзительными идеалами.

Местный аэропорт, Фес Саис был закрыт, поэтому Дворецки был вынужден посадить самолёт в Международном аэропорту Мухаммеда V в Касабланке, и арендовать Лэнд Ровер там. И не современный Лэнд Ровер. Эта рухлядь принадлежала ещё прошлому тысячелетию и имела больше отверстий, чем головка швейцарского сыра. Кондиционер, последние сто миль издавал звук, похожий на работу тупой дрели, а обивка сидений была настолько изношенна, что Артемису казалось, будто он сидит на отбойном молотке. Тут даже не ясно от чего умереть страшнее, от жары, или тряски. Однако, несмотря на все эти неудобства, мысль пришла в голову Артемиса, вызывая уголок его рта подняться в полуулыбке.

Тот человек и его компаньон, неизвестное существо, являются весьма интересными.

Они столь отчаянно пытались достать этого лемура, что не сдались бы так просто. Он был уверен в этом.

Артемис обратил внимание на появившиеся окраины города за окном. С приближением к центру города, движение по пустынной дороге стало плотнее. Гигантские грузовики, диаметр колёс которых был выше человеческого роста, с грохотом проезжали рядом. Измождённые ослики, на спинах которых высились огромные тюки с водой, бельём, и даже мебелью, цоколи по тротуару, представлявшему из себя щебень, залитый гудроном. Тысячи пыльных повозок плелись по извилистой дороге, часто в проржавевших кузовах ехали целые семьи. Придорожные здания мерцали в лучами полуденного солнца, подобно миражам. В это время город замедлял свой ритм. В воздухе витали Призрак пробуждения и Фантом чаепития. Ближе к центру города застройка была более плотной, некоторые здания примыкали друг к другу. Жилые дома стояли вперемешку с гаражами, видеомагазинами, чайными магазинами и закусочными. Почти все здания имели песочно-оранжевый цвет, выделялись только окна, двери и наружные вывески.

Посещая развивающиеся страны, Артемис всегда удивлялся сосуществованию старых и современных технологий. К примеру, за последние столетия в этих странах, метод работы пастуха не изменился, а вот сами пастухи теперь носят iPod'ы на блестящих цепочках и футболки с надписью "Манчестер Юнайтед". Технология строительства хижин также особо не изменились, но к их рифленым крышам теперь привинчены спутниковые тарелки.

До недавнего времени Фес был весьма важным местом, будучи складом для южных и восточных караванов. Он был известен, как центр арабской мудрости, сердцевиной Святой лилии, а также местом паломничества, когда путь к Мекке, был закрыт по погодным условиям или перекрыт грабителями. А теперь этот город станет местом заключением незаконной сделки между Extinctionists и доведенным до отчаяния Ирландским преступным магнатом.

Сейчас мир меняется быстрее, чем когда-либо раньше, – подумал Артемис. – И я способствую тому, что меняется он в худшую сторону.

Не особо утешающая мысль, но утешение не было роскошью, которой он собирался наслаждаться в ближайшем будущем.

Мобильный телефон Артемиса пикнул, возвещая о входящем текстовом сообщении. Он посмотрел на экран и лукавая улыбка разочарования отобразилась на его лице.

Базар кожевников, в два часа, – значилось в сообщении.

Кронски хочет совершить обмен в общественном месте. Очевидно, доктор доверяет мне настолько же, насколько я ему. Хитроумный человек.

Элфи вела шаттл так, как будто была рассерженна на него, а не на Артемиса. Шаттл кидало из стороны в сторону, пару раз он даже чуть не ударился об стенку туннеля, пока не включилась тормозная система, и стрелки приборов стали понижаться. На голове Элфи был надет специальный шлем для полётов, связанный напрямую через компьютерную систему с обзорными видеокамерами шаттла, предоставлявшими обзор на триста шестьдесят градусов вокруг него; она даже могла увидеть, как выглядит шаттл из камер, установленных на стенках туннеля.

Движение на этом участке туннеля было малоинтенсивным, поэтому в нем были установлены сенсорные лампы, включающиеся при обнаружении движения, так что перед шаттлом постоянно было освещено пять миль туннеля.

Элфи пыталась изо всех сил наслаждаться полетом и позабыть про все остальное. Стать пилотом ЛеППРЕКОНа было мечтой её детства. По мере того, как она срезала очередной угол на миллиметр, чтобы сэкономить время, она чувствовала, что шаттл в ее руках работает на пределе своих возможностей, напряжение уходило из ее тела, как будто впитываемое кораблем.

Артемис солгал мне, шантажировал меня, но ведь он сделал это ради своей матери. Серьезная причина. Если у меня была бы возможность спасти свою мать, я бы сделала все, что потребовалось, даже манипулировала своими друзьями.

Так что Элфи понимала, почему Артемис поступил именно так, хотя ей казалось ненужным, что он поступил именно так, а не рассказал сразу всю правду. Но это не означало, что она могла его просто простить. Да и как она может забыть подобное? Казалось, она переоценила их дружбу.

Этого не повторится.

Элфи была уверена в том, что после того, как путешествие закончится, их отношения вряд ли будут прежними, исчезнет взаимное уважение, оставляя место неприязни.

Эльфийка взглянула на изображение, передававшееся скрытой камерой, закрепленной над пассажирским сиденьем и осталась довольной, увидев Артемиса, судорожно сжимавшего ручки своего кресла. Либо камера барахлила, либо его лицо на самом деле было зеленого оттенка.

В Марокканской пустыне, чуть южнее Агадира, находилась природная расщелина, где выбрасывался туннельный газ, прорывавшийся через слой песка, толщиной в милю. Подтверждением этого было, было различие цветов песка рядом с

расщелиной, который развевался ветром вскоре после того, как газ вырывался наружу. Тысячелетний процесс оставил на дюнах необычные красные полосы, которые, как верили местные жители, были кровью жертв Райсули, знаменитого бандита двадцатого века. Маловероятно, чтобы кто-нибудь еще, кроме самих жителей, верил в такое объяснение, однако подобного рода запись хорошо смотрелась в путеводителе и притягивала туристов.

Элфи нужно было провести шаттл через эту расщелину. Для этого пришлось закрыть воздушные фильтры шаттла, предотвращая попадание в них песка. Она вела корабль практически вслепую, используя для навигации только трехмерную модель расщелины. К счастью, эта часть пути была недолгой и всего через несколько секунд шаттл вырвался навстречу к африканскому небу. Несмотря на теплоизоляционную обшивку шаттла, его пассажиры вскоре начали ощущать жару. Больше всех ее чувствовал Мульч Рывтинг. В отличие от других видов волшебного народца, гномы не были существами, мечтавшими вернуться на поверхность и о тёплых лучах солнца, согревавших их лица. Любая поверхность выше уровня моря вызывала у них головокружение.

Мульч громко рыгнул.

– Слишком высоко. Мне это не нравится. Жарко, чертовски жарко. Мне нужно в ванную. Не уверен, чем я там буду заниматься, так что не стоит идти за мной. Что бы вы ни услышали, не смейте входить туда!

Если гном дает совет подобного рода, с вашей стороны было бы разумно не игнорировать его.

Элфи подала электрический импульс и электростатический эффект очистил лобовое стекло, затем она повернула нос шаттла на северо-восток, в сторону Феса. Если им повезёт, они еще смогут выбить победу из рук младшего Артемиса, добравшись до места встречи раньше него.

Она включила автопилот и развернула кресло к Артемису, лицо которого возвращалось к его привычной бледности.

– Ты уверен насчет места встречи? – спросила она.

Артемис уже не был уверен вообще ни в чем, но он попытался привести мысли в порядок.

– Я не уверен, Элфи. Но я отчетливо помню, что обмен совершил на базаре кожевников в Фесе. По крайней мере это первое место, которое я бы проверил. Если Кронски и мое альтер-эго передумали, мы направимся в штаб-квартиру Extinctionists.

Элфи нахмурилась: «Хм. Есть ли у нас время, что б успеть. Время работает против нас.

Да, – согласился Артемис, – время – наш главный враг.

Элфи взяла пульт от крошечного холодильника и вернулась к управлению.

Артемис изучал ее спину с точки зрения языка жестов. Сутулые, округленные плечи и скрещенные на груди руки. Было очевидно, что она этим отрицает любое общение с ним. Он должен был сделать что-то воистину гениальное, чтоб оправдать себя в ее глазах.

Артемис прижал нос к иллюминатору, наблюдая вспышки светлых полос Марокканской пустыни.

Должно быть кое-что, что исправит положение. Что-то, что сможет облегчить ее страдания.

После некоторых раздумий он придумал.

Был человек, с которым Элфи не смогла попрощаться. Правда он вряд ли обрадовался, если бы его назвали человеком.

Гавань. Нижние уровни.

Главкомандующий майор Джулиус Крут был завален документами, с ног до кончика его грибной сигары.

Разумеется в буквальном смысле. Это было все сохранено на специальном кристалле. Были попытки добиться того, чтоб информацию можно было хранить на любом предмете. Начиная от всевозможных растений и заканчивая... Да хотя бы кончиком той сигары, что свисала изо рта у Джулиуса.

Он ничего не понимал из того, что стало его работой. Он бы с радостью занялся настоящими проблемами Легиона, а не этой чепухой. А проблем было много.

Во-первых, его старинный враг Мульч Рывтинг. Карлик будто бы насмехался над ним. Его последними развлечениями были похищения шаттлов, а потом перепродажа их, а также различного снаряжения эльфам, живущим на поверхности.

Помимо этого еще эти жабы кровь портят. Несколько умников-выпускников заколдовали вздутую туннельную жабу, и предоставили ей способность разговаривать. Естественно, специалисты из них были никудышные, поэтому они только предоставили жабам умение сквернословить. Теперь, из-за побочного эффекта, все жабы в округе ежедневно поливали граждан грязью.

Гоблинские группировки ежедневно набирались сил.

Только на прошлой неделе их патрульная машина была атакована во время патрулирования гоблинского города.

Джулиус откинулся назад, сидя во вращающемся стуле, позволяя дыму от его сигары сформировать облако вокруг его

головы.

Были дни, когда он четко знал что ему надо делать. К сожалению, этот день к таким не относился.

Кольцо голограммы на потолке зазвенело. Входящий звонок. Крут проверил удостоверение личности звонившего.

Капитан Элфи Малой.

Крут усмехнулся.

Его главным заданием всегда было следить за порядком и обеспечивать безопасность мирных жителей. И помогают ему в этом Труба Келл, Жеребкинс, и капитан Элфи Малой.

Первая в истории женщина в Легионе. Пока ее карьера была успешной. Кто знает, возможно она когда-нибудь сможет стать главнокомандующей.

Крут убрал улыбку с лица. Капитан Малой не должна его воспринимать его как доброго дедушку. Дисциплина прежде всего, и подчиненные должны в первую очередь бояться своего командира.

В кольце голограммы появилась Элфи. Крут мог отчетливо видеть ее, а вот она его нет, пока он не войдет в свой голографический круг.

– Капитан Малой, я надеюсь, что в Гамбурге ситуация под контролем?

Элфи молчала, ее руки непроизвольно потянулись к своему командиру.

В ее времени он был мертв, убит Опал Кобой, но здесь он был таким, каким она его помнила.

Крут откашлялся.

– Все под контролем, Капитан?

– Да. Конечно, Командир. В настоящее время все в порядке, однако можно было бы послать мне подмогу...

Крут отвергнул, выпустив кольцо дыма.

– Ерунда. Ваш послужной список говорит сам за себя. Вы еще ни разу не проваливались

Элфи улыбнулась. «Еще ни разу». Крут присмотрелся, он заметил что-то.

– Вы сейчас где находитесь? Почему я вижу африканскую пустыню?

Элфи повернула приборную панель от иллюминатора.

– Нет, я нахожусь в Гамбурге, под прикрытием. Наверно неисправности. Снаряжение оставляет желать лучшего. Я собираюсь задушить Жеребкинса когда вернусь.

Джулиус не мог не улыбнуться на это, но кое-что его насторожило.

– Почему вы вышли со мной нас вязь через голограмму? Что с

вашим коммуникатором, ведь гораздо проще было выйти со мной на связь через него? Вы знаете, что общение с помощью голограммы, а учитывая, что изображение доставляется в центр Земли – это не дешевое удовольствие.

Изображение Элфи опустило голову.

– Я только хотела поблагодарить вас, Командир.

Крут был удивлен. Поблагодарить его? За что? За месяцы удвоенных нагрузок и невозможных задач?

– Вы благодарите меня, Капитан? Это настораживает. В таком случае я не уверен, что я делаю свою работу правильно, если эльфийки благодарят меня за это.

– Вы правильно выполняете свою работу. Пусть я раньше не понимала этого и держала на вас злобу, но теперь я осознала, что Вы для меня сделали, и чего от меня хотите. Я вам обещаю, что не позволю опозорить оказанную мне честь.

Крут был крайне удивлен, он был фактически тронут.

Не каждый день, он сталкивался с такими истинными чувствами.

– Я... Я принимаю вашу благодарность, и я верю что она искренна. Но я надеюсь, что вы впредь не будете использовать дорогую голограмму во время каждой миссии.

– Понятно, Командир.

– И будьте осторожны в Гамбурге. Удостоверьтесь, что ваше оборудование в порядке.

– Все будет в порядке, Командир. – сказала Элфи, и Крут мог поклясться, что в этот момент у нее были красные глаза.

– Что-нибудь еще, капитан?

Элфи протянула руку. Крут сначала не понял чего она хочет. Этикет голограммы был очень прост: объятия и рукопожатия не поощрялись. В конце концов, кто захочет обнимать галлюцинацию?

Но тем не менее рука была протянута.

– Пожелайте мне удачи, Командир.

Крут проворчал. Исходящее от любого другого подчиненного такая просьба была б подозрительной, но капитан Малой всегда была искренна.

Он протянул свою руку и почувствовал небольшое покалывание там, где он прикоснулся к руке Элфи.

– Удачи, капитан, – сказал он грубо. 'И попытайтесь со всем справиться самой. Однажды я не буду рядом, чтоб помочь вам.

– Я все сделаю, Командир. До свидания, – сказала Элфи, и затем

она ушла, но сдержаться она не смогла, Джулиус Крут мог поклясться, что он видел как слезы стекают по ее щекам.

– Глупая машина,- проворчал он. – пусть Жеребкин проверит всю партию.

Элфи вышла из голо-кабины, которая напоминала душ с резиновой занавеской. После нажатия кнопки она сама сложилась в рюкзак Элфи.

Ее глаза были полны слез, поэтому она переключила шаттл на автопилот.

Артемис скрючился в кресле второго пилота.

– Так я прощен?

Элфи кивнула.

– Да. Но не надейся, твой период поцелуев с эльфами закончился.

– Я вижу, – сказал Артемис.

– Это не шутка. Конец так конец.

– Я знаю, – безжизненно произнес Артемис.

Они просидели в тишине какое-то время, наблюдая за невысокими горами за окном, а потом Элфи наклонилась и негромко сказала:

– Спасибо, Арти.

– Не за что. Это была просто одна из моих идей.

Мульч шумно вышел из ванны, потягиваясь и хрюкая.

– О-о-о, это лучше. Радуйтесь, что стены звукоизолированы.

Элфи вздрогнула.

– Закрой дверь и дай освежителю воздуха делать свою работу.

Мульч захлопнул дверь пинком

– Пока я был там, у меня был шанс подумать, сами понимаете, ситуация располагает.

– Я не думаю, что я хочу слышать об этом.

Но Мульча ничто не могло остановить.

– Тот лемур за которым мы гонялись. Знаете кого он мне напоминает?

– Майор Крут, – сказала Элфи, улыбаясь.

– Да. Миниатюрный Джулиус Крут.

Они перелетели предгорья Атласа и увидели Фес.

– Вот мы и прибыли.

Элфи включила щит шаттла и начала их спуск в Фес.

Глава 11

Голубиный помет

Красильный соук (рыночная площадь), Фес Медина.

Элфи надула шарик-хамелеон и бросила его в тень под каменным балконом, быстрым взглядом окидывая кожаный рынок Фес. Когда побережье опустело, они с Артемисом протиснулись через узкий проход и запрыгнули на аварийные сидения. Артемис ударился подбородком о коленки, зубы клацнули.

– Я же говорила, что ты становишься выше, – проговорила Элфи.

Артемис скривился: – И волосатее.

– Малыш Арти не узнал себя только из-за волос, поэтому радуйся. – Элфи вытащила вещмешок с шариком-хамелеоном из закрытого шкафчика в Таре вместе с пистолетом Нейтрино и подходящим камуфляжем. На Артемисе была одета коричневая рубашка до колен и сандалии из ремешков, а волшебные признаки Элфи скрывали под головной платок и абая.

Шарик-хамелеон был старой портативной моделью и, в сущности, представлял собой шар с прозрачным внешним слоем, который надувался хромо-газом, обладающим функцией смены цвета для имитации окружающей среды. Это был хай-тек. Никаких датчиков направленного действия, никакого оружия на борту, только односторонний сенсорный экран и два скрепленных между собой кресла. – А воздухоочистители есть? – поинтересовался Артемис. – Нет, к сожалению, – ответила Элфи, натягивая на нос косынку. – Что за запах?

– Сжиженный голубиный помет, – проинформировал Артемис. – Высококислотный и, конечно же, ценный. Используется на сыромятне, чтобы смягчить шкуры до окрашивания.

Красильный соук растянулся перед ними в феерическом зрелище. Огромные каменные чаны располагались поперек внутреннего двора в порядке медовых сот, каждый из которых был наполнен либо кислотными смягчителями, либо растительными красителями, такими как шафран и хна. Кожевники стояли в чанах с красителями, тщательно промачивая каждую шкуру, включая собственную, и, когда шкура приобретала желаемый оттенок, ее растягивали на близлежащей плоской крыше для просушки.

– Говорят, что Генри Форд изобрел производственный конвейер, – сказал Артемис. – Здесь же этим методом работали

шестьсот лет.

Рынок был обнесен высокими стенами, окрашенными в белый цвет, но забрызганными краской и грязью. Коричневато-желтые пятна раскинулись по старинным кирпичам как поблекшая карта какого-то экзотического архипелага.

– Почему Кронски выбрал рынок? – поинтересовалась Элфи. – Воняет здесь невыносимо, и я говорю это как друг Мульча Рывтинга.

– Кронски с рождения страдает потерей обоняния, – объяснил Артемис. – Он запахи не чувствует. Его забавляет проворачивать здесь свои делишки, ведь любой человек, с которым у него здесь назначена встреча, будет буквально атакован вонью из кислотных чанов. Внимание отвлечено, и он нейтрализован.

– Умно.

– Дьявольски умно. Это туристская достопримечательность, здесь проходит много людей, но никто в этих местах из них долго не околачивается.

– Много зрителей, но мало свидетелей.

– Помимо местных, у Кронски, несомненно, есть около дюжины людей в платежной ведомости, которые увидят то, что он захочет. – Артемис подался вперед, легко коснувшись носом о пластиковую перегородку.

– А вот наш дьявольский Выжигающий. Как по сигналу.

Снизу рынок был наводнен кожевниками и купцами, давно уже приученными к острому запаху чанов, группки нестигаемых туристов мелькали тут и там с твердым намерением запечатлеть все на свои фотоаппараты, но не желая страдать от жары и запаха дольше, чем необходимо, чтобы сделать несколько щелчков фотоаппаратом. И среди их всех, безмятежно и улыбаясь, широкими шагами шел Доктор Дэймон Кронски, нелепо выглядевший в сшитом на заказ камуфляже, дополненном высокой генеральской шапкой. Элфи почувствовала отвращение к этому человеку от того, что он явно испытывал удовольствие от окружающей его обстановки.

– Посмотри на него. Как ему все это нравится. – Артемис промолчал. Он продал лемура, и считал, что ужаснее этого преступления Кронски совершить не мог. Вместо ответа он искал в торговых рядах рынка свою младшую копию.

– Вон он я. В западном углу.

Элфи перевела взгляд на место, где стоял юный Артемис. Он стоял, практически закрытый огромной покрытой черепицей урной с мятно-зеленой краской. На поверхности урны отражался серебряный диск заходящего солнца.

Артемис улыбнулся. Я помню, как стоял именно на том

месте, чтобы закат отвлек Кронски. Это был единственный чан, на который в тот момент падало солнце. Маленькая месть за вонь. По-детски, наверное, но тогда я был ребенком.

– Кажется, что про этот момент ты помнишь все до мелочей, – заметила Элфи. Артемис не мог успокоиться. До этого момента его воспоминание было неточным. Вдруг он выпрямился. Неточным. Как он раньше этого не замечал? Эти провалы в памяти могли значить только одно. Времени обдумывать эту мысль нет. Обмен на носу. Артемис провел указательным пальцем по сенсорному экрану, расширяя границы участка. Приблизился к цокольной стене в центре рынка. Низкая каменная площадка была испещрена канавами и покосилась от столетиями нагромождаемых на нее шкур. На ее поверхности поблескивала сырая хна, подтекая по краям, как кровь при черепно-мозговой травме.

– Вот, – сказал Артемис. – На этом месте мы договорились провести обмен. Кронски кладет свой чемодан на валун. Я ее передаю.

– Его. Он мужского рода, его зовут Джей-джей, – сказала Элфи, возвращая его к реальности.

– Я передаю Джей-джея. Затем мы расходимся в разные стороны, все просто. Никаких затруднений не возникло.

– Может, стоит подождать, пока произойдет обмен?

– Нет. Что произойдет позже, никто не в силах предсказать. По крайней мере сейчас у нас есть некоторый прогноз на будущее.

Элфи изучила сцену умудренным опытом взглядом. – Где Дворецки?

Артемис дотронулся еще до одной точки на экране. Он слегка запульсировал, изогнулся и увеличил выбранную область.

– В том окне. Наблюдает за всем.

Окно представляло собой высокий прямоугольник с поблекшей белой стеной, окрашенный в черный тенью и глубиной.

– Ты считаешь себя невидимым, да, дружище? – прошептала Элфи, затем выделила окно большим пальцем и активировала фильтр ночного видения. В неожиданном свете тепла тела в проеме появилась неуклюжая фигура, неподвижная, как камень, кроме бьющегося сердца.

– Я помню, что обмен хотел совершить Дворецки, но я его отговорил. Сейчас он именно там, взбешен.

– Я не горю желанием вблизи смотреть на взбешенного Дворецки.

Артемис положил руку ей на плечо. – Тогда не подходи слишком близко. Все что нам надо – отвлечь внимание. Жаль, что

в том шкафчике нет комбинезона ЛеППРЕКона. Если бы ты была невидима и для людей и для приборов, мне было бы спокойнее.

Элфи резко сдвинула подбородок, вызывая волшебство, и ее очертания растворились до легкой дымки.

– Артемис, не переживай, – из-за проходящей сквозь тело вибрации ее голос походил на голос робота. – Я и раньше выполняла миссии. Ты на рынке не один такой умный.

Артемиса это несколько не ободрило. – Тем больше причин быть поосторожнее. Жаль, что в терминале нет комплекта крыльев. В таких шкафчиках нет крыльев?

– Это шанс, – проговорила Элфи голосом, уплывающим через расширяющийся затвор портала. – Мы получили то, что мы получили.

– Мы получили то, что мы получили, – повторил Артемис, следя за продвижением Элфи вниз по ступенькам и через внутренний дворик с помощью инфракрасного фильтра. – Ужасная грамматика.

10-летний Артемис чувствовал себя так, словно его окунули в кувшин с медом и оставили запекаться на солнце. Его одежда прилипла к коже, и ураган мух кружил над головой. Горло было сухой наждачной бумагой, и он чувствовал свое дыхание и пульс, словно на нем был одет шлем.

И зловоние. Зловонием был горячий ветер, порывами дующий в нос и глаза.

– Я должен выдержать, – подумал он, фокусируясь на целостности будущего. – Я нужен папе. Я также не хочу, чтобы этот мерзкий тип меня запугивал.

Рынок был запутанным калейдоскопом качающихся конечностей, разбрызгивающих краску и вечерних теней. И, с точки зрения Артемиса, все вокруг было даже более запутанным. Мелькали локти, урны звонили как колокола, а в воздухе над головой резко звучали громкие выкрики на арабском и французском. Артемис разрешил себе помедитировать с минутку. Он закрыл глаза, делая неглубокие вдохи ртом. Очень хорошо, подумал он. К делу, Доктор Кронски. К счастью, доктор был громадным, и Артемис, идя по рынку, быстро увидел Кронски на противоположном углу.

Только посмотрите на этого позера. Камуфляжный костюм! Он искренне верит, что он генерал, сражающийся с животным царством? Артемис сам привлекал изумленные взгляды от местных, к туристам здесь привыкли, но одинокие 10-летние мальчики в официальных костюмах, несущие клетки для обезьян, редко встречались в любой части мира.

Это как раз плюнуть. Пройти в центр и опустить клетку. Но

даже передвигаться по рынку было непросто. Рабочие суетились на проходах между чанами, нагруженные дюжинами вымоченных шкур. Краска полосами окрашивала одежду туристов и других рабочих. Артемису пришлось шажками аккуратно прокладывать себе дорогу, несколько раз уступать, прежде чем он, в конце концов, добрался до свободного участка в центре.

Кронски сидел перед ним, взгромоздившись на крохотный складной табурет из легкого тростника, и пускал клубы дыма из тонкой сигары.

– Мне кажется, что я пропускаю половину удовольствия, – сказал он, как будто они просто продолжали разговор. – В сигаре самое лучшее – аромат, я абсолютно его не чувствую.

Артемис тихо пришел в ярость. Этот человек чувствовал себя абсолютно комфортно, без капли пота на лбу. Он выдавил из себя улыбку.

– Деньги при тебе, Дэймон? – Он, по крайней мере, мог досадить доброму доктору называя его по имени.

Кронски не проявил ни капли раздражения. – Они у меня прямо здесь, Ах-темис, – сказал он, похлопывая по нагрудному карману. – Сто тысяч – такая пустяковая сумма, мне удалось засунуть все банкноты в карман костюма.

Артемис не смог сдержать насмешку: – Такого чудесного костюма.

Фиолетовые очки Кронски блеснули в последних лучах заходящего солнца. – В отличие от твоего, мой мальчик, который, по-видимому, на такой жаре теряет форму.

Это было правдой, Артемис ощущал, что единственной вещью, которая держит его вертикально, был засохший пот на позвоночнике. Он был голодным, раздраженным и уставшим.

Сосредоточься. Победа требует жертв.

– Ну, вообще-то лемур при мне, не могли бы мы продолжить?

Пальцы Кронски дернулись, и Артемис мог предположить, о чем он подумал.

Забери у мальчика лемура. Просто забери. И не нужно расставаться с сотней тысяч.

Артемис решил такие мысли подавить в зародыше.

– Если ты собираешься предпринять необдуманные шаги, нарушающие наше соглашение, то я скажу тебе только одно слово: ‘Дворецки’.

Одного слова было достаточно. Кронски был в курсе репутации Дворецки, вне зависимости от его местонахождения. Его пальцы дернулись еще раз и застыли.

– Отлично, Ах-темис. Давай покончим с этим делом. Думаю, ты понимаешь, что мне необходимо осмотреть товар.

– Конечно. Я тоже уверен, что ты понимаешь, что и мне необходимо осмотреть образец твоей валюты.

– Почему бы и нет, посмотри. Кронски запустил руку в карман и вытащил толстый конверт, переполненный пурпурными пятисотками Евро. Он небрежно выбрал одну и передал ее Артемису.

– Понюхаешь ее, а, Ах-темис?

– Не совсем. – Артемис раскрыл мобильник и выбрал УФ и магнитный сканер валюты из его расширенного меню. Он провел банкноту перед пурпурным цветом, проверяя водяной знак и металлическую полосу. Кронски приложил руку к сердцу.

– Я удивлен, эх, оскорбляешь, неужели ты мог подумать, что я тебя обману. Подделать сто тысяч мне бы вышло дороже, чем в сто тысяч. Хороший набор столового серебра стоит в два раза дороже.

Артемис закрыл телефон. – Я человек недоверчивый, Дэймон. – Ты это усвоишь. Он поставил коробку на деревянный постамент. – Теперь твоя очередь.

В этот момент отношение Кронски полностью изменилось. Его бесцеремонность уступила место легкомыслию. Он улыбнулся и приснул от смеха, на цыпочках подкрался к клетке, как ребенок к Новогодней елке.

Наверное, обычный ребенок, кисло подумал Артемис. Мне новогоднее утро сюрпризов не принесет, спасибо рентген-сканеру на мобильном телефоне.

Было очевидно, что Кронски очень возбуждала возможность уничтожения еще одной искры жизни. Он изящно наклонился к клетке, и, прищурившись, заглянул в вентиляционные отверстия.

– Да, да. Все, кажется, в порядке. Но мне нужно взглянуть поближе.

– Сто тысяч Евро позволят тебе осматривать объект где угодно и как угодно.

Кронски кинул Артемису конверт. – О, возьми их, утомительный мальчишка. Я так от тебя устаю, Ах-темис. У таких, как ты, много друзей не бывает.

– У меня есть один друг, – отпарировал Артемис, кладя деньги в карман. – И он побольше тебя.

Кронски открыл коробку пошире, чтобы схватить лемура за загривок. Он приподнял животное над головой, как трофей, осматривая его со всех углов.

Артемис отступил на шаг назад, бросая по сторонам подозрительные взгляды.

Наверное, ничего не произойдет, подумал он. Наверное, те существа оказались не настолько изобретательными, насколько я

предполагал. Пока что я могу удовлетвориться сто тысячами.

А затем появились изобретательные существа.

У Элфи не было крыльев, но это не означало, что она не могла навести хаос. В ящичке ЛеППРЕКОНа не было оружия, кроме единственного Нейтрино, но в нем было шахтерское оборудование, включая несколько дюжин взрывающихся шариков, которые Элфи разбрасывала в оставленные без присмотра чаны с краской по всему рынку, а под окно Дворецки – в двойном размере.

Хотя Элфи была невидимкой, двигалась она с осторожностью, так как применение защитного экрана без костюма было крайне опасным волшебством. Любые резкие движения или столкновения привели бы к возникновению волшебных фейерверков от ее тела, возникновение которых на пустом месте выглядело бы по меньшей мере странно.

Поэтому она двигалась очень плавно, это был единственный способ передвигаться. Элфи опустила последние шарики, чувствуя себя очень уязвимой, несмотря на свою невидимость.

– Мне так не хватает руководства Жеребкинса, подумала она.
– Как хорошо, когда у тебя есть всевидящий глаз.

Артемис как будто прочитал ее мысли, и его голос послышался в микро-наушнике. Еще один подарок из шкафчика.

– Кронски открывает клетку. Приготовься взорвать шарики.

– Все готово. Я в северо-восточном углу на случай, если Джей-джей попытается бежать.

– Я вижу тебя через фильтр. Взрывай по своему усмотрению.

Элфи вскарабкалась в пустой чан и сконцентрировала все свое внимание на Кронски. Он уже вытащил лемура, держа его на расстоянии от себя. Превосходно.

Она провела пальцем вдоль маленькой полоски у нее в руке, все крошечные огоньки позеленели. На полоске возникло краткое сообщение.

Взрывать?

Безусловно, подумала Элфи и нажала кнопку да.

Чан взорвался, выбрасывая в воздух шестиметровую колонну красной краски. Еще несколько чанов быстро последовали за ней, стреляя, как бомбометы, с силой запуская содержимое в небо Морокко.

Симфония цвета, подумал Артемис со своего насеста. Дворецки видно не было.

Ниже в торговых рядах рынка незамедлительно началось столпотворение. Кожевники зашумели и заорали, как зрители фейерверка, восхищаясь и показывая друг другу каждый новый фонтан цвета. Некоторые осознали, что на их ценные кожи попадают не те оттенки краски и начали лихорадочно собирать свои изделия и инструменты. Несколько секунд шел дождь из капель краски и пространства между чанами наполнились иступленными рабочими и перепуганными туристами.

Юный Артемис стоял неподвижно, не обращая внимания на краску в воздухе, его взгляд был прикован к Дэймону Кронски и лемуру в его руке. Следи за животным. Им нужно животное.

Кронски визжал при каждом взрыве, балансируя на одной ноге, как напуганный артист балета.

– Забавно, – подумал Артемис и заснял несколько секунд видео на телефон. Что-то еще должно произойти, он был уверен.

И он был прав. У Артемиса осталось смутное впечатление, что земля разверзлась перед ногами Кронски. Грязь взорвалась, какое-то движение в завесе земли и лемуру исчез.

Доктор Кронски остался держать кусок слизи, который чуть-чуть светился в вечерних тенях.

Упали последние капли краски, и хаос медленно отступал. Кожевники удивленно потрясли головами, и стали проклинать судьбу. Заработок за день пропал.

Кронски вопил несколько секунд, после того, как грязь осела, держа ноту как оперный певец. Артемис злобно ухмыльнулся. – Ноту может держать толстая леди, а ты, думаю, сейчас замолчишь.

Доктора остановил тон Артемиса. Он собрался, стоя на двух ногах и дыша так глубоко, что красные пятна выступили на его щеках.

Когда он захотел вытереть слизь, то понял, что лемура в его руке больше нет.

Не веря своим глазам, он уставился на свои пальцы, чувствуя, как слизь покрывает его пальцы и, застывая, превращается в

мерцающую перчатку.

– Ты что сделал, Артемис?

– Ах, – подумал Артемис. – Ты вдруг смог произнести мое имя.

– Я ничего не делал, Дэймон. Я доставил лемура, ты его потерял. Теперь это твои проблемы.

Кронски побагровел. Он сорвал очки и открыл налившиеся кровью глаза.

– Ты меня обманул, Фаул. Ты здесь как-то замешан. Я не могу созвать Выжигающих на конференцию без соответствующего вступления. Принесение лемура в жертву было моим огромным приветствием, каждому!

Телефон Артемиса завибрировал, и он взглянул на экран. Короткое сообщение от Дворецки.

Миссия выполнена.

Он положил мобильный в карман и широко улыбнулся Кронски.

– Соответствующее вступление. Я могу тебе с этим помочь. За определенную сумму, естественно.

Артемис старший сидел в шаре-хамелеоне, наблюдая за событиями, разворачивающимися внизу. Все шло точно по плану, исключая чаны с краской, которые, на самом деле, превысили ожидания Артемиса.

– Дворецки вообще не видно, – подумал он. А потом внутри вдруг похолодело. – Конечно! Я не ставил Дворецки в том окне. Я поставил туда приманку, потому что это одно из пяти мест, куда логично поставить снайпера. Во все пять мест я поставил приманки, а сам Дворецки спрятался где-то в торговых рядах рынка, на земле, готовый вмешаться, если те надоедливые лемурыкрады снова объявятся. А они могли объявиться, потому что, видимо, знали каждое мое движение. Я, Артемис Фаул, сам себя одурачил.

Вдруг его осенила ужасная мысль.

– Элфи, – закричал он в подушечку микрофона, приклеенную к пальцу. – Отбой! Отбой!

– Что... – послышался шипящий ответ. – Шум... Я думаю... поврежден.

Затем несколько секунд белого шума, резкий треск и тишина. Слишком поздно. Все, что оставалось Артемису – прижать палец к экрану и беспомощно смотреть, как один из кожевников скинул с плеч одеяло и выпрямился, оказываясь намного выше, чем был раньше. Конечно, это был Дворецки, а перед собой он направлял ручной инфракрасный сканнер.

– Дворецки. Не делай этого, старый друг. Я знаю, тебе мои

махинации никогда не нравились.

Три быстрых широких шага и телохранитель был у чана Элфи, он накинул на эльфа одеяло. Она сопротивлялась и сражалась, но у нее не было ни единого шанса против огромной силы Дворецки. Через десять секунд Элфи была связана по рукам и ногам и лежала на плече телохранителя. Еще через пять секунд Дворецки скрылся за воротами и потерялся в толпе Медины.

Все это произошло настолько быстро, что челюсть у Артемиса отвиснуть не успела. В какой-то момент все было под контролем, и он самодовольно наслаждался осознанием, что он самый умный человек в метафорической комнате. В следующий момент он с треском упал на землю, пожертвовав королевой за ладью, осознавая, что он был лицом к лицу с кем-то таким же умным, как и он сам, только вдвойне более безжалостным. Он почувствовал, как бледность отчаяния наползает на лицо, оставляя за собой покалывающие следы.

Элфи у них. Выжигающие будут пытаться ее, обвиняя в том, что она дышит человеческим воздухом.

Ему в голову пришла мысль. – У каждого подсудимого есть право на хорошего адвоката.

Глава 12

Ушедшие навечно

Владения людей, территория Extinctionists, Фес.

Молодой Артемис согласился посетить особняк Доктора Кронски, расположенный недалеко от Медина. Автомобиль Кронски был более роскошный, чем арендованный Артемисом. Он был оснащен мощным кондиционером и водяным холодильником, сиденья его были драпированы шкурой белого тигра. Артемис пропустил мех сквозь пальцы и совсем не удивился, обнаружив, что мех настоящий.

– Неплохие сиденья – прокомментировал он сухо.

Кронски не ответил. Он не очень-то был разговорчив, с тех пор как потерял лемура, лишь бормотал в полголоса, проклиная несправедливость всего произошедшего. Также не было похоже, что он слишком переживал о том, что краска с его костюма вьедалась в мех дорогой драпировки.

Хотя путь до особняка занял не больше пяти минут, Артемис использовал это время, чтобы обдумать план дальнейших действий. К тому времени, когда автомобиль миновал укрепленные ворота, он выровнял все в неточности в своей стратегии. Оставшиеся две минуты он посвятил одной из романтических новелл, которые он время от времени писал под псевдонимом Виолеты Тсирблону.

Машина проехала под аркой четырехметровой стены. Артемис смотрел по сторонам, отмечая вооруженных охранников, патрулирующих особняк, расположение источника энергии и служебного помещения.

Информация – сила.

Особняк был построен в стиле пляжных коттеджей Калифорнии: с плоской крышей, огромным количеством стекла и искусственным пляжем с волновой установкой и спасателем. Рядом с особняком было построено огромное здание для конференций, на крыше которого возвышался шпиль. Двое мужчины заканчивали укрепление медного изображения на конце шпиля. Несмотря на то, что большая часть изображения была закрыта холстом, Артемис видел достаточно, чтобы бы понять что это. Человеческая рука, сжимающая мир в кулаке. Символ Extinctionists.

Шофер Кронски остановил машину у парадного входа, и доктор молча прошел внутрь особняка. Он жестом указал на покрытый шкурой диван и ушел в спальню. Артемис надеялся принять ванну и сменить одежду, но вероятно Кронски был так

расстроен произошедшим, что забыл о вежливости, поэтому Артемис был вынужден дергать в разные стороны воротник зудящей рубашки и ждать возвращения хозяина дома.

Зал приема Кронски был жутким местом. Одна стена была заполнена сертификатами extinction. К каждому сертификату прилагалась фотография несчастного животного и дата, когда Extinctionistopам удалось убить последнего представителя вида.

Артемис бегло просмотрел фотографии на стенах. Здесь были изображения японского морского льва и озёрного дельфина, гуамской летающей лисицы и балийского тигра.

Все они ушли. Навечно.

Есть только один способ увидеть этих животных: надо как-то развить скорость перемещения быстрее, чем скорость света и вернуться в прошлое.

Мебель в комнате, наглядно указывающая на цели организации, вызывала ужас и отвращение. Диван был обит шкурой фолклендской лисицы. Абажуром торшера служил череп западного черного носорога.

Артемис из-за всех сил старался сохранить спокойствие.

Я должен покинуть это место как можно быстрее.

Но слабый голос совести напомнил ему, что его отъезд не будет означать того, что это место больше не существует, а продажа странного существа Кронскому только привлечет внимание людей к действиям этой организации.

Артемис мысленно представил себе отца.

Чего бы это не стоило. Чтобы не понадобилось сделать.

Кронский появился в комнате в чистом, ниспадающим свободными складками кафтане. Его глаза были красными, как если бы он плакал.

– Присядь, Ах-темис,- сказал он, указывая жестом на диван.

Артемис окинул взором диван:

– Нет. Я останусь стоять.

– Ах, понимаю. Слишком большой диван. Трудно оставаться серьезным, когда твои ноги не достают до пола, – сказал Кронски, сядя в офисное кресло.

Доктор потер коренастыми пальцами глаза и надел фирменные солнцезащитные очки.

– Ты даже представить себе не можешь, каково это: быть таким, как я, Ах-темис. Переезжать преследуемым из страны в страну из-за моей веры, как какой-то уголовный преступник. И теперь, когда я наконец-то нашел место, которое могу называть домом; теперь, когда я уговорил комитет проводить собрания здесь – я потерял лемура. Этот лемур был основной целью конференции.

Голос Кронски был спокоен, и казалось, что доктор постепенно приходит в себя, после постигшей его неудачи.

– Члены комитета Extinctionistоров очень влиятельные люди, Ах-темис. Они привыкли к удобству и комфорту. Морокко едва ли можно назвать удобным. Я построил этот особняк, чтобы привлечь сюда комитет, для этого пообещал грандиозную открытую конференцию. А теперь все, что я могу показать – пустые руки.

– Еще не все потеряно, доктор, – мягко сказал Артемис, – я могу предоставить вам что-то, что разнообразит вашу организацию и сделает ее всемирно важной.

Взгляд Кронски был скептическим, но он наклонился вперед, его руки слегка напряглись.

Его лицо говорит: нет, подумал Артемис, но язык его тела говорит: да.

– Что ты продаешь, Ах-темис?

Артемис открыл галерею в телефоне и выбрал фотографии.

– Это, – сказал он, передавая телефон Кронски.

Доктор изучил фотографии, и скептицизм на его лице заметно увеличился.

– Что это? Фотографии поддельны?

– Нет. Они неподдельны. Это существо живое.

– Да ладно, Ах-темис. Всего лишь латекс и костные имплантаты. Ничего больше.

Артемис кивнул:

– Это нормальная реакция. Вы не заплатите, пока сами не убедитесь в подлинности этого существа.

– Я уже заплатил.

– Вы заплатили за лемура, – возразил Артемис, – Это неоткрытый вид. Возможно угроза человечеству. Это как раз-то, чем занимаются Extinctionists. Представьте, сколько участников организации будут требовать пожертвование для вашей церкви, когда вы раскроете эту угрозу.

Кронски согласился:

– Ты приводишь хорошие аргументы для десятилетнего мальчишки. Сколько я должен буду заплатить?

– Пять миллионов евро. Это не обсуждается.

– Наличными?

– Брильянтами.

Кронски недовольно поджал губы:

– Ты не получишь ни одного камня, пока я не буду убежден в подлинности этого существа.

– Это будет справедливо.

– Не слишком ли ты сговорчив, Фаул. Откуда ты знаешь, что

я не обману тебя? После всего, я вполне уверен, что ты приложил руку к произошедшему на базаре. Чем обернулась для меня честная игра, которую я вел?

– Ты можешь обмануть меня, Дэймон. Но ты не обманешь Дворецки. Ты же не глупый мужчина.

Кронски был впечатлен:

– Не дурно, парень. Ты все предусмотрел, – доктор посмотрел на свои руки, – ты когда-нибудь думал, Ах-темис, как такой ребенок, как ты, оказался против такого старого обманщика, как я?

– Я не понимаю, в чем ваш вопрос, – честно признался Артемис.

Кронски захлопал в ладоши и рассмеялся.

– Ты восхищаешь меня, Ах-темис, – сказал он, – Какой еще мальчик живет так, как ты?

Его смех оборвался внезапно, как будто отрезанный гильотиной.

– Теперь перейдем к делу. Когда я смогу изучить это существо?

– Немедленно, – ответил Артемис.

– Отлично. Тогда, звони своему Дворецки, чтобы он приехал, как можно скорее. Допустим, на то, чтобы добраться сюда, у него уйдет около 30 минут, еще десять, чтобы миновать охрану. Мы можем встретить его в Великой Ложе через час.

– Я сказал немедленно, – сказал Артемис, щелкнув пальцами. Дворецки сделал шаг вперед из-за занавески. В руках у него была шерстная сумкой марки Kevlar.

Кронски пронзительно вскрикнул, а затем закатил глаза.

– Нет, я не могу это контролировать...Из-за этого дела с коалой из Кливленда. Это слишком беспокоит меня...

Отложить и сохранить, – подумал Артемис, – Коала из Кливленда.

– В любом случае... – продолжил Кронски, – Как вы сюда проникли?

Дворецк пожал плечами:

– Так же как и вы.

– Вы были в машине, – догадался Кронски, – очень умно.

– В общем-то, не очень. Каждая неточность в вашем плане, выглядит продуманной деталью в нашем.

– Я запомню это. Товар находится у вас?

Дворецки сжал губы. Артемис знал, что лимит его лояльности на пределе. Продажа лемура было достаточно плохим делом, но это существо в сумке была в какой-то мере женщиной.

Не говоря ни слова, телохранитель поставил сумку на стол.

Артемис собрался открыть сумку, но Дворецки остановил его.

– У нее есть некоторые гипнотические способности. Я однажды встречал парня из Лаоса, который мог сглазить вас, но я никогда не видел ничего подобного этому. Она пыталась применить свои чары на мне на базаре, и я чуть не столкнулся с верблюдом. Поэтому я заклеил ей рот скотчем. Так же мы знаем, что она может становиться невидимой. Когда я открыл сумку в первый раз, то не увидел ее. Я подумал, что она сбежала. У нее могу быть и другие возможности – кто знает, что она может проделать своими ушами. Вы согласны пойти на этот риск?

– Да, – ответил Кронски, начиная злиться, – абсолютно согласен. Откройте сумку.

Дворецки убрал руку и Артемис расстегнул молнию, показав фигуру внутри.

Кронски не поверил своим глазам. Он ощупал уши существа, подергал их. Осмотрев существо, он шатающейся походкой подошел к офисному бару и дрожащими руками налил себе стакан вода.

– Ты получишь пять миллионов сегодня же, – сказал он, – Ты сказал пять и я согласился. Никаких изменений в цене теперь.

Артемис улыбнулся. Доктор попался на крючок.

– Пять миллионов,- сказал он, – Плюс расходы.

Взрослый Артемис ехал на складном скутере ЛеППРКОНа. Ифранские дороги за пределом великолепного города были частью плодородного бассейна реки Феса. По краям дороги росли оливковые деревья, а дальше были площадки для гольфа.

Античность и современность. Сосуществование.

Звезды над головой казались ближе и ярче, чем дома в Ирландии; они сияли, как огни стадиона, как будто бы Африка каким-то образом была ближе к вселенной.

Я потерял ее. Потерял Элфи.

Но у него был план. В общем-то, неплохой план. Все, что ему нужно – некоторые волшебные технологии, чтобы открыть пару дверей. И тогда у них будет шанс. Потому что без Элфи все не имеет смысла. Ни у кого из них не будет будущего, если с Элфи что-то случится.

Ему потребовался почти час, чтобы найти поле для гольфа, где Элфи оставила шаттл ЛеППРЕКОНа. Не то, чтобы на поле было много отличительных признаков: Элфи остановила шаттл глубоко в сухом песке и выставила защитный щит. Артемис нашел шаттл только благодаря непосредственной помощи навигационных систем скутера.

Он бросил скутер внутрь диска размером с летающую тарелку и спустился вниз.

Мульча Рывтинг празднично вертелся вокруг себя в стуле пилота.

– Это мой скутер, Вершок, – сказал он, – Он оторвался от вагонетки, поэтому я заберу его с собой.

Артеми́с закрыл люк.

– Где лемур? Где Джуджу?

Мульч ответил вопросом на вопрос:

– Где Элфи? Ты ее потерял?

– Да, – Артеми́с признал случившееся, – Мальчишка перехитрил меня. Он знал, что мы придем за лемуром, и использовал это, чтобы поймать Элфи.

– Умный, – сказал Мульч, – Так или иначе, я ушел...До встречи...

– До встречи? До встречи? Один из твоих волшебных товарищей в беде, а ты собираешься просто так уйти?

Мульч поднял руки вверх:

– Эй, спустить на землю, Вершок. Сотрудники ЛеППРЕКОНа – мне не товарищи. У нас был договор: я помогаю вам поймать маленькую меховую зверушку, а вы отдаете мне шаттл. Работа сделана, обе стороны счастливы.

В этот момент Джуджу высунул голову из-за круглой двери уборной.

– Что он там делает?

Мульч усмехнулся:

– Угадай с двух попыток.

– Лемуры не умеют пользоваться уборной.

– Как знаешь. Чтобы он там не делал, я доверю Джуджу.

Он поманил волосатым пальцем, и лемур быстро вскарабкался по его руке на голову.

– Видишь, он признает меня главным, – Мульч сдвину брови, – Надеюсь, ты не собираешься менять его на Капитана Малой?

– Нет смысла, – сказал Артеми́с, открывая базу данных ЛеППРЕКОНа, – С тем же успехом можно попытаться поменять шпильку на Экскалибур.

Мульч сжал губы.

– Я немного знаком с историей Экскалибура, поэтому знаю, что ты пытаешься сказать. Шпилька -бесполезная; Экскалибур – чудесный и так далее. Но в некоторых случаях шпилька гораздо полезнее. Теперь, если бы ты сказал резиновая шпилька. Понимаешь, что я хочу сказать?

Артеми́с не обращал на него внимания, яростно стуча по v-образной клавиатуре. Ему нужна была вся возможная информация о Extinctionists, и Жеребкинс хранил достаточно

огромное количество файлов об этой организации.

Мульч щекотал Джуджу под подбородком.

– Мне не безразлична судьба Капитана Малой, хотя это и вопреки моим правилам. Я думаю, я могу подкопать под особняк и выкрасть ее.

Это была искренняя попытка помочь и хорошее предложение, поэтому Артемис потратил драгоценное время, чтобы ответить.

– Не возможно. Кронски уже видел наше спасение через туннель, и он не допусти этой ошибки. По моим расчетам, ты не сможешь выдержать температуру в течении дня. Даже под землей, ты не будешь в безопасности. Земля настолько сухая, что трещины могу уходить в глубь на пятнадцать метров. Одно маленькое неточное движение днем и ты будешь трещать, как старая книга в домашнем камине.

Мульч вздрогнул.

– Понятно. Твое описание очень наглядно. И что же ты собираешься предпринять?

Артемис использовал волшебные технологии, чтобы распечатать карту с изображением леопарда и серебристой голограммой Extinctionists.

– Я пойду на конференцию сегодня вечером,- сказал он, легонько щелкнув по карте указательным пальцем, – Кроме этого, у мене есть приглашение. Все, что мне нужно – немного маскировки и некоторые медикаменты.

Мульч был впечатлен.

– План действительно очень хорош. Ты почти так же хитер, как и я.

Артемис развернулся обратно к v-образной клавиатуре. Ему требовалось время, чтобы укрепить свой будущий образ.

– Ты даже не представляешь как, – сказал он.

Будущая конференция Extinctionists полностью зависела от Кронски и его нервы были на пределе. Он танцевал по дому в одном банном полотенце; его мысли крутились вокруг мелодии Joseph and the Amazing Technicolor Dreamcoat. Кронски часто мечтал, что он будет носить пальто-Technicolor, вышитое шкурами редких животных, которых он убил. Эта мечта всегда заставляла его улыбаться.

Все должно быть идеально. Эта ночь будет лучшей в моей жизни. Спасибо, маленький Ах-темис.

Предстоящий банкет установит тон выходных, а значит и всей конференции.

Что может быть важнее, чем открытие нового вида? Extinctionists станет всемирно известной.

И как раз вовремя. По правде говоря, Extinctionists перестала быть новинкой. Пожертвования снижались, и, впервые после открытия, на конференции будут присутствовать не все члены организации. В начале все было замечательно – много увлекательных видов животных, на которых можно было охотиться, чтобы прибить к стене. Но теперь страны защищали своих редких животных, особенно больших. Больше не было полетов в Индию для охоты на тигров: жители районов, расположенных к югу от Сахары, были настроены очень агрессивно, когда встречали хорошо вооруженных людей Extinctionists, охотившихся на слонов. Эти охоты всегда обнаруживалось, особенно в странах, где правительство не брало взятки. Не брало взятки.

Была и другая проблема Extinctionists, хотя Кронски никогда не говорит о ней вслух. Организация была основана наиболее ревностными сторонниками. Но ее искренняя ненависть к животным привлекла кровожадных сумасшедших, которые не могут видеть, как пули попадают в молчаливых животных. Они никогда не поймут философию организации. Человек – король, а животные могут продолжать существовать лишь до тех пор, пока это угодно их хозяевам. Животные, которые не используются в каких-либо целях, а только расходуют драгоценных воздух, должны быть уничтожены.

Но это существо изменило всё. Все захотят увидеть ее. Камеры будут снимать весь процесс суда и казни, а потом лента попадет в СМИ, и мир падет к ногам Дэймона Кронски.

Один год пожертвований, думал Кронски, и я смогу наслаждаться моим богатством.

Пять миллионов. Эта фея, или кем бы она не была, стоит в десять раз больше. В сто раз больше.

Кронски около минуты постоял под сильным потоком воздуха кондиционера, а затем выбрал костюм из открывшегося платяного шкафа.

Пурпур, подумал он, сегодня я буду императором.

Подумав немного, он достал шляпу, украшенную кисточкой шерсти каспийского тигра.

ЛИЧНЫЙ САМОЛЕТ ФАУЛОВ, 10 000 МЕТРОВ НАД ГИБРАЛТАРОМ.

Десятилетний Артемис пытался расслабиться в одном из шикарных кожаных кресел самолета, но нервный узел в его голове не давал ему этого сделать.

Мне нужен массаж, подумал он, или отвар из трав.

Артемис отлично понимал, откуда взялось это напряжение.

Я продал существо... личность для Extinctionists.

Так как Артемис был очень умен, он без труда смог найти оправдание своим действиям.

Ее друзья освободят ее. Они практически умнее меня, и они, несомненно, умнее Кронски. Эта фея уже, возможно, отправилась с лемуром в руках обратно, откуда бы она ни появилась.

Артемис отвлек себя от этого сомнительного довода, сосредоточившись на Кронски.

Нужно что-то сделать с этим человеком.

Титановый Powerbook мягко загудел на раскладном столике. Артемис разбудил экран и открыл свой персональный Интернет-браузер, разработанный в качестве школьного проекта. Благодаря мощной, но незаконной антенне в грузовом отсеке, самолет мог принимать радио-, теле- и Интернет сигналы практически в любых частях света.

Такие организации, как Extinctionist живут и умирают в зависимости от репутации, думал Артемис, Это будет забавным упражнением – уничтожить репутацию Кронски, используя силу Интернета.

Все что для этого было нужно: поисковая система и размещение небольшого видео на некоторых наиболее популярных сайтах сети.

Двадцать минут спустя, когда Дворецки вошел в его кабину, Артемису оставалось сделать пару завершающих штрихов.

– Проголодался?- спросил телохранитель, – В холодильнике есть хумус и я собираюсь приготовить йогурт и фруктовый коктейль.

Артемис выложил видео на последний веб-сайт.

– Нет, спасибо, – пробормотал Артемис, – я не голоден.

– Чувство вины будет терзать твою душу, – сказал Дворецки, открывая холодильник, – как предателя на старых костях.

– Спасибо за сравнение, Дворецки, но, что сделано, то сделано.

– Нужно ли было оставлять оружие Кронски?

– Пожалуйста... Я установил заряд самоликвидатора на мой жесткий диск. Ты действительно думаешь, что такая прогрессивная раса оставит свои технологии незащищенными? Я не буду удивлен, если пистолет сейчас тает в руках Кронски. Я должен был оставить оружие для эффекта.

– Не думаю, что существо сейчас тает.

– Прекрати, Дворецки. Я совершил сделку, и давай больше не говорить об этом.

Дворецки сел напротив.

– Хмм. То есть теперь тобой руководит своего рода кодекс.

Честь среди преступников. Интересно... Итак, что ты придумываешь на своем компьютере?

Артемис растирал напряженное место на шее.

– Пожалуйста, Дворецки. Все это – для моего отца. Ты знаешь – это должно быть сделано.

– Один вопрос, – сказал Дворецки, разрывая пластиковую упаковку от столовых приборов, – Хотел ли бы ваш отец, чтоб это было сделано таким путем?

Артемис не ответил, только сидел и растирал напряженное место на шее.

Через пять минут Дворецки сжалился над десятилетним мальчиком.

– Я подумал, что мы можем развернуть самолет обратно и оказать небольшую помощь этому странному существу. Аэропорт Феса открыт, поэтому на это уйдет всего лишь пара часов.

Артемис сдвинул брови. План Дворецки был правильными действиями в создавшейся ситуации, но это был не его профиль.

Дворецки свернул бумажную тарелку Артемиса вместе с едой.

– Артемис, я хочу повернуть самолет обратно, и я собираюсь сделать это, если только ты не скажешь мне, не делать этого. Все, что тебе нужно – сказать одно слово.

Артемис видел, как его телохранитель возвращается в кабину пилота, но не сказал ни слова.

Марокко

Особняк Кронски гудел от постоянно подъезжающих из аэропорта Extinctionistов. Каждый из них нес свою ненависть к животным на руках, или на голове, или на ногах. Кронски узнал леди в высоких сапогах из кожи каменного козла. Из Пиренеи, если он не ошибался. Затем он увидел старого Джеффреи Кутнез-Меуерс, одетого в костюм из шкуры квагги, и Котессу Ирину Костович, бледная шея которой была защищена от вечернего холода мехом хондосского японского волка.

Кронски улыбался и тепло приветствовал почти каждого по имени. Каждый год было несколько новых людей, допущенных в круг влиятельных людей, но скоро все изменится, после судебного процесса. Кронски прошел к банкетному залу.

Зала был разработан Schiller-Haus в Мюнхене, и на самом деле являлся огромным сборным комплектом деталей, которые прибыли в контейнере и были установлены немецкими специалистами меньше, чем через четыре недели. Действительно невероятно. Зал был впечатляющей структурой, более формальной внешне, чем особняк, который был более красивым. Но серьезные дела должны проходить здесь. Суд над феей и

казнь.

Суд над феей, подумал Кронски и хихикнул.

Главные двери охраняли двое сильных мужчин из Марокко, одетых в вечерние костюмы. Кронски сначала хотел, чтобы охранники были одеты в парашютные комбинезоны, но потом передумал, решив, что это слишком похоже на Бонда.

Я не Доктор Ноу. Я Доктор Ноу-Животных.

Кронски быстро прошел мимо охранников, спустился вниз по коридору, покрытому роскошным ковром, и вошел в банкетный зал с потолком двойной высоты. Потолок был сделан из трехкратного увеличительного стекла, поэтому звезды были так близко, что, казалось, можно протянуть руку и схватить одну из них.

Оформление зала со вкусом соединяло в себе классику и современность. За исключением сделанных их лап гориллы пепельниц на каждом столе и ряда ведерок для охлаждения бутылок шампанского, сделанных из слоновьих ног. Кронски вышел через двойные двери, прошел через кухню и вошел в морозильную камеру.

Существо сидело в окружении трех охранников. Она была привязана к детскому пластиковому стульчику, позаимствованному из детского сада персонала особняка. Лицо ее было мрачное и настороженное. Ее оружие лежало неподалеку на железной тележке.

Если бы она могла стрелять взглядом, подумал Кронски, поднимая небольшое оружие и взвешивая его на руке, я был бы похож на решето.

Он направил пистолет на один из замороженных окорока, висячих в ряд под потолком, и нажал на курок. Не было ни пих-пах, ни вспышки света, но окорок дымился и был готов к употреблению. Кронский поднял темные очки фиолетового цвета, которые носил днем и ночью, чтобы удостовериться, что его видение было правильным.

– О, Боже, – сказал Кронски изумленно, – это в некоторой степени игрушка.

Он посмотрел на существо.

– Никаких туннелей в это раз, – предупредил он, – ничего похожего, что ты делала на базаре. Ты говоришь по-английски, существо? Ты понимаешь, что я говорю тебе?

Существо закатило глаза.

Я бы ответила тебе, говорило ее выражение, но мой рот заклеен скотчем.

– И для оправдания, – сказал Кронски, – мы все знаем о твоих гипнотических способностях. И невидимости, – он ущипнул ее за

щеку, – твоя кожа практически, как человеческая. Что ты? Фея, не так ли?

Еще одно закатывание глаз.

Если бы закатывание глаз было спортом, то это существо было бы золотым медалистом, подумал доктор. Впрочем, возможно серебряным. Золото, несомненно, выиграла бы моя бывшая жена.

Кронски обратился к охраннику.

– Она двигалась? – спросил он.

Мужчины отрицательно покачали головами. Это был глупый вопрос. Как она могла двигаться?

– Замечательно. Очень хорошо. Все идет согласно моему плану.

Теперь Кронски закатил глаза.

– Послушайте меня. Все идет согласно моему плану. Похоже на Доктора Ноу. Я должен идти и сделать себе железные руки. Что вы об этом думаете, джентельмены?

– Железные руки? – спросил новый охранник, непривычный к громким словам Кронски. Двое других хорошо знали, что большинство вопросов доктора риторические, особенно связанные с Эндрю Ллойд Уэббером и Джойсом Бондом.

Кронски проигнорировал нового парня. Он приложил на секунду палец к губам, чтобы обозначить важность момента, и заговорил глубоким шепотом.

– Ладно, джентельмены. Все слушают? Этот вечер не может быть более важным. От него зависит будущее организации. Все должно быть максимально идеальным. Не спускайте глаз с заключенного. Никуда не переносите ее и не открывайте ей рот. Никто не должен ее видеть до начала суда. Я заплатил пять миллионов в брильянтах за привилегию грандиозного обнаружения этого существа, поэтому никто не должен войти сюда, кроме меня. Понятно?

Это бы не риторический вопрос, однако, новому парню потребовалось несколько секунда, чтобы понять это.

– Да, сэр. Понятно.- выпалил он, после остальных.

– Если, что-то пойдет не так, то ваш вечер закончится похоронным обрядом, – Кронски подмигнул новому охраннику, – и вы знаете, как говорят: один ушел, другой пришел.

Атмосфера на банкете была немного вялой – до тех пор, пока не подали еду. Большинство Extinctionists были очень придирчивы к еде. Некоторые так ненавидели животных, что были вегетарианцами, что существенно ограничивало меню. Но в этом году Кронски решил пригласить повара из вегетарианского

ресторана в Эдинбурге.

Первым блюдом был помидорно-перечный суп, в панцирях маленьких черепах. Затем легкая партия жареных овощей, смешанная с небольшим количеством греческого йогурта, поданных на подносе из черепов обезьян. Все было очень вкусно, к тому же вино расслабило гостей.

Из-за волнения Кронски не мог съесть ни кусочка, что было очень необычно для него. Последний раз он испытывал такое головокружение в свой первой банкета в Остине, который был очень дано.

Я на краю величия. Скоро мое имя будут упоминать так же как Bobby Jo Haggard или Jo Bobby Saggart. Я буду великим евангелистом Extinctionists. Дэймон Кронски – человек, сохранивший мир.

Только две вещи сделают этот банкет самым значимым, из всех проведенных.

Основное блюдо и казнь.

Основное блюдо восхитит всех. И людей, которые едят мясо, и вегетарианцев. Вегетарианцы могут и не есть его, но в любом случае они оценят способ приготовления.

Кронски ударил в небольшой гонг около его кресла и встал, чтобы представить блюдо, в соответствии с традицией.

– Дамы и господа, – начал он, – позвольте мне рассказать вам историю вымирания одного вида. В Июле 1889 года, профессор Д.С. Джордан посетил Озера-Близнецы в Колорадо. В 1891 профессор издал книгу Bulletin of the United States Fish Commission. В этой книге он объявил, что обнаружил новый вид – желтый плавник убийца. В своей статье Джордан описывает эту рыбу, как серебристо-оливкового цвета, с широкими лимонно-желтыми оттенком вдоль тела, нижние плавники были ярко-золотого цвета, около горло темно-красная черта – поэтому и «головорез». Примерно до 1903 «желтый плавник» продолжал жить в Озерах-Близнецах. Однако эти рыбы вымерли вскоре после того, как в Озера запустили радужную форель. Другая форель скрещивалась с радужной, но желтый плавник быстро исчез, и теперь полностью вымер.

Никто не заплакал, но многие заплодировали.

Кронски поднял руку.

– Нет, нет. Это не повод для радости. Говорят, что желтый плавник был очень вкусной рыбой, с особенным сладким ароматом. Как жаль, что мы никогда не сможем, узнаем этот вкус, – последовала драматическая пауза, - или сможем...

В конце комнате, огромная стена отъехала, показывая

красные вельветовые шторы. Кронски нажал кнопку на пульте дистанционного управления, и шторы раздвинулись. За ними стояли тележки, которые были нагружены миниатюрными ледниками.

Гост выглядели заинтересованными.

– Что, если сто лет назад, на Озерах-Близнецах была неожиданная вспышка замерзания?

Среди присутствующих послышались шептание. Нет.

Конечно, нет. Невозможно.

– Что, если замороженный кусок озера, застрял на глубине в почти нулевом течении?

Тогда бы это значило, что...

Внутри куска...

– Что, если этот кусок всплыл около шести недель назад и был выловлен моим добрым другом Томми Киркенхазардом. Одним из наших преданных членов.

Томми встал и сделал поклон, махнув ковбойской шляпой из кожи серого техасского волка. Хотя он и улыбался, его глаза стреляли в Кронски огнем. Всем в комнате было известно, что эти двое ненавидят друг друга.

– Тогда было бы возможно, неоправданно дорого и сложно, но возможно, доставить кусок льда в эту комнату. Кусок, сохранивший «желтого плавника убийцу», – Кронски шумно вздохнул, чтобы обозначит невероятность происходящего, – Тогда мы, дорогие друзья, могли бы быть первыми людьми за последние сто лет, кто попробует эту рыбу на вкус.

Эта перспектива понравилось даже вегетарианцам.

– Смотрите, Extinctionists. Смотрите и восхищайтесь.

Кронски щелкнул пальцами, и дюжина специально приготовленных мужчин развернули тяжелые тележки в цент банкетного зала, где уже был установлен железный гриль. Рабочие сняли форму, под которой оказались костюмы обезьяны.

Не переборщил ли я с костюмами обезьян? засомневался Кронски, Может это слишком похоже на Бродвей?

Но, взглянув на своих гостей, понял, что они в восторге.

Рабочие на самом деле были обученными цирковыми акробатами одного из Cirque du Soleil, имитирующих путешествие по северу Африки. Они были только рады выделить несколько дней программы, чтобы дать личное шоу для Extinctionists.

Рабочие обступили ледяные блоки, вооруженные цепными пилами, пламенным мечами и огнеметами, казалось, появившимися из ниоткуда.

Это было поистине захватывающее зрелище. Лед разлетался в разные стороны, попадая на гостей; гул машин был оглушителен.

Вскоре косяк «желтого плавника убийцы» был высвобожден из голубого мрака льда. Рыбы были заморожены в пол-оборота, застывшие с широко раскрытыми глазами.

Что за потрясающий способ умереть, подумал Кронски, абсолютно ни о чем не подозревая. Восхитительно.

Рабочие начали вырезать рыбу в блоках льда, и передавать ее поварам. Затем рабочие увезли блок льда, а умелые повара поджарили филе рыбы в оливковом масле с мелко нарезанными овощами и размельченным чесноком.

Для вегетарианцев была приготовлена Champagne mushroom risotto, хотя Кронски не думал, что оно будет нужно. Вегетарианцы ели рыбу только, чтобы нанести ущерб природе.

Ужин был большим успехом, и уровень восхищенных отзывов переполнял зал.

Кронски смог съесть только часть филе, потому что слишком переживал.

Восхитительно. Изысканно.

Они думают, что это основная часть программы, думал Кронски, на самом деле они еще ничего не видели.

После кофе, когда Extinctionists расслабили пояса и достали сигары, Кронски проинструктировал рабочих установить зал суда.

Они отреагировали быстро, не хуже команды Формула Один. Это было не удивительно после трех месяцев тренировок. Буквально. Рабочие убирали тележки, некоторые убирали остатки «желтого плавника». Закрыв эту часть комнаты, рабочие открыли вторую часть.

Два подиума и скамья подсудимых въехали в центр зала. Оба подиума были оснащены компьютерами, а деревянная скамья подсудимых находилась внутри клетки. Клетка была закрыта леопардовой шкурой.

Разговор гостей смолк: все выжидающе смотрели на клетку. Этого момента все давно ждали, эти миллионеры и миллиардеры, платящие огромные деньги, чтобы почувствовать неограниченную власть: будущее вида зависело от их решения. Показать всей планете, кто здесь хозяин. Гости не знали, что зал, в целях безопасности, окружен вооруженными людьми, на тот случай, если существо проявит новые магические способности. Была небольшая возможность подземного подкопа, потому что зал был установлен на фундаменте из железа и бетона.

Кронски растягивал момент, вставая со своего места и медленной походкой направляясь к подиуму прокурора.

Он сложил пальцы крестиком, понимая важность момента.

– Каждый год мы судим редкое животное.

Сред зрителей послышались свист, но Кронски

проигнорировал его.

– Настоящий суд: с прокурором и один из вас будет защищающим. Идея проста. Если вы сможете убедить жюри...

Еще свист

... что это существо в клетке способно приносить пользу человечеству, то мы освободим это существо. Так, хотите верьте, хотите нет, произошло однажды в 1983. Немного до моего времени, но я уверен, что это действительно произошло. Если же защита не сможет доказать пользу этого животного, то я нажму на эту кнопку.

Кронски повертел в руках дистанционный пульт с большой красной кнопкой.

– И животное будет брошено из клетки в яму, где лазерный луч активирует огненную струю. Вуаля: мгновенная кремация. Позвольте мне продемонстрировать. Это доставляет мне удовольствия, яма совершенно новая. Я тестировали ее всю неделю.

Он кивнул одному из сотрудников, который потянул рычаг железной решетки. Кронски выбрал дыню со стола и кинул ее яму. Все услышали звуковой сигнал, сопровождаемый сине-белым пламенем. Дыня была сожжена, остались лишь черные угольки.

Некоторые восхищенно зааплодировали, но не все оценили этот эффект.

Джеффри Кутнез-Меуерс сложил руки рупором:

– Живей, Дэймон. Что за существо на этот раз? Только не обезьяна. Каждый год это обезьяна.

Обычно Кронски очень раздражало, когда его перебивали, но нес сегодня. Сегодня все грубияны, даже остроумные, будут отправлены на второй план.

– Нет, Джеффри, не обезьянка. Что если...

Джеффри Кутнез-Меуерс тяжело вздохнул:

– Пожалуйста, больше никаких что если. Нам было достаточно истории с рыбой. Покажи нам проклятое существо.

Кронски изобразил поклон:

– Как вы желаете.

Он нажал на кнопку дистанционного пульта, и опустился огромный экран. Затем нажал на другую кнопку, и занавес скрывающий существо в клетке плавно отъехал к одной стороне.

Элфи была привязана к детскому стульчику. Ее взгляд был острым и взбешенным.

Первой реакцией было замешательство. Кто эта маленькая девочка? Это же ребенок.

Кронски сошел сума? Я знал, что он высокого мнения о себе, но это?

Когда же Extinctionists посмотрели на экран, то увидели изображение камеры, установленной внутри клетки.

О, боже. Ее уши. Посмотри на ее уши.

Она не человек.

Кто это? Что это?

Томми Киркенхазард встал.

– Для тебя будет лучше, если это не розыгрыш, Дэймон. Или мы повесим тебя.

– Две вещи, – мягко сказал Кронски, – во-первых, это не розыгрыш. Я обнаружил новый вид; как факт – я верю, что это фея. Во-вторых, если бы это и был бы розыгрыш, вы бы все равно никого не повесили, Киркенхазард. Мои люди убили бы вас, до того как вы бы взмахнули своей нелепой шляпой и закричали йа-ху!

Иногда есть что-то хорошо в том, чтобы заставить людей вздрогнуть. Напомнить им, где власть.

Что-то было хорошее

– Конечно, мне понятен ваш скептицизм. Для того чтобы убедиться, что это не розыгрыш, мне нужен волонтер из зрителей. Как насчет тебя Томми?

Томми Киркенхазард залпом выпил пол стакана вина, чтобы успокоить нервы, и затем пошел к клетке.

Хорошее исполнение, Томми, подумал Кронски, Это практически, как если бы не договорились о этом небольшом спектакле, чтобы добавить больше вероятности.

Киркенхазард постоял около Элфи, как будто набираясь храбрости, затем протянул руку и медленно пощупал ее уши.

– О, Господи, это не поделка. Они настоящие, – он сделал шаг назад, и правда случившего заставила его улыбнуться, – вы поймали фею.

Киркенхазард бросился к Кронски и стал пожимать ему руку и хлопать по спине.

Итак, мой самый большой критик исправился. Остальные последуют его примеру, как овца. Полезные животные эти овцы.

Кронски мысленно поздравил себя.

– Я буду в качестве обвинителя, такова традиция,- сказал Кронски толпе, – Но кто будет защитником? Неудачливый участник, который вытащит черных шар. Кто будт и?

Кронски кивнул метрдотелю.

– Принесите мешок.

Как множество старинных организации, Extinctionists соблюдали традиции, и одна из этих традиций была в том, что существо на суде может защищать любой из членов организации по желанию или, если никто не выразит такого желания, то

защитник будет выбран лотереей. Мешок с белыми камнями, и лишь один из них черный.

– Нет нужды в мешке, – раздался голос в толпе, – Я буду защищать существо.

Головы зрителей повернулись на голос. Это был молодой человек с козлиной бородкой и пронизывающими голубым глазами. На нем были слегка затемненные очки и легкий льняной костюм.

Кронски замечал его раньше, но не мог вспомнить его имени, что очень раздражало.

– И кто вы? – спросил Кронски, поглядывая на компьютер, установленный в подиуме.

Молодой человек улыбнулся.

– Почему бы не дать вашей компьютерной программе несколько секунд, чтобы ответить вам на ваш вопрос.

Кронски нажал enter, и через пять секунд компьютер, обработав фотографию, выдал информацию о участнике организации, из личных архивов Extinctionists.

Малачи Пастеур. Молодой французско-ирландский наследник скотобойни. Делал большие пожертвования в казну Extinctionists. Его первая конференция. Как и большинство присутствующих, прошедших обряд инициации внес большие пожертвования, чтобы получить право быть на конференциях.

Кронски был очарован.

Мистер Пастеур, мы рады приветствовать вас в Марокко. Но, скажите мне, почему вы захотели защищать это существо? Ее гибель уже практически одобрена.

Молодой человек взошел на подиум.

– Мне нравится сложные задачи. Это интеллектуальная задача.

– Защита преступника – интеллектуальная задача?

– Особенно преступников, – ответил Пастеур, поднимая крышку ноутбука, – Легко защищать рабских, полезных животных, таких, как коровы. Но это? Это будет не легким сражением.

– Будет жаль проиграть сражение таким молодым, – сказал Кронски и его губы сложились в притворной симпатии.

Пастеур постучал пальцами по подиуму.

– Я всегда любил ваш стиль, доктор Кронски. Вашу преданность идеалам Extinctionism. Годами я следил за вашей карьерой, еще с тех пор, когда я был ребенком в Дублину. В последнее время, однако, мне кажется, что организация сбилась с намеченного пути, и это не только мое мнение.

Кронски сжал зубы. Значит так. Вызов его руководству.

– Будьте осторожны в том, что вы говорите, Пастеур. На

ступайте на опасную землю.

Пастеур посмотрел на пол под ним, где была разлита вода.

– Вы имеете в виду, что я могу уснуть с рыбками. Вы убьете меня, Доктор? Простого мальчика. Не думаю, что это увеличит доверие к вам.

Он прав, подумал Кронски, я не могу убить его; я должен выиграть этот суд.

Доктор натянуто улыбнулся:

– Я не убиваю людей. Только животных. Таких, как животное в этой клетке.

Некоторые участники поддержали Кронски аплодисментами, но было много и воздержавшихся.

Некоторые участники поддержали Кронски аплодисментами, но много было и тех, кто воздержался.

Было ошибкой прийти сюда, – внезапно осознал Кронски. – Слишком далеко. Негде приземлиться частному самолету. В следующем году я попробую найти местечко в Европе. Я объявлю о переезде сразу же, как только разотру в порошок этого нахала.

– Позвольте огласить правила, – продолжил Кронски, думая “Оглашение правил позволит мне выиграть несколько голосов, с психологической точки зрения”.

– В этом нет нужды, – сказал Пастеур резко. – Я прочитал несколько версий. Обвинитель излагает свою точку зрения, защитник – свою. Несколько минут живых дебатов, после чего проводится голосование. Не могли бы мы начать, доктор? Никому из здесь присутствующих не хочется попусту тратить время.

– Умно, молодой человек. Поставить себя по одну сторону с присяжными. Не имеет значения. Я знаю этих людей, а они ни за что не оправдают зверя, каким бы тот милым не казался, – подумал Кронски.

– Ну что ж. Приступим. – он взял документы со своего стола. Его вступительная речь. Кронски знал ее наизусть, но все же тот факт, что слова были перед глазами, успокаивал.

– Люди говорят, что экстинкционисты ненавидят животных, – начал Кронски – Но суть не в этом. Мы не испытываем ненависти к бедным бессловесным животным, скорее, мы любим человечество. Мы любим человечество и сделаем все, что ни потребуется, чтобы убедиться что оно, как раса, проживет настолько долго, насколько это возможно. Ресурсы этой планеты не безграничны, и я считаю, что они должны быть в нашем распоряжении. Почему люди должны голодать, в то время как животные жиреют на глазах? Почему люди должны мерзнуть, в то время как звери нежатся в тепле своих мехов и шкур?

Малачи Пастеур произвел звук, нечто среднее между кашлем

и смешком. – Действительно, доктор Кронски, я прочитал несколько вариантов этой речи. Каждый год, кажется, вы повторяете одни и те же наивные аргументы. Не могли бы мы сфокусироваться на существе, представшем перед нами?

Легкий смешок прошелся среди приглашенных на банкет гостей, и Кронски пришлось сделать усилие, чтобы сдержаться. А ведь так недавно казалось, что исход битвы был уже в его руках. Ну что ж, посмотрим.

– Что самое удивительное, мальчик, я собирался быть с тобой поласковее, но теперь шутки кончились.

– Нам приятно это слышать.

Нам? Нам? Пастеур повернул экстинкционистов на свою сторону, а те даже и не подозревали об этом.

Кронски призвал остатки харизмы из глубин своей личности, обратившись к своей молодости, к тем летним дням, которые он проводил, наблюдая за своим папочкой-евангелистом, воодушевлявшим людей под тентовым навесом.

Он сцепил пальцы и поднял руки, вытянув их до хруста в суставах.

– Мы говорим не об этом, люди, – прогремел он. – Не думаю, что мы проделали путь до сюда, чтобы поглазеть на милую словесную перепалку. Вот в чем суть экстинкционизма, – Кронски указал неподвижным пальцем на Элфи. – Избавить нашу планету от существ, таких как она.

Кронски боковым зрением взглянул на Пастеура, который подался вперед, опустив подбородок на ладони, отсутствующим взглядом на лице. Обыкновенное поведение несогласного человека.

– Мы обнаружили новый вид существ. Вид опасных существ. Существ, которые могут становиться невидимыми и даже гипнотизировать через речь. Это существо было вооружено!

И, чтобы вызвать возгласы толпы, Кронски достал Нейтрино Элфи из своего кармана.

– Хочет ли кто-нибудь из нас столкнуться с будущим, где эти штуки будут направлять вам в лицо? Хотим ли мы этого? Ответ, полагаю, однозначен – “нет”. Более того, я собираюсь утверждать, что это существо – не последнее из ему подобных. Я совершенно уверен, что тысячи подобных ему эльфов, или чужих, или как бы они не назывались, находятся среди нас. Но значит ли это, что мы должны унижаться перед ними и выпустить это маленькое существо? Я говорю нет. Я говорю, что мы покажем им. Казним одного, и остальные поймут, что мы не шутим. Мировые правительства презирают нас, но завтра они будут стучаться в наши двери, прося совета, – настало время последнего аргумента.

– Мы экстинктионисты, и наше время пришло!

Это была хорошая речь, вызвавшая несколько волн оваций, во время которых Пастеур не снимал с лица отсутствующее выражения, таким образом пытаясь выйти из невыгодной для себя ситуации.

Кронски принял апплодисменты, делая боксерские движения, после чего обратился к трибуне оппонента.

– Зал ваш, мальчик.

Пастеур расправил плечи и прочистил горло.

...Артеemis расправил плечи и прочистил горло. Накладная борода, приклеенная к его подбородку чертовски чесалась, но он противился импульсу содрать ее. В честном бою он бы уничтожил бы аргументы Кронски в пять секунд, но бой, в котором он участвовал, был далеко не честным и вряд ли его можно было назвать разумным. Эти люди были кровожадными, пресыщенными миллиардерами, использовавшими свои деньги, чтобы купить впечатления, полученные от противозаконных действий. Убийство было всего лишь еще одной вещью в списке купленного. Ему нужно было работать с этой толпой крайне осторожно. Нажать на нужные кнопки. Прежде всего, нужно было выставить себя как одного из них.

– Что ж. Когда я был молод, и моя семья проводила зиму в Южной Африке, мой дедушка рассказывал мне истории о временах, когда люди правильно относились к животным. “Мы убивали их, если нам это было нужно”, – говорил он мне. “Когда они могли удовлетворить наши потребности”. В этом вся суть экстинктионизма. Виды не были под защитой, если людям не было пользы от их существования. Мы убивали их, если это приносило нам выгоду. Если животное использовало ресурсы планеты и не давало прямой пользы нашему здоровью, мы его уничтожали. Вот так все просто. Это было идеалом, за который сражались. За это стоило убивать. Но это... – Артеemis указал на яму под ним и Элфи в своей клетке. – Это цирк. Это оскорбление памяти наших предков, которые тратили свое время и деньги в целях экстинктионизма.

Артеemis старался изо всех сил, пытаясь держать зрительный контакт с как можно большим количеством людей, на мгновение задерживая его на каждом.

– У нас есть удобный случай побольше узнать об этом существе. Мы должны отдать должное предкам и узнать, что она может нам дать. Если это настоящий эльф, то кто знает, что за магией она обладает. Магией, которая может стать вашей. Если мы убьем этого эльфа, мы никогда не узнаем, какое

невообразимое богатство может умереть вместе с ней.

Артемис изогнул бровь. Он высказал свою точку зрения. Он знал, что произнесенное им не заставит кровожадных экстинкционистов изменить свое мнение, однако этого будет достаточно, чтобы заставить Кронски чувствовать себя менее самоуверенным.

Доктор простер свои руки прежде, чем угасло эхо голоса Артемиса.

– Сколько раз мы должны выслушивать подобные аргументы? – размышлял он. – Мистер Пастеур обвиняет меня в том, что я повторяюсь, в то время как сам повторяет слова любого адвоката, которого нам только доводилось слышать. – Кронски сложил свои губы в гримасе ужаса. – О, давайте не будем убивать существо за его потенциальные возможности, которые могут быть источником нашей власти и богатства. Помню, я сам одно время пытал счастья с безракушечным моллюском, про который говорили, что он может вылечить артрит. Всем, что я получил, была дорогая слизь. Это все всего лишь предположение.

– Но это существо обладает магией, – протестовал Артемис, ударяя по трибуне кулаком. – Мы все слышали, что она может становиться невидимой. Вы заклеили ей рот, чтобы она не смогла загипнотизировать нас. Представьте силы, которыми мы сможем обладать, если раскроем секреты этого дара. Если же она ни на что подобное не способна, она может лучше подготовить нас к встрече с остальными ей подобными.

Главной проблемой Кронски было то, что он соглашался с большей частью аргументов своего противника. Было совершенно понятно, что, для того, чтобы спасти существо, ему придется выманить из нее все ее секреты, однако он не мог себе позволить отказаться от этого аргумента. Если ему все удастся, он может перехватить лидерство.

– Мы пытались допрашивать ее. Наши лучшие люди пытались, но она не сказала нам ни слова.

– Трудно говорить с заклеенным ртом, – сухо заметил Артемис.

Кронски поднялся во весь свой рост, для пущего эффекта понизив тембр голоса. – Человеческая раса столкнулась с самым своим смертельно опасным врагом и вы хотите втереться ему в доверие? Экстинкционисты так не поступают. Если есть угроза, мы ее уничтожаем. Так это было и будет всегда.

Эта реплика вызвала одобрителный рев толпы, кровожадность всегда берет верх над разумом. Несколько участников кричали стоя. По их мнению, время доводов вышло, и они хотели решительных действий.

Лицо Кронски осветила победоносная улыбка.

– Ему кажется, что все кончено, – подумал Артемис. – Бедняга. – Следующей его мыслью была – Как же чешется эта борода.

Он подождал, пока наступит тишина и угаснет произведенный фурор, после чего выступил из задней части трибуны.

– Я хотел пожать Вас, доктор, – сказал он. – Потому что очень Вас уважаю.

Кронски прихлопнул губами. – Пожать меня, мистер Пастеур?

– И Вы знаете, почему. Я думаю, что вы достаточно долго отводили всем глаза.

Кронски ни чуточки не переживал. Мальчишка проиграл и все, что ему оставалось, раздраженная болтовня. Все же, почему Пастеур еще не вырыл себе яму?

– И что же вы имеете в виду?

– Вы точно хотите, чтобы я продолжал?

Зубы Кронски обнажились в улыбке, – О, совершенно точно.

– Как пожелаете, – сказал Артемис, подходя к делу. – Это существо не есть наше исходное подсудимое. До вчерашнего дня им должен был стать лемур. Не то что бы обезьянка, Мистер Киркенхазард, но нечто достаточно близкое. Я говорю, что у нас был лемур, но на самом деле у нас почти был лемур. Его потеряли в момент покупки. Затем, и это важно, затем мы купили это существо у того же самого мальчишки, который почти продал нам лемура, на оплату за которого пошли деньги из средств фонда экстинкционистов. Никому не кажется это подозрительным? Мне, например, так кажется. Этот мальчишка оставил себе лемура и продал предполагаемого эльфа.

Кронски больше не выглядел самоуверенным. Этот Пастеур знал многое.

– Предполагаемого эльфа?

– Совершенно верно. Предполагаемого. Единственное доказательство, которое у нас есть, это Ваше слово, и, разумеется, слово этого мистера Киркенхазарда, который, несомненно, является вашим заклятым врагом. Никто не купился на этот трюк, я Вас уверяю.

– Не хотите ли проверить существо лично? – выпалил Кронски, пытаясь отвести обвинения от Киркенхазарда. Этим простым доводом я выиграю себе победу.

– Спасибо вам, доктор, – сказал Артемис. – Я определенно был бы не против.

Артемис приблизился к клетке. Теперь наступила сложная

часть плана, и ему потребуется ловкость рук и координированность, – та часть плана, которую обычно проделывал Дворецки.

Его карман слегка оттопыривался, поскольку в нем лежала парочка лейкопластырей, позаимствованная из аптечки Мульча. Охране пришлось сказать, что это никотиновый пластырь, чтобы ему позволили пронести их на банкет. Пластырь становился липким при соприкосновении с кожей и принимал форму, текстуру и цвет того, к чему его прикладывали.

Пальцы Артемиса полезли в карман, но было еще не время прикоснуться к пластырю. Приклеить его к своей руке не составит труда. Вместо этого, он полез в другой карман и достал телефон, украденный из Бентли в парке Рэтдоун.

– Этот телефон для меня бесценен. – сказал он экстинктионистам. – Он слегка больше других, но это все потому, что я годами совершенствовал его. Это действительно удивительная вещица. Я могу смотреть кино, проверять котировки своих акций, помимо стандартных функций. В нем также в есть встроенная камера, работающая в рентгеновском диапазоне и экран. Погодите секунду. – Артемис нажал несколько кнопок, соединяя телефон по Bluetooth'у с ноутбуками, а оттуда с большим экраном.

– Вот, смотрите, – сказал Артемис, проводя телефоном поверх своей руки. На экране возникли фаланги пальцев; пястная кость и кости запястья были темнее светлых областей плоти. – Вы отчетливо видите кости в моей руке. Хочу вас поздравить, доктор Кронски. У вас замечательный проектор.

Улыбка Кронски была такой же фальшивой, как и обращенные к нему поздравления.

– У вас есть мысль, Пастеур, или мы должны убедиться в том, насколько вы умны?

– О, у меня есть мысль, доктор. И она состоит в том, что если бы не эти широкие надбровные дуги и заостренные уши, это существо весьма сильно напоминало бы маленьку девочку.

Кронский фыркнул. – Уши и бровная дуга. Это и есть все ваши аргументы?

– Точно, – сказал Артемис, и провел телефоном перед лицом Элфи. На экране показывался короткий видеоролик, который он сделал в шаттле. Он показывал череп Элфи с темными уплотнениями правильной формы в области висков и на ушах.

– Импланты, – возликовал Артемис. – Совершенно очевидно, результат хирургического вмешательства. Этот эльф – искусная подделка. Вы пытались одурачить нас, Кронски.

Протесты Кронски потонули в реве толпы. Экстинктионисты

поднимались со своих мест, осуждая попытку столь наглого обмана.

– Ты лгал мне, Дэймон, – гремел Томми Киркенхазард, как если бы его ранили. – Лгал мне!

– В яму его, – кричала графиня Ирина Костович, ее лицо пылало яростью волка, чья шкура лежала на ее плечах.

– Пускай Кронски сам вымрет. Он заставил нас приехать сюда, и после всего этого он заслуживает такой участи.

– Кронски прибавил звук микрофона на своей трибуне. – Это нелепо. Вас обманывают, равно как и меня. Нет! Я не верю в это. Этот мальчишка, этот Пастеур, он лжет. Мой эльф настоящий. Дайте мне шанс, и я докажу это.

– Я не закончил, доктор, – кричал Артемис, тяжело ступая по фундаменту. В обеих руках он держал лейкопластырь, который успел прилепить к своим ладоням во время шумихи. Он чувствовал, как жар колет ему руки по мере того, как активировалась клейкая часть пластыря. Ему придется действовать быстро, или успешность его плана серьезно поколеблет пара кусочков ткани цвета его собственной кожи.

– Эти уши мне кажутся ненастоящими. А ваш друг мистер Киркенхазард был слишком осторожен с ними.

Артемис скрутил лейкопластырь, так что клеящая сторона больше не соприкасалась с его пальцами. Он просунул вторую руку между прутьев решетки и сделал вид, что с усилием трет кончики ушей, в то время как на самом деле приклеивал второй лейкопластырь к уху Элфи, укрывая им весь кончик уха и большую часть ушной раковины.

– Оно отдирается, – пробормотал он, убедившись, что закрыл камеру, установленную в клетке своим локтем. – Оно у меня.

Секундой позже лейкопластырь высох и одно из ушей Элфи стало полностью видно. Артемис поглядел ей в глаза и подмигнул.

– Подыграй, – говорило подмигивание. – Я вытащу тебя отсюда.

По крайней мере, надеялся Артемис, подмигивание передавало эту его мысль, и в нем не было намека на возможность еще одного поцелуя.

Пора возвращаться к делу.

– Это подделка, – крикнул Артемис, поднимая сжатый в руке мятый лейкопластырь телесного цвета. – Он отклеился и упал прямо мне в руку.

Элфи услужливо подставила свой профиль в поле зрения вебкамеры. Ухо больше не было заостренным.

Ярость – так можно было описать реакцию, последовавшую со

стороны подавляющего большинства экстинктионистов.

Кронски обманул их всех, или, что еще хуже, его обманул какой-то мальчишка.

Артемис держал предполагаемое поддельное ухо, сжимая его так, как если бы это была ядовитая змея.

– И это тот человек, которому мы доверили возглавлять нас? Имеет в таком случае доктор Кронски право судить?

Артемис швырнул “ухо” на землю. – И, предположительно, это существо может всех нас загипнотизировать. Я скорее поверю, что ее рот заклеен, с той целью, чтобы она не могла говорить.

Одним быстрым движением, он сорвал изоленту со рта Элфи. Она вздрогнула и выстрелила в Артемиса суровым взглядом, но затем быстро расплакалась, безукоризненно играя роль человека-жертвы.

– Я не хотела этого делать, – всхлипывала она.

– Делать что? – спрашивал ее Артемис.

– Доктор Кронски забрал меня из сиротского приюта.

Артемис приподнял бровь. Из приюта? Элфи явно импровизировала.

– Он сказал мне, что если у меня есть импланты, то я могу жить в Америке. После операции я передумала, но доктор не позволил мне уйти.

– Приют, – сказал Артемис. – Почему, это невероятно.

Подбородок Элфи упал. – Он сказал, что убьет меня, если я проболтаюсь.

Артемис рассвирепел. – Он сказал, что убьет тебя. И этот человек правит нашей организацией?! Человек, который охотится на людей, как на животных. – Он, обвиняя, указывал пальцем на ничего не понимающего Кронски. – Вы, сэр, еще хуже, чем животные, которых мы все презираем, и я требую от вас освободить бедную девочку.

Кронски был уничтожен, и он осознавал это. Но из этой неразберихи еще можно было выбраться. У него еще были номера счетов группы, и он был единственным, кто знал комбинацию к сейфу. Через два часа он будет далеко отсюда с достаточным количеством денег, чтобы безбедно прожить несколько лет. Все, что ему нужно сделать, это как-нибудь остановить этого мальчишку Пастеура, который переиграл его.

И тут он вспомнил. Игрушка!

– А что насчет этого? – прогремел он, размахивая пистолетом Элфи. – Полагаю, это тоже подделка?

Экстинктионисты подались назад, забираясь под сидения.

– Разумеется, – рассмеялся Артемис. – Детская игрушка. Ничего больше.

– Готовы поспорить на свою жизнь?

Артемис, казалось, начал колебаться. – Н-не стоит драматизировать, доктор. Признайте, Вы проиграли. Примите это.

– Нет, – сказал Кронски резко. – Если пистолет настоящий, значит, существо тоже настоящее. А если она не настоящая, значит, как Вы настаиваете, вам нечего бояться.

Артемис призвал свою храбрость. – Очень хорошо, сделайте свою самую ужасную ошибку. – Он стоял, расставив ноги перед маленькой иголкой оружия, подставив грудь.

– Вы сейчас умрете, Пастеур, – сказал Кронски без симпатии в голосе.

– Возможно, если вы соизволите снять пистолет с предохранителя. – сказал Артемис, как будто бы подгоняя доктора к действию.

– Тогда увидимся в аду! – пролаял Кронски и нажал на кнопку.

Но ничего не произошло. Лишь выскочила искорка и раздалось небольшое жужжание изнутри оружия.

– Оно сломалось, – выдохнул доктор.

– Кто бы говорил, – сказал Артемис, который, дистанционно из шаттла уничтожил Нейтрино.

Кронски развел руки – ОК, мальчик, ОК. Дай-ка мне поразмыслить.

– Просто отпустите девчонку, доктор. Сохраните хотя бы кроху достоинства. Мы же не казним людей.

– Я здесь главный. Только мне нужна секунда, чтобы собраться с мыслями. Этого не должно было произойти. Она об этом не предупреждала...

Доктор положил локти на кафедру, протирая глаза под темными очками.

– Она об этом не предупреждала? – думал Артемис. Кто еще замешан в происходящем?

Пока Артемис был поставлен в тупик и мир Кронски рушился вокруг его широких плечей, мобильные телефоны подняли трезвон на весь зал. Множество людей неожиданно получили сообщения. В секунды комната наполнилась неблагозвучной симфонией трелей, зуммеров и полифонических мелодий.

Кронски игнорировал странность произошедшего, но Артемис забеспокоился. У него было все под контролем и помощь не требовалась, если подразумевать под нею полную победу над Кронски.

Реакцией на входящие сообщения была смесь шока и веселья.

– Бог мой. Это правда? Это действительно так??

- Проиграй это еще раз. Прибавь звука.
- Не могу в это поверить. Кронски, Вы идиот.
- Это последняя капля. Мы посмешище. Экстинкционистам пришел конец.

Артемис осознал, что все эти сообщения на самом деле были одним и тем же сообщением. Кто-то, у кого была база данных экстинкционистов, и он слал им всем один и тот же видеоролик.

Телефон Артемиса слегка завибрировал. Еще бы он бы не завибрировал, ведь ему удалось провести поддельную личность по всем базам экстинкционистов, которые он только смог найти. И, поскольку его телефон все еще был подключен к большому экрану, пришедшее видео начало автоматически воспроизводиться на нем.

Артемис сразу же узнал место действия. Базар кожевников. И главным действующим лицом был Кронски, стоящий на одной ноге, визжа на высокой, как у струи, выходящей из порванной шины, ноте. Слово комичность не было наиболее подходящим термином, которым можно было описать происходящее. Нелепость, фарс и патетичность – вот слова, которые лучше всего подходили к этому действию. Одно было не сомненно: любой, кто просмотрит этот видеоролик, если он в своем уме, больше не будет уважать этого человека, и, что еще менее вероятно, позволять собой руководить.

Во время воспроизведения видео под ним стала показываться бегущая строка с коротким сообщением.

“Здесь мы видим доктора Дэймона Кронски, президента экстинкционистов, показывающего удивительную ловкость для человека своих размеров. Нашему корреспонденту стало известно, что Кронски восстал против животных, когда его укусила коала, когда он со своим отцом находился в политическом туре, чтобы заручиться поддержкой жителей Кливленда. Свидетели того, как его укусили, сообщили, что маленький Дэймон “визжал таким тонким голосом, что от его крика могли полопаться стеклянные бокалы”. Этот талант как мы видим, доктор донес до наших дней. Визжи же детка, визжи.”

Артемис вздохнул, – Это моих рук дело, – понял он. – Это определенно мой почерк.

В другое время он бы оценил эту шутку, но сейчас для нее был крайне неподходящий момент. Не теперь, когда он был так близок к тому, чтобы освободить Элфи.

Кстати, говоря об Элфи.

– Артемис, помоги мне отсюда выбраться, – прошипела она.

– Да-да, сейчас. Время действовать.

Артемис порылся в своих карманах, изображая, и достал

носовой платок. Внутри платка были три длинных, грубых волоска, которые дал ему Мульч Рытвинг. Гномьи волоски на самом деле являются антеннами, которыми пользуются гномы, чтобы определять направление в темных туннелях, а также служили изобретательной расе универсальной отмычкой. Без сомнений, Омнитул Элфи был бы намного удобнее, но Артемис не решил лишний раз не подвергать себя риску быть схваченным с ним при досмотре службой безопасности. Носовой платок сохранял волоски влажными и гибкими до тех пор, пока они не понадобятся.

Артемис взял первый волосок, стер капельку влаги с его кончика и вставил в замок, на который была заперта клетки, стараясь выглядеть неприметным. Как только он почувствовал, что волосок затвердел в его пальцах, он повернул получившийся ключ в замочной скважине, и дверца в клетку раскрылась.

– Спасибо тебе, Мульч, – прошептал он, затем вернулся к работе над наручниками, надетыми на Элфи. Третий волосок может даже не понадобиться. Через считанные секунды Элфи была свободной и потирала свои запястья.

– Сиротский приют? – сказал Артемис. – Тебе не казалось, что ты переигрываешь?

– Промашка вышла, – быстро проговорила Элфи. – Давай просто вернемся в шаттл.

Однако это было не так-то просто.

Кронски был оттеснен в угол группой экстинкционистов. Они говорили на повышенных тонах и даже толкали и пихали доктора, не обращая внимания на то, что он им отвечал, а тем временем видеоролик все снова и снова воспроизводилось на большом экране.

– Упс, – подумал Артемис, захлопывая крышку мобильного.

Падение Кронски было неизбежным. Тот раскидал своих мучителей по сторонам, подобно шару в боулиге, расчистив место вокруг себя, затем, часто дыша, схватил переговорную рацию с крепления на поясе.

– Оцепить помещение, – прохрипел он в нее. – Используйте используйте всю необходимую силу.

Даже несмотря на то, что охранники Домэйн дес Хоммес фактически работали на экстинкционистов, их лояльность принадлежала человеку, который выплачивал им заплату. А этим человеком был Дэймон Кронски. Он мог одеваться как сумасшедший и иметь привычки пустынной собаки, но он единственный знал комбинацию сейфа и всегда платил вовремя.

Снайперы на верхней террасе сделали несколько предупредительных выстрелов поверх голов собравшихся, что

вызвало столпотворение.

Закройте все входы и выходы из здания. – сказал Кронски в переговорное устройство – Мне потребуется время, чтобы забрать деньги. Десять тысяч долларов наличными каждому, кто поможет мне.

Не было нужды в более убедительном стимуле. Десять тысяч долларов были для этих людей суммой, на которую можно было заработать только за два года.

Двери и ставни с грохотом захлопнулись, и в каждом проеме стояло по крепкому охраннику, размахивавшему винтовкой или сделанным на заказ марокканским мечом ниндзя с эфесом из кости носорога; эти мечи Кронски в свое время специально заказал для службы охраны.

Испуганные экстинкционисты забились в туалеты и ниши ища места, где могли бы быть окна. Они яростно нажимали кнопки на своих телефонах, отовсюду зовя на помощь хоть кого-нибудь.

Некоторые были более изобретательными. Томми Киркенхазард выхватил керамический пистолет, который он пронес в своей шляпе и сделал несколько выстрелов по террасе из-за барной стойки из мореного тика.

Ему ответил залп откуда-то сверху, и бутылки, зеркала и разбитые бокалы разлетелись на осколки подобно наконечникам стрел.

Прямым ударом в солнечное сплетение высокий азиат быстро разоружил охранников, стоявших у дверей.

– Сюда! – позвал он, широко распахивая двери. В дверном проеме моментально образовалась пробка из тел экстинкционистов.

Артеemis и Элфи укрывались за клеткой, высматривая путь наружу.

– Ты можешь стать невидимой?

Элфи резко повернула шею и одна из ее рук исчезла из виду.

– У меня мало энегии. Хватит на минуту или две. Я специально ее экономила.

Артеemis с неодобрением посмотрел на нее. – У тебя всегда мало энегии. Разве Номер Первый не наполнил тебя своей меченной магией?

– Может быть, все было бы намного лучше, если б твой телохранитель не попал в меня дротиком. Если б мне не пришлось исцелять тебя там, в Рэтдоунском Парке. И если бы мне не пришлось становиться невидимой на базаре, пытаясь найти твою обезьянку.

– Лемура, – сказал Артеemis. – По крайней мере мы спасли

Джей-джея.

Элфи пригнулась, когда стекло градом посыпалось ей на голову. – Вот так дела, Артемис! Ты говоришь так, как будто бы ты на самом деле беспокоишься о животном. Кстати, милая бородка.

– Спасибо. Теперь, как ты думаешь, сможешь ли ты оставаться невидимой так долго, сколько потребуется, чтобы разоружить тех охранников, перекрывающих дверь на кухню позади нас?

Элфи смерила оценивающим взглядом двух мужчин. Оба излучали свирепость и у обоих были дробовики. – Думаю, проблем с ними не будет.

– Замечательно. Сделай это как можно незаметней. Нам не нужна еще одна давка. Если мы разделимся, то встретимся где-нибудь поблизости. Например, на базаре.

– ОК, – сказала Элфи, включая невидимый экран.

Секундой позже Артемис почувствовал руку на плече, и услышал бестелесный голос в своем ухе.

– Ты вернулся за мной. – прошептала Элфи. – Спасибо.

Затем рука исчезла.

За любую магию приходится платить. Когда эльфы становятся невидимыми, они жертвуют ловкостью и ясностью мысли. А это бесконечно более трудно сделать что-нибудь аккуратно, когда твое тело вибрирует быстрее, чем крылья колибри, даже если мозг в состоянии ненадолго сфокусироваться на проблеме.

Тренер родом из Атлантиды, работавший в академии ЛеППРЕКОНа, дал Элфи один совет. Гораздо легче справиться с вибрациями, если периодически напрягать и расслаблять брюшные мышцы, укрепляя свое туловище. Это не только дает причину сфокусироваться, и к тому же укрепляет мышцы торса.

Элфи выполняла упражнение, пока осторожно шла по полу банкетного зала, направляясь к кухне. Когда разъяренный, размахивавший ножом для масла экстинкционист чуть было не задел ее им, она подумала, что иногда быть невидимым гораздо опаснее, чем находиться на линии прямого видения.

Двое охраняющих дверь буквально рычали на любого, кто осмеливался приблизиться слишком близко. Они были огромными, даже не верилось, что это были люди, и Элфи была рада, что они не обладали особой ловкостью. Два удара в нервные центры выше колена должно быть достаточно, чтобы свалить этих ребят.

– Проще простого, – думала Элфи. – Не стоит быть столь самоуверенной. Если ты понадеешься на это, что-то обязательно пойдет не так.

И, разумеется, она была чертовски права.

Кто-то открыл пальбу по охранникам Кронски.

Серебряные дротики рассекали воздух, затем прокалывали кожу с глухим звуком.

Элфи инстинктивно догадывалась, кем был стреляющий. Ее догадка подтвердилась, когда она заметила знакомый силуэт на стропильных балках под крышей.

– Дворецки!

Телохранителя укрывал балахон песчаного цвета, но элфи узнала его по форме его головы, а также по безошибочно выбранной позиции для стрельбы: левый локоть был выставлен несколько больше, чем того предпочитало большинство стрелков.

– Юный Артемис послал его нам на помощь, чтобы помочь расчистить путь, – поняла она – Или, возможно, Дворецки принял это решение самостоятельно.

Как бы там ни было, Дворецки помогал не так хорошо, как она на то надеялась. Когда охранники уходили по пожарным выходам, запирая их за собой, экстинктионисты взбирались на [was piling – ориг. текст] своих поверженных тюремщиков, окончательно потеряв надежду выбраться из этого здания.

– Пойманные в клетку экстинктионисты, – подумала Элфи. – Уверена, Артемис оценит забавность ситуации.

Не успела Элфи размахнуться для удара, как двое стражников, охранявших дверь на кухню, схватились за шеи и рухнули ничком, потеряв сознание раньше, чем их тела коснулись пола.

– Прекрасное попадание. Два выстрела в течение одной секунды с восьмидесяти метров. К тому же дротиками, которыми стрелять не проще, чем застывшим желе.

Она была не единственной, кто заметил неохраняемую дверь. Дюжина бывших экстинктионистов хлынула в дверной проем, вопя громче, чем рок-группа.

– Нам надо выбраться из здания. Сейчас же.

Элфи обернулась к Артемису, но его фигура затерялась в толпе суетящихся экстинктионистов.

– Он, должно быть, где-то рядом, – думала Элфи, за тем толпа подхватила ее и буквально втащила на кухню.

– Артемис! – звала она, совершенно забыв, что все еще невидима. – Артемис!

Но его не было нигде видно. Все закрыли локти и тела. Запах пота и шум криков. Голоса орали ей в уши и дышали ей прямо в лицо, и ко времени, когда она наконец-то смогла выбраться из центра своры, банкетный зал уже опустел. Несколько замешкавшихся, но нигде не было ни следа Артемиса.

– Базар, – подумала она. – Я найду его на базаре.

Артемис заставил себя перейти на бег. Как только Элфи вырубит охранников, ему надо бежать как можно быстрее и молиться, что он не споткнется и не упадет. Подумать только – пройти через все это и проиграть только из-за недостатка координированности. Дворецки обязательно сказал бы “Я же тебя предупреждал”, когда бы они встретились на небесах.

Внезапно шум стал громче на несколько тонов, и крики экстинкционистов напомнили Артемису о панике среди животных, воцарившейся в Рэтдоунском Парке.

– Экстинкционисты, пойманные в клетку, – подумал он. – Что за ирония.

Стражи, охранявшие дверь на кухню, рухнули на пол, хватаясь за горло.

– Отличная работа, капитан.

Артемис низко пригнулся, подобно спринтеру, ожидающему выстрела, возвещающего о старте забега, затем побежал, оттолкнувшись от стенок клетки, служившей ему укрытием.

Кронски врезался в него сбоку всем своим весом, опрокидывая с собою через порог клетки. Артемис тяжело приземлился на детский стульчик, который тут же под ним сломался, один из его подлокотников вышел из своего углубления.

– Это все твоя вина, – визжал Кронски. – Это должен был быть лучший вечер в моей жизни.

Артемис чувствовал приступ удушья. Его рот и нос были плотно укрыты пропотевшей пурпурной материей.

– Он хочет меня убить, – подумал Артемис. – Я слишком на него надавил.

Не было время на размышления, и даже если бы оно было, ситуация не была одной из тех, где полезная математическая теорема могла бы помочь Артемису выбраться из затруднительного положения, в котором он оказался. Ему оставалось лишь одно: отбиваться.

Поэтому Артемис пинался, использовал руки и пытался выкрутиться. Он ударил Кронски коленом в его большой живот и ослепил, внезапно атаковав кулаками.

Все его попытки, которые имели непродолжительный эффект, не принесли заметного результата; все, кроме одной. Правая пятка Артемиса ударила Кронски в грудь. Кронски даже не почувствовал этого. Но пятка задела кнопку пульта дистанционного управления, лежавшего в кармане доктора, открывая решетку в яму.

Секундой позже мозг Артемиса осознал, что его за спиной у него ничего нет, и тогда Артемис понял, что произошло.

– Я мертв, – дошло до него. – Прости меня, мама.

Артемис всем телом упал в яму, его локоть задел лазерный луч и секундою позже яму заполнили сине-белые всполохи пламени, оставившие следы черной сажи на стенках ямы.

Кронски отпрянул от края клетки, испарина выступила на кончике его носа, которая, падая, испарялась.

– Как я себя чувствую после того, что только что произошло? – спрашивал он себя, вспоминая, что психологи советуют встретиться с душевной травмой влоб, чтобы избежать стрессов в дальнейшей жизни.

– Нет, – понял он. – Я не чувствую себя плохо. В самом деле, я чувствую, как если бы огромный груз упал с моих плеч.

Кронски со скрипом и треском поднялся с колен.

– Так, а где еще одна? – спросил он себя. – У меня все еще есть груз, от которого надо избавиться.

Артемис видел пламя, полыхавшее вокруг него. Он видел, как по его коже растекались голубые всполохи и слышал рев, издаваемый огнем, но не смотря на это, он был невредим.

– Невозможно.

Очевидно, нет. “Очевидно”, это пламя скорее “лаяло”, чем действительно “кусало”.

– Голограмма?

Пол ямы развернулся под его весом со свистом пневматических двигателей, и Артемис обнаружил себя в камере, находившейся прямо под ямой, уставившимся на массивные стальные двери, закрывавшиеся над ним.

– Вид изнутри бункера со входом сверху.

Бункера, оборудованного по последнему слову техники, с выступающими хорошо смазанными петлями. Эльфийского изготовления, безо всяких сомнений.

Артемис вспомнил кое-что, о чем проболтался Кронски.

– Она... она.

Выглядит так, как будто это было спроектировано эльфами. Особо опасным видом. Какой эльф добывал мозговую жидкость лемунов раньше, чем даже началась эпидемия спеллтропии?

Артемис побледнел. – Только не она. Не она. Пожалуйста, только бы это не была она.

– Что же мне делать? – думал он. – Сколько еще раз мне спасти мир от сумасшедших?

Он дотронулся до коленей и обнаружил, что лежит на мягкой подстилке. Прежде, чем он смог перевернуться на бок, металлические щупальца выскочили из раскрывшихся на полу под его подстилкой отверстий, и скрутили крепче, чем спутывают ноги быка на родео. Пурпурный газ с шипением вырвался из

дюжины сопел над его головой, укрывая его с головой.

– Задержи дыхание, – сказал Артемис себе. – Это животные не умеют задерживать дыхание.

Он не дышал до тех пор, пока его легкие не стали гореть, и только когда почти выдохнул, собираясь сделать большой вдох, второй газ заполнил камеру, и под его действием первый кристаллизовался. Пыль упала на лицо Артемиса подобно хлопьям пурпурного снега.

– Ты теперь спишь. Попробуй их обмануть.

Маленькая дверца на полу мягко отъехала в сторону со звуком воздуха, просачивающегося через солому.

Артемис глядел через один полуприкрытый глаз.

Магнитное поле, – пришла к нему мысль; его лоб сжимал стальной обруч.

– Я знаю, что именно я вижу, но я бы хотел, чтобы это было не так.

Фигура пикси появилась в дверном проеме, черты ее крохотного прекрасного тела были портила недовольная гримаса на ее лице.

Это, – взвизгнула Опал Кобой, указывая трясущимся от негодования пальцем, – это не лемур!

Глава 13.

Волосатый мертв.

Дворецки быстрым шагом прошел из штаб-квартиры выжигателей на площадь дубильщиков. Артемис ждал в здании, которое они использовали для вчерашнего обмена. Присутствие полиции в Фесе ограничивалось несколькими патрулями, не больше одного-двух человек в каждом, так что для кого-либо с опытом Дворецки прокрасться незамеченным было раз плюнуть. Но абсолютно невозможно слиться с толпой туристов, или выглядеть добропорядочным гражданином мусульманского квартала, когда у тебя за спиной висит здоровенная винтовка(0).

Дворецки гуськом пробрался в темный закуток и быстро разобрал винтовку для стрельбы по тарелкам почти на дюжину частей, затем спешно запрятал их в мусорные баки. Возможно он мог бы просто дать взятку таможенникам в аэропорту Фес Саи'сс, а потом просто провезти оружие под сиденьем, но сейчас лучше сразу обеспечить полную безопасность, чем потом сожалеть.

Десятилетний Артемис сидел на заранее подготовленной снайперской позиции у окна, смахивая несуществующую пылинку с рукава пиджака. Таким образом он выражал свою нервозность.

– Итак? – спросил он, приготовившись к ответу.

– Женщина в минусе, – сказал Дворецки. Он решил не упоминать, что длинноволосый мужчина все держал под контролем, пока не прибыло видео Артемиса.

Артемис заподозрил подвох.

– Женщина? Другой тоже там был?

– Волосатый мертв, – кивнул Дворецки. – он попытался спастись, но ему не удалось.

Артемис вздохнул.

– Мертв? – переспросил он. – Мертв?

– Повторение слова не меняет его значения, – нетерпеливо произнес Дворецки. – Он пытался спасти свою подругу, и Кронски пристрелил его за это. Но что сделано то сделано, а? В конце концов у нас есть бриллианты. – он посмотрел на часы. – Пора двигать в аэропорт. Надо быстро пройти все проверки перед полетом.

Артемис остался сидеть, зачарованный и тихий, не в состоянии отвести глаз от бриллиантов, которые обвиняюще смотрели на него со своего места на его коленях.

У Элфи был неудачный день. Ее искажающее поле было столь слабым, что она его отключила, чтобы сохранить жалкие остатки

магии для лечения – вдруг понадобится? В любом случае, раньше чем она откроется, ни один из громил Кронски ее не засечет и не расскажет об этом всем остальным. Сейчас она бежала из всех сил через мусульманский квартал, молясь чтобы Артемис был на месте встречи и не забыл захватить скутер.

Выстрела не было. Это было странным и обескураживающим, если только Кронски не решил пристрелить ее лично.

Нет времени думать об этом. Сейчас главное – выжить.

Мусульманский квартал был тих вечером, несколько отдельно шатающихся туристов и самых упертых торговцев все еще бродили по улицам. Элфи проскочила мимо них, держась как можно ниже, в страхе перед охранниками, идущими за ней. Она проскочила, опрокинув башню корзин наполненных доверху кебабом, остановилась и опрокинула стол со специями, а затем рванула к белой стене, к разноцветным аркам.

Грохот шагов позади не отставал ни на секунду. Ее тактика не сработала. Охранники были просто громилами, они взяли и прошли сквозь препятствие.

"Ускорься и петляй. Затеряйся в аллеях."

Этот метод принес не больше плодов чем предыдущий. Ее преследователи знали этот район, они разделились на группы и пошли по улочкам, выгоняя ее на площадь дубильщиков.

"Где я буду неприкрыта. Легкая мишень."

Элфи ускорила. Туфли Артемиса врезались в ее пятки. Вопли и проклятия летели ей вслед, пока она беспардонно распахивала группы туристов и разносчиков чая, посылая подносы с чаем в полет.

"Я у них на крючке,"- отчаяно думала она. "Тебе лучше быть на месте, Артемис."

Она вела всю ватагу преследователей прямо к Аремису, но другого выбора не было. Если Артемис там, он может помочь, если же нет... придется самой выбирать.

Она метнулась налево, но четверо громил загородили проход, достав свои жуткие длинные ножи. "Думаю, мне в другую сторону"- подумала эльфийка.

Ну ладненько. Элфи проскользнула на площадь дубильщиков, ее пятки поднимали клубы пыли. "Где же ты, Артемис?"- думала она.

Она бросила быстрый взгляд на место встречи, но там не было никого и ничего. Даже ни малейшего признака того, что здесь кто-то прячется.

"Он не здесь."

Она почувствовала, как страх гложет ее сердце. Элфи Малой была прекрасным боевым офицером, но она была вне своей

территории, без друзей рядом, вне своего времени, наконец.

Площадь дубильщиков была сейчас пустынна и молчалива, лишь некоторые работяги дубили кожу на крышах домов. Фонари под крышей потрескивали, а огромные урны затаились, как какие-то иноземные существа. Запах был так же мерзок как и вчера, а может даже хуже, поскольку за сегодня он уже успел настояться. Запах отбросов ударил Элфи болезненно мягкой рукой, проникая в самые отдаленные уголки мозга.

"Беги дальше. Найди укромное местечко."

Элфи потратила полсекунды, подумав какую часть тела она сейчас отдала бы за оружие, затем побежала к двери.

Появился громила, давая нож из-за пояса. Лезвие было красным. Может из-за крови, а может из-за ржавчины. Элфи резко изменила направление, потеряв ботинок в повороте. Окно было этажом выше, но стена была побита временем – она могла забраться наверх.

Еще двое. Ухмыляются. Один держит сеть, как гладиатор.

Элфи резко затормозила.

"Мы же в пустыне! Что у него в руках делает невод?"

Она попробовала еще раз. Аллея, едва достаточно широкая для одного человека. Она была почти там, когда толстяк-охранник с хвостом волос на голове и ртом, полным желтых зубов, ухмыляясь, перегородил проход.

"В ловушке. Я в ловушке! Выхода нет, магии не хватит ни на экран ни даже на протой гипноз."

Сложно было остаться спокойной в такой ситуации, несмотря на ее опыт и тренированность. Элфи чувствовала как сознание уступает место первобытным инстинктам.

"Выживи. Делай то, что считаешь нужным."

Но что она могла сделать? Одна невооруженная эльфийка против команды громилов.

Они сформировали правильную окружность вокруг нее, и стали медленно ее сужать, широко расставив руки и водя ими сверху вниз, на случай, если добыча решит ускользнуть. Каждый из их жадных, блестящих глаз сфокусировался на ее лице.

Элфи видела их шрамы и татуировки, чувствовала пустыню в их одежде. ощущала их приближающееся дыхание и считала их шаги.

Она посмотрела в небо.

– Помоги! – закричала она.

И начался дождь из бриллиантов.

Под штаб-квартирой выжигателей.

– Это не лемур, – повторила Опал Кобой, постукивая стройной ножкой по полу. – Вершки знали что это вовсе не лемур, поскольку у него нет хвоста и к тому же он носит одежду. Это человек, Мервал. Грязный человечишко.

Второй пикси появился в дверях. Мервал Брилл. Один из тех самых братьев Брилл, которые несколькими годами позже вытащат Опал из психушки. Его лицо было смесью замешательства и ужаса. Это не красит любое лицо.

– Я не понимаю, мисс Кобой, – сказал он выкручивая верхнюю пуговицу своего лабораторного халата. – Все было настроено на лемура. Вы лично гипнотизировали Кронски.

Ноздри Опал стали раздуваться.

– Ты пытаешься сказать, что я каким-то образом виновата в этом? – ее шея напряглась, как будто сама идея об этом могла задушить ее.

– Нет нет нет нет нет, – поспешно сказал Мервал. – Это не может быть вина мисс Кобой, ведь мисс Кобой – само совершенство, а совершенство ошибок не допускает.

Это возмутительное высказывание нормальным человеком было бы воспринято как раболепная лесть, но Опал оно показалось рациональным и точным.

– Точно. Хорошо сказано, Мервал. Жаль что у твоего брата нет и десятой части твоей мудрости.

Мервал задрожал и улыбнулся. Улыбнулся в знак того, что принимает комплимент, а задрожал от упоминания о своем близнеце, который сейчас был заперт в клетке с красной речной свиньей, в наказание за то, что не оценил новую обувь Опал.

У мисс Кобой плохой день. На самом деле два из семи были плохими. А когда бывало хуже, несмотря на высокий оклад братья подумывали о смене работы.

Мервал решил отвлечь босса.

– Они там наверху все сумасшедшие. Палят из оружия, устраивают дуэли на ножах... Эти выжигатели такие ненадежные.

Опал, нахвавшись у Артемиса, начала осторожно сопеть и выкручивать пальцы, чтобы посмотреть не проснется ли человек.

– Этот лемур был последним. Я была ТАК близка к всемогуществу!

– Как близка? – спросил Мервал.

Опал зыркнула на него.

– Ты что, смеешься?

– Нет. Я действительно думал...

– Это ты только думал, что думал, – отрезала пикси направляясь в главную комнату.

– Только думал... – медленно кивнул Мервал. – а что делать с

человеком?

Опал не остановилась.

– О, ты можешь его разделить. Человеческий мозг – отличный увлажнитель. Потом собираемся и сами ищем лемура.

– Пустое тело сбросить в звериную яму?

– О, во имя небес! – всплеснула руками Опал. – я что, должна говорить тебе как делать все на свете? Прояви немного инициативы!

Мервал занавесил вход за своим боссом.

"Значит звериная яма" – думал он

Площадь дубильщиков.

Бриллианты сыпались вниз сверкающим водомадом. Падающие звездочки вспыхивали в свете ламп.

"Это же добыча моллого Артемиса," – пронеслось у нее в голове. "Он бросает мне спасительную ниточку!"

На мгновение громилы были поражены. Их выражение лица напоминало о ребенке, проснувшемся с утра и обнаружившем например плитку шоколада, что сразу привело его в отличное настроение. Они растопырили пальцы, зачарованно смотря за тем, как падают и отскакивают от стен бриллианты.

Затем один из них сбросил оцепенение.

– Des diamants! – вскричал он.

Услышав крик, его приятели сбросили оцепенение и упали на колени, ползая по темной земле в поисках прекрасных камней. Другие ныряли в бочки с жижей, услышав как камушки всплескивают по поверхности.

"Отвлекающий маневр," – думала Элфи. "Превосходно."

Она бросила взгляд вверх, как раз вовремя, чтобы увидеть руку убирающуюся в черном квадрате окна.

"Что заставило его сделать это?" – размышляла она. "Это – самое неартемисовское приветствие из всех."

Громила прополз мимо ее ноги, напомнив ей, что положение вещей далеко от нормального.

"Жадность заставила их забыть обо мне, но возможно они вспомнят о своих обязанностях, когда соберут все камни."

Элфи нашла момент отсалютовать юному Артемису, а затем скрылась из его поля зрения шмыгнув в ближайшую аллею. Только чтобы столкнуться нос к носу с отдувающимся Дамоном Кронски.

– Два из двух, – пропыхтел он. – я вас обоих достал. Похоже, сегодня у меня удачный день.

"Да когда же это закончится?!"- не веря своим глазам

подумала Элфи. "Почему все это продолжается?"

Кронски надавил на нее как разъяренный слон, брови нахмурены за стеклами цветных очков, пот струйками стекал по его лицу, падая с его пухлых губ.

– За исключением того, что у меня сегодня НЕудачный день, не так ли?! – прокричал он, истерические нотки проскальзывали в его голосе. – Тебе виднее. Тебе и твоему сообщничку. Впрочем, моя огненная комната уже позаботилась о нем. Теперь я позабочусь о тебе!

Элфи была в ступоре.

"Артемис мертв?" – пронеслось в ее голове.

Она никогда бы не поверила в это. Никогда. Сколько людей вычеркнули Артемиса Фаула из списков живущих, и скольким из них пришлось об этом пожалеть? Многим. Она была одним из них.

С другой стороны, Элфи доказала, что ее проще убить. Перед ее глазами все плыло, конечности налились свинцом, казалось весь мир рухнул на ее плечи. Единственное чувство обострилось и работало на всю катушку – обоняние.

"Какая ирония. Вдыхать запах голубинового помета перед смертью."

Она слышала как трещат ребра.

"Хотела бы я чтобы Кронски почуял этот запах."

Идея вспыхнула в мозгу, последнее поползновение умирающего существа.

"А почему бы ему не почувствовать это? Это последнее, что я могу сделать."

Элфи ушла глубоко внутрь себя в поисках самого последнего заклинания. Было какое-то свечение глубоко внутри. Недостаточно для экрана и даже для гипноза, но, возможно, достаточно для слабого исцеления.

Обычно целебная магия использовалась для полученных ранений, а отсутствие обоняния у Кронски было врожденным. Его возвращение могло быть опасным, и совершенно точно болезненным.

"О, ну хорошо," – подумала Элфи. "Если ему будет больно, пусть будет больно."

Она подняла руку, минуя предплечье на своем горле, продвигаясь по лицу Кронски, призывая всю магию в пальцы.

– В чем дело? – Кронски не выглядел хоть сколько нибудь встревоженным происходящим. – Играешь в "Поймал твой нос"?

Элфи не ответила. Вместо этого она закрыла глаза и сунула два пальца в ноздри Кронски, а затем послала последние искры магии вперед.

– Исцеляй, – сказала она. Сказано – сделано.

Кронски был удивлен, но сначала никак не среагировал.

– Эй, какого... – начал он, а затем чихнул. Чих был так силен, что ударил по ушам и скатил его с жертвы. – Эй, ты что, ребенок, что ты суешь пальцы мне в нос?... – Он чихнул еще раз, теперь еще сильнее. Из каждой ноздри вырвалась струя пара.

– Какая жалкая попытка! Вы люди в самом деле думаете...

Третий чих пронзил все тело. Слезы потекли по лицу Кронски. Ноги дрожали, очки болтались на одной дужке, линзы растрескались.

– О боже мой, – пропыхтел Кронски, когда его конечности стали вновь ему повиноваться. – Что-то не так. Что-то поменя...

И тут запах ударил ему в ноздри.

– Ааррргх... – сдавленно произнес Кронски и начал кричать. Его суставы сжимались, ноги дергались, пальцы прокалывали дыры в воздухе.

– Ого, – только и сказала Элфи, массируя горло. – Его реакция сильнее, чем я ожидала.

Запах был отвратительным, но взглянув на Кронски можно было подумать, что он умирает. Чего не учла Элфи, так это силы проснувшегося вновь обоняния доктора, сравнимого с первой в жизни картиной, когда едва родившись открываешь глаза, или с эйфорией от первого сделанного шага. А площадь обеспечила все то же самое, но в худшую сторону. Возьмите ядовитый шарик, погрузите в колючки и навоз, замотайте бинтами с гноем, прокипятите в котле с испражнениями, поднесите это к своему носу, и вы поймете ЧТО почувствовал Кронски. Этот запах сводил его с ума. Он лег на спину, таращась в небо.

– Гаденыш, – сказал он, повторяя слова снова и снова, как заклинание. – Гаденыш, гаденыш. Фаул, Фаул.(1)

Элфи опистилась на колени и сплюнула на сухой песок. Все ее существо как будто было отделено от души. Одного взгляда на Кронски было достаточно, чтобы понять: нет смысла спрашивать его о чем либо. Глаза выжигателей в текущий момент был лишен способности мыслить связно.

"Возможно это и к лучшему," – подумала она. "Зато он какое-то время не будет возглавлять всякие всемирные организации."

Элфи что-то заметила. Одна из линз раскололась окончательно, открывая глазное яблоко. Радужная оболочка была странного фиолетового цвета, почти такого же темного как и очки. Но не это привлекло внимание Элфи. Роговица глаза в районе белка была испещрена маленькими лопнувшими капиллярами.

"Его загипнотизировали," – поняла Элфи. "Кто-то из

волшебного народца контролирует его."

Она поднялась на ноги и в одном ботинке похромала в сторону аллеи, а голоса дерущихся жадин-громил стихали позади.

"Если в это дело впутан кто-то из волшебного народца, то все не то, каким кажется. А если все не то, каким кажется, то может быть Артемис все еще жив."

Под штаб-квартирой выжигателей.

Мервал Брилл рассматривал себя в хромированной двери морозильной камеры.

"А я красивый парень," – Думал он. "А халат, прикрывающий брюшко, мне очень идет."

– Брилл! – позвала Опал из своего офиса. – Как там дела с мозговой жидкостью?

Мерв аж подпрыгнул.

– Как раз выкачиваю, мисс Кобой.

Пикси навалился на каталку с человеком и покатил ее по короткому коридору, ведущему в самую лабораторию. Застрять в этом предприятии с Опал Кобой было не прогулкой по парку. Только они трое, день за днем выкачивающие мозговую жидкость. Опал могла бы нанять тысячу помощников по лаборатории, но она была сверхпараноиком во всем, что касалось секретности. Ее мания преследования была столь сильна, что она стала подозревать вещи и растения в шпионаже.

– Враги могут выращивать камеры! – надрывалась она на одном инструктаже. – Кто знает, чего достиг этот презренный кентавр Жеребкинс в своих опытах по вживлению шпионского оборудования в растения. Так что избавьтесь от всех цветов. От камней тоже – я им не доверяю. Маленькие подлые предатели...

Так что близнецы Брилл потратили полдня на то, чтобы очистить лабораторию от всего, что могло содержать жучки. Даже от освежителей туалета – Опал подозревала что они ее фотографируют, когда она ими пользуется.

"Впрочем, у мисс Кобой есть все основания для паранойи," – признал Мерв, проталкивая каталку через двойные двери лаборатории. "Если ЛеППРКОН когда-либо узнают чем она тут занималась, они упекут ее за решетку до конца дней."

Двойные двери вели в длинную, трехуровневую лабораторию. Это было место мучений. Клетки с пойманными животными были подвешены к потолку. Животные стонали, плакали, пытались перегрызть решетки и бросались на двери. Робот-разносчик еды, жужжа, проезжал мимо клеток, забрасывая в те из них, в которых

сидели животные, серые питательные шарики.

В центральной зоне было множество каких-то операционных приборов. Множество животных лежали вверх брюхом, связанные, как и Артемис, крепкими ремнями. Артемис поймал взгляд сибирского тигра, лежащего лапами вверх, на голове у него проходили выбритые пролоски, а на этих полосках лежало тонким слоем нечто, напоминающее печень. Когда они презжали мимо, один из слоев издал чавкающий звук, и сигнальный световой диод на носу тигра загорелся красным.

Мерв остановил каталку, и Артемис увидел его ужас, когда снизу "слоя" из дюжины отверстий хлынула жидкость.

– Вы полны до краев, мисс сверхгенетически модифицированная москитная пиявка. Вы мерзки и отвратительны, да-да, но вы знаете, как высосать мозговую жидкость. Я бы сказал что в выжимании вам нет равных.

Мерв перестал наблюдать и нажал педаль в полу, чтобы открыть ближайший холодильник. Он стал перебирать мензурки, пока не нашел нужную.

– А вот и она. СибТиг МЖ.

Он поставил мензурку в зажим, схватил пиявку и стал выжимать ее, как губку, пока вся жидкость не оказалась в мензурке. Затем он выбросил пиявку в мусор – за ненадобностью.

– Обожаю вас, – сказал Мервал, возвращаясь к каталке с Артемисом. – Мисс, вы наливаете.(2)

Артемис все видел через чуть приоткрытые веки. Это было отвратительно, ужасно. Ему нужно выбираться отсюда.

"Элфи придет за мной," – подумал он, а потом вспомнил. "Нет, не придет. Она же думает что я мертв." – от этой мысли кровь застыла в жилах. "Я сгорел."

Значит, пора самому себя спасти. Не впервой. Будь внимателен, когда предоставится шанс – будь готов использовать его.

Мервал нашел операционную секцию и поместил каталку прямо в нее.

– И он ставит ее в немыслимо малое пространство! Говорят это невозможно, так они ошибаются! Мервал Брилл, король парковки каталок. – пикси рыгнул. – Правда это не то будущее о котором я мечтал в юности.

Затем, он с отвращением погрузил дуршлаг в воду и водил им до тех пор, пока он не был полон извивающихся суперпиявок.

"О нет," – подумал Артемис. "Только не это." – Мервал повернулся и приблизил его к себе, посмотрев прямо на него. "Он точно видел, как дернулись плечи. Он введет мне снотворное, а тогда – все потеряно."

Однако Мервал ничего не заметил.

– Ууу, я вас ненавижу. Отвратительные твари. Скажу тебе, человек, если ты подсознательно слышишь меня, радуйся, что спишь. Ты НЕ захочешь пройти через это бодрствую.

Артемиса это почти вывело из себя. Но он подумал о том, что у его матери осталось меньше дня и затих.

Он почувствовал, что его левую руку тащат, слышал хриплое дыхание Мервала.

– Закреплено туго. Секундочку...

Артемис почувствовал, что зажим снят, он ощущал движение Мервала ушами и носом. Мягкий животик провел по его локтю. Дыхание вырывалось рядом с его ухом. Мервал обходил его вокруг левого плеча.

Артемис приоткрыл правый глаз, как раз достаточно, чтобы подсматривать в щелку. Мощная лампа была прямо над его головой, закрепленная прямо на толстую, гладкую, хромированную руку.

Хромированную. Отражающую.

Артемис следил за действиями пикси впереди. Мервал набирал что-то на контрольном тачпаде Октобонд, переделанном под гномий язык. Затем, напевая популярную поп-песню пикси, он вводил свой пароль. Одну цифру, каждый раз как звучал припев.

– Пикси нереально жгут! – пел он. – О да... Крутые пикси нереально жгут, детка!

Артемису так не казалось, но он был рад песне, она давала ему время запомнить пароль Мервала.

Мервал отстегнул один из ремней связывающих Артемиса, чтобы распрямить его руку. Даже если вдруг человек проснется, он сможет только бессильно трепыхаться в путах.

– А теперь, моя маленькая пиявка, делай свою грязную работу для тетеньки Опал, и я награжу тебя выжиманием в пробирку и выбрасыванием. – он вздохнул. – И почему мои лучшие фразы тратятся на червяков?

Затем он взял пиявку из дуршлага, размял ее, чтобы сделать ее присоски липкими, а потом шлепнул ее на открытое Артемисово запястье.

Артемис немедленно почувствовал расслабленность, и ничего больше.

"Меня парализует," – понял он. "Старый тролличий трюк. Расслабься перед смертью. Хороший план, не хуже других, да и в конце концов так ли уж плоха смерть? Жизнь была сплошным испытанием."

Мервал проверил часы. Его брат был в карцере в наказание

ужасно долго. Эта красная речная свинья могла решить подкрепиться порцией пиксятины.

– Просто проверю, – Решил он. – вернусь прежде, чем пиявка наполнится. Сначала кровь, а затем – мозг. Тебе надо было просто восхититься туфлями мисс Кобой, братец.

И он поковылял вниз, к центральному проходу, мимо клеток с животными, стуча по прутьям решеток, что сводило животных с ума.

– Пикси нереально жгут! – распевал он. – Крутые пикси нереально жгут, детка!

Артемису было сложно заставить себя сделать что-нибудь. Гораздо проще дать всем проблемам вытечь из руки вместе с кровью.

"Когда решаешь умереть," – Лениво подумал Артемис, "Уже неважно сколько хотят твоей смерти."

Он действительно хотел, чтобы животные умолкли. Их трескотня и чириканье смешивались с его стонами.

Где-то даже был попугай, повторяющий фразу.

– Кто твоя мама? – спрашивал он снова и снова. – Кто твоя мама?

"Моя мама Ангелина Фаул." – Глаза Артемиса открылись. "Мама. Мать."

Он поднял свободную руку и снял неприглашенную пиявку, положив ее на ремни, связывавшие его. Кровь и слизь потекли из полудюжины ранок на запястье Артемиса. Было похоже что его запястье проткнули копьями-иголками маленькие солдатики.

"Сейчас будет больно" – подумал Артемис.

Горло Артемиса пересохло, шея ослабла, зрение было расплывчатым. Но, несмотря на это, у него заняло меньше минуты активировать терминал, ввести код Мервала и убрать ремни.

"Если за отключением ремней последует тревога, у меня проблемы."

Но не было ни звонка, ни других видимых сигналов тревоги. Не прибегали за ним пикси.

"У меня есть время. Но его не слишком много."

Он убрал паразита со своего тела, вздрагивая не от боли, а от вида красных точек на своем запястье. Ручейки крови бежали из каждой раны, но они были медленными и водянистыми. Он не умрет от потери крови.

"Загуститель крови в пиявках. Конечно."

Артемис, как зомби, зашагал по лаборатории, осторожно обходя узлы. Тысячи глаз смотрели на него. Животные стихли, их носы, морды и клювы высунулись из решеток и смотрели за тем,

что происходит. Единственным звуком был звук робота-разносчика еды, выполняющего свои обычные функции.

"Все что мне нужно сделать это сбежать. Нет нужды в противоборстве или в спасении мира. Оставь в покое Опал и беги."

Но, конечно, в мире Артемиса ничего никогда не делалось легко и просто. Артемис обнаружил экранные очки, висевшие на стене, активировал их с V-образной клавиатуры и ввел пароль Мервала, чтобы войти в сеть. Ему нужно было узнать где он, и как ему выбраться.

Планы предприятия лежали прямо на рабочем столе. Прямо так, без пароля, незашифрованные. Да и зачем? Вряд ли когда либо люди будут болтаться здесь, под землей, а даже если и будут, они все равно не знают гномского языка.

Артемис изучал планы с осторожностью и нарастающим беспокойством. Предприятие состояло из соединенных комнат, образующих древние туннели под кварталом Выжигателей, тем не менее выхода было всего два. Он мог выйти там же где и вошел, точнее где его протащили, но этот вариант его как минимум не устраивал, так как он вел прямо к Кронски. Или мог выбрать шахту шаттла, что означало похищение и пилотирование последнего. Но шансы обойти сложные противоугонные системы шаттла прежде, чем Опал превратит его, Артемиса, в кучку пепла были минимальны. Придется сдаваться.

– Нравится моя маленькая лаборатория? – сказал голос.

Артемис уставился поверх очков. Сама Опал стояла перед ним, руки в боки.

– Ну и местечко, не так ли? – закончила она на английском. – И все эти туннели были здесь, как будто ждали нас. Превосходно. Как только я нашла их я поняла, что они – то самое место, которое мне нужно. Я убедила доктора Кронски отдать их мне.

"Информация это власть," – думал Артемис. "Так что не дай ей ни капли."

– Ты еще кто? – спросил он.

– Я – будущая королева этого мира, до самого конца. Можешь обращаться ко мне "Мисс Кобой", следующие пять минут. А потом можешь обратиться ко мне "АААРРРРРГГТХХХ!!!", надорвать горло, умереть с криками и так далее, и так далее.

"Такая же напыщенная, какой я ее помнил."

– Я, похоже, больше вас, мисс Кобой, и вы как я вижу, не захватили с собой оружия.

Опал рассмеялась.

– Оружия? – она она перешла на крик, раскинув руки. – Эти твари дали мне все оружие, в котором я нуждалась! – Она

махнула на спящего тигра. – Эта большая кошечка усилила мой контроль над разумом. Улитки сфокусировали мои энергетические лучи. Кусочек высушенного дельфиньего плавника, смешанный с точно отмеренной дозой яда кобры, омолодил на сотню лет.

– Да это фабрика по производству оружия, – выдохнул Артемис.

– Точно, – сказала Опал, польщенная тем что КТО ТО наконец понял. – Благодаря этим тварям, и их жидкостям, я стала самым могущественным магом, с тех пор как исчезли демоны-колдуны. Выжигатели ловили для меня всех этих существ, которые мне были так нужны. Глупцы. Одураченные дешевым трюком с голографическим пламенем. Как будто я бы убила этих чудесных созданий прежде, чем выпью их соки. Вы, люди, такие дураки, ваши правительства тратят все силы в поисках власти, а она вот она, у них под боком, в джунглях.

– Вот это речь, – сказал Арнемис покручивая пальцы, набирая что то на клавиатуре так, что только ему было видно.

– Скоро я буду...

– Нет, ничего не говори, скоро ты будешь непобедимой.

– Вообще то нет, – сказала Опал с невероятной терпеливостью. – Но скоро я смогу управлять самим временем. Все что мне нужно это...

Внезапно у Артемиса все встало на свои места. Все обо всей ее задумке. И он знал, что ему понадобится возможность сбежать.

– Лемур. Все, что тебе нужно это лемур.

Опал захлопала.

– Точно, умница, грязный человчишко. Этот прекрасный лемурий мозг – последний ингредиент в моей формуле для усиления магии.

– Формула для усиления магии? – вздохнул Артемис. – Послушайте ее...

Опал пропустила насмешку мимо ушей. Возможно потому, что вообще почти не слухала.

– У вершков была целая куча лемуров, но ЛеППРКОН забрали их всех чтобы сделать противоядие от какой-то там чумы, и я потеряла всех остальных в огне. Все мои тестовые образцы пропали, а их жидкость невозможно клонировать. Остался ОДИН, и он мне нужен. Он мой образец для клонирования. С этим лемуром само время будет мне повиноваться... – Опал замолчала на секунду, постукивая пальцем по своим изогнутым губам. – Погоди-ка секунду, человек, что ты знаешь о моем лемуре? – она отняла палец ото рта и направила его на Артемиса, сотворив огненный шар, от которого лак на ее ногтях начал плавиться. –

Вершок, я тебя спрашиваю, что ты знаешь о лемуре?

– Отличные туфельки, – сказал Артемис, выбирая опцию на шаровом экране щелчком пальца.

"Вы действительно хотите открыть все клетки?" – спросил компьютер.

Выжигатели пробирались обратно в свою штаб-квартиру, ведомые Томми Киркенхазардом, который держал свой пустой пистолет с большей уверенностью, чем он ощущал на самом деле.

– У меня есть кое-какие вещи в штаб-квартире, – повторял он следующей за ним толпе. – Ценные вещи. И я не собираюсь их здесь оставлять.

У большинства остальных тоже остались кое-какие "Ценные вещи", и сейчас, поскольку Кронски валялся в беспамятстве на площади и его охрана разбежалась сверкая пятками, появилась отличная возможность собрать шмотки и свалить отсюда подальше. Для начала в аэропорт.

По мнению Киркенхазарда, штаб квартира была абсолютно пустынной, его плотную группу могли испугать только тени, исчезающие на Морокканском ветру.

"Я никого не смогу пристрелить из пустого пистолета," – Думал он. "Но ничего лучшего тоже не могу придумать."

Они добрались до двери главного холла, которая висела в проеме на одной петле.

– О'кей народ! – сказал Киркенхазард. – Носильщиков тут нет, так что шмотки собираем сами.

– О мой бог! – сказала Баронесса Ирина Костович, и упала в обморок, прямо на руки шотландскому нефтяному магнату.

– Забирайте все что можете, встречаемся здесь через пятнадцать минут.

Баронесса пробормотала что-то.

– Что это было?

– Она сказала, что у нее на утро назначен педикюр...

Киркенхазард поднял руку, вслушиваясь.

– Нет, я не об этом. Кто-нибудь еще слышал грохот?

Животные рванули в открытые двери клеток с диким удовольствием, скача, прыгая, планируя, летая. Львы, леопарды, различные обезьяны, газели, тысячи существ с одной мыслью в голове: "Сбежать."

Опал, однако, не было весело.

– Не могу поверить что ты это сделал, грязнуля. Я выжму твой мозг как губку.

Артемис пригнул голову, совершенно не заботясь ни о мозгах

ни о губках. Если он избежит прямого зрительного контакта, то загипнотизировать его будет невозможно. Если только увеличенной силы Опал не хватит на то, чтобы проникнуть в его мозг без оптической связи.

Даже если бы он не пригнулся, он был бы сметен потоком животных который поглотил его, кусающийся, пинающий и избивающий.

"Это курам на смех," – думал он, когда обезьяний локоть выбил воздух из его легких. "Даже если Опал до меня не доберется, животные убьют меня. Мне нужно направить их в другую сторону."

Артемис спрятался под одним из операционных столов и пошел прямо в водоворот звериных ног, к нужному животному. Капельница с анестезией для тигра отрывалась от стола по мере его продвижения.

Опал зарычала на животных на смеси их языков. Это был низкий, похожий на бурение звук, от которого животные стали обтекать ее с двух сторон. По мере того, как они проходили, Опал стреляла в упор сгустками энергии, вырывающимися из ее пальцев, проходящих через шеренги животных, сшибая их с ног и оставляя без сознания. Клетки падали, как целые дома, холодильники расплескивали свое содержимое на кафельный пол.

"Кажется мой отвлекающий маневр скоро исчерпает себя," – подумал Артемис. "Мой выход."

Он увидел приближающиеся копыта и приготовился к прыжку.

"Это квагга," – осознал он в прыжке. "Полулошадь, полузебра, таких уж сотню лет никто не видел. Не породистый жеребец, но придется обойтись тем, что есть."

Поездка проходила сложнее, чем те к которым Артемис привык на Арабском ранчо Фаулов. Ни поводьев, ни седла, ни стремян, это не говоря уже о том, что квагга был необъезжен, им сейчас двигал только страх.

Артемис обхватил могучую шею животного.

"Только посмеяться," – думал он. "Надо всем этим можно только посмеяться. Мертвый мальчик убегает на сожженном животном."

Артемис схватил кваггу за гриву, попытавшись направить его к открытой двери. Тот отбрыкивался и лягался, вскидывал и выворачивал голову, норовя схватить Артемиса сильными, квадратными зубами. Артемис только обхватил ногами могучие бока и пытался удержаться.

Опал была занята тем, что защищала себя от волны звериной

мести. Некоторые крупные хищники были не столь пугливы, как их меньшие сородичи, и решили, что лучший способ устранить угрозу, которую представляла собой Опал Кобой, это съесть ее.

Маленькая пикси крутилась в адском балете, швыряя сгустки магической энергии, которая скапливалась у ее плечей, получая силу от болтающихся у нее на локтях сфер, и проходила дальше подпитанная от жидкостей.

Артемис никогда ничего подобного не видел. Атаковавшие животные просто зависали в воздухе, их силы моментально заканчивались и они, как статуи, падали на землю. Неподвижные во всем, кроме их испуганных, бегающих глаз.

"Она сильна, это точно. Я никогда не видел такой силы. Ни за что нельзя позволить Опал схватить Джейджея."

Магия Опал заканчивалась. Ее заряды рассыпались в воздухе, или закручиваясь в спираль взрывались как петарды, улетая далеко от цели. Она оставила их, и выхватила из-за пояса два пистолета. Один был немедленно выбит из ее руки тигром, решившим присоединиться к драке, но Опал не растерялась. Она переключила другой пистолет в режим стрельбы очередями, и водила стволом из стороны в сторону, выпуская веер серебристой энергии.

Тигр упал первым, выражение его морды говорило: "Только не снова." Другие тоже падали, подрезанные очередью на полувздохе/вскрике/свисте.

Артамис потянул на себя потрепанную гриву квагги, заставляя того перепрыгнуть через операционный стол. Зверь фыркнул и взбрыкнул, но сделал это, как будто в знак согласия, пролетев над первым столом и перепрыгнув через другой.

Опал пальнула в их направлении, но выстрел затерялся в стае кондоров.

Дверь была прямо перед ними, Артевис боялся что квагга подведет и остановится, но нет – животное проскочило сквозь двери в коридор, ведущий в комнату с голографическим пламенем.

Артемис быстро открыл контрольную панель похищенных из лаборатории очков, и выбрал установки подъемника.

За несколько сумасшедших секунд, понадобившихся платформе чтобы извлечь себя, Артемис приучал животное к неприглашенному седоку, заставляя его ходить кругами, чтобы сделать их обоих более сложной мишенью для Опал, если она следовала за ними по коридору.

Орел спикировал сверху, оставив когтями царапину на щеке. Ондатра выбралась у него из-за пазухи, прыгивая на платформу.

Наверху был свет. Слабые волны искусственного света. Но все

же света.

– Давай, девочка, – Сказал Артемис, ощущая себя круче ковбоев. – Йиии-хааа!

Выжигатели собрались вокруг поднятого вверх пальца Томми Киркенхазарда, внимательно вслушиваясь, как будто звук исходил прямо из пальца.

– Ох, я ничего не слышу, – признался Томми. – Возможно мне послышалось. В конце концов это была тяжелая для нас ночь.

И тут двери как будто взорвались, выжигатели были захвачены потоком животных.

Киркенхазард свалился под ноги группе африканских бабуинов, продолжая рефлекторно нажимать курок пустого пистолета, выстреливая снова и снова с криками:

– Но мы же вас убили, черт возьми, убили!

Хотя летальных исходов в штаб-квартире этой ночью не произошло, восемнадцать человек были госпитализированы с укусами, ожогами, переломами и заражением различными инфекциями. Хуже всего пришлось Киркенхазарду: бабуины сожрали его пистолет вместе с рукой, державшей его, а затем бросили неудачника уставшему тигру, у которого было очень плохое настроение.

Ни один из выжигателей не заметил как из-за штаба поднялся маленький, черный шаттл. Он пролетел вокруг центрального парка и подобрал длинноволосого юнца с чего-то, что выглядело как полосатый ослик. Затем шаттл прыгнул в узкую арку, пролетел ее и умчался в ночное небо, как будто куда-то спешил.

Всяческие СПА процедуры и педикюры на следующий день были отменены.

Последней каплей для Опал было то, что помимо всего остального ее туфельки развалились.

– Что это за пятна? – спросила она у Мервала и его недавно освобожденного брата, Десканта.

– Не знаю, – пробормотал Дескант, который все еще был грязноват после заточения в карцере.

– Это какой-то помет, – быстро нашелся Мервал. – судя по виду и размеру, у одной из больших кошек шалят нервишки.

Опал села на скамейку, вытянув ногу с туфелькой.

– Сними ее, Мервал.

Она поставила ступню на лоб Мервала и давила до тех пор, пока он не упал на спину, сжимая в руках измазанную в помете туфельку.

– Этот вершок. Он знает о моем лемуре. Мы должны последовать за ним. Он если он помечен, я возьму его.

– О да, – подтвердил Мервал. – Все вновь прибывшие опрыскиваются при приземлении. У него в каждой поре тела радиоактивные отпечатки. Безвредные, но на этой планете ему негде от нас спрятаться.

– Хорошо. А вообще-то превосходно. Я обо всем думаю, не так ли?

– Это точно, мисс Кобой, – монотонно пробубнил Дескант. – Вы ослепительны. Вы потрясающе изумительны.

– Что ж, спасибо тебе, Дескант, – сказала Опал, как всегда пропустив сарказм мимо ушей. – Я думала, что ты будешь слегка разозлен, после заточения со свиньей. Кстати изумительна – не слово. Если ты только не думаешь написать о том, как я хороша в своем дневнике.

– Приму на заметку, – серьезно сказал Дескант.

Опал протянула Мервалу другую ногу.

– Хорошо. Теперь установим системы саморазрушения в этом месте и приготовим шаттл. Я хочу найти этого человека и сразу убить. Мы слишком нянчились с этими пиявками. На этот раз немедленная смерть.

Мервал вздрогнул. Он держал туфли, измазанные в тигрином помете, но он скорее бы надел их чем встал бы на место этого человека.(3)

Артемис лежал на спине в грузовом отсеке, размышляя, не спал ли он в прошедшие минуты. Суперпиявки, спящие тигры и разозленный квагга.

Он чувствовал вибрацию пола под собой и знал, что они несколько раз переходили звуковой барьер. Внезапно, вибрация исчезла, сменившись спокойным жужжанием. Они сбрасывали скорость!

Артемис поспешил в кабину, где Элфи вперилась взглядом в радар, как будто могла изменить то, что он показывал. Джейджей сидел в кресле второго пилота, и казалось, что он управляет кораблем.

Артемис показал на лемура.

– Может быть это глупый вопрос, но Джейджей случаем не...

– Нет. Автопилот. И кстати, рада видеть тебя живым. Всегда приятно спасти тебя еще раз.

Артемис дотронулся до ее плеча.

– Я вновь обязан тебе жизнью. Не хотел бы переходить от благодарности к раздражению, но почему мы сбросили скорость? Время заканчивается. У нас было всего три дня, помнишь? А

сейчас всего несколько часов.

Элфи постучала по радару.

– Кто-то в штаб-квартире засек нас. Чей-то компьютер отследил наш маршрут. Можешь что-нибудь об этом сказать?

– Опал Кобой, – сказал Артемис. – Опал стоит за всем этим. Она извлекала жидкости из животных, чтобы увеличить свои магические способности. Если она получит Джейджея, она будет непобедима.

У Элфи не было времени удивляться.

– Прекрасно. Опал Кобой. Я знала, что во всем этом дельце отсутствует какой-то сумасшедший элемент. Если Опал нас засекла, в скором времени она будет у нас на хвосте, на чемнибудь более тяжеловооруженном чем эта развалюха.

– Экраны?

– Ничего особенного. Людские радары она обманет, шаттл волшебного народца – нет.

– И что мы можем сделать?

– Мне нужно удержать нас на авиалиниях, вместе с человеческими машинами. Мы пойдем на субзвуковой скорости и не будем привлекать внимания. В последний момент изо всех сил рванем к поместью Фаулов. Неважно, что тогда Опал нас увидит, ведь когда она до нас доберется, мы уже будем во временном потоке.

Мульч Рывтинг сунул голову в почтовый ящик.

– Ничего особого нет. Только несколько золотых монет. Может, мне взять их себе? И кстати, тут говорили что-то об Опал?

– Не волнуйся об этом. Все под контролем.

Мульч хмыкнул.

– Как все было под контролем в Ратдаунском парке, и потом, на площади дубильщиков?

– Ты не видел нас в нашем лучшем проявлении, – признал Артемис. – Но придет время, и ты будешь уважать капитана Малой и меня.

Мульч сомневался в этом.

– Мне лучше пойти и поискать слово "уважение" в своем словаре, поскольку, видимо, в моем понятии оно значит другое, чем в твоём, так, Джейджей?

Лемуру хлопнул в свои тонкие лапки, и растрещался звуком, похожим на смех.

– Похоже ты нашел себе брата по разуму, Мульч! – сказала Элфи, возвращаясь к инструментам. – Жаль, что он не девочка, а то ты мог бы на нем жениться.

Мульч изобразил шок.

– Романтика – явно не твоя специальность. Вот ЭТО

отвратительно! Какой же извращенец хотя бы поцелует того, кто даже не его вида?

Артемис потерял свои внезапно запульсировавшие виски.

"До Типперэри путь неблизкий," – думал он. "А оттуда до Дублина – рукой подать.(4)"

– Шаттл? – сказала Опал. – Шаттл волшебного народца?

Шаттл самой Кобой летел на высоте тридцати миль, на границе с космосом. Свет звезд играл на корпусе их матово-черного шаттла, а земля лежала внизу, покрытая облаками.

– Так показывают сенсоры, – сказал Мервал. – Старая горнопроходческая модель. Не особо защищенная, и полностью лишенная вооружения. Мы могли поймать их.

– Могли? – сказала Опал, вытягивая лодыжку, чтобы полюбоваться на свои новые, красные туфли. – Почему "могли"?

– Ну, они были у нас на крючке какое-то время, а затем перешли на субзвуковую скорость. Я догадываюсь, что их пилот полетит по человеческим авиалиниям, пока они не почувствуют себя в безопасности.

Опал дьявольски улыбнулась. Она обожала соревнования.

– О'кей, давайте используем наши преимущества. У нас есть скорость и оружие. Все, что нам нужно – полететь в нужном направлении.

– Что за невероятносходная идея, – глупо улыбнулся Десконт.

Опал поморщилась.

– Пожалуйста, Десконт, используй короткие слова. Не заставляй меня превратить тебя в кучку пепла.

Это была пустая угроза, так как после схватки под штаб-квартирой у нее не осталось на это достаточно магии. Она по-прежнему владела начальной магией – гипноз, левитация, и прочее, но прежде чем вновь творить молнии ей придется хорошенько поспать. Однако братьям Брилл не обязательно было это знать.

– У меня есть идея. Я запустила лабораторные записи разговоров через опознаватель голоса, и запустила соответствие по мировым регионам. Кем бы ни был вершок, он живет в центральной Ирландии. Вероятно в Дублине. Я хочу, чтобы мы спустились так быстро, насколько это возможно, Десконт, и когда шаттл спустится с авиалиний... – она сжала в кулаке воображаемую букашку, выдавливая из ее тела кровь. – Мы будем ждать.

– Невероятно, – сказал Десконт.

Особняк Фаулов.

Солнце уже поднялось и вновь садилось, в то время как Элфи вела дрожащий шаттл через ограждения особняка Фаулов.

– У нас скоро закончится время, а этот кусок мусора скоро развалится, – сказала она Артемису. Элфи положила руку на сердце. – Я чувствую искру Номера Первого, умирающую внутри, но у нас еще есть время.

Артемис кивнул. Вид особняка каким-то образом заставил положение матери казаться еще худшим.

"Мне надо домой."

– Отлично Элфи. Ты это сделала. Посади нас на заднем дворе. Мы сможем войти в особняк через дверь на кухне.

Элфи нажала какие-то кнопки.

– Сзади и вокруг. Нашла два и третий запятанный. Датчики движения, если не ошибаюсь. Один управляется дистанционно, другие на самообеспечении. Отключить управляемый датчик?

– Да, Элфи, отключи пожалуйста тревогу. Дома кто-нибудь есть?

Элфи проверила таермодатчики.

– Одно теплое тело. Верхний этаж.

Артемис облегченно вздохнул.

– Хорошо. Только мама. Она наверное принимает снотворное. Молодой я пока не мог вернуться.

Элфи посадила шаттл так мягко, как могла, но передачи были сломаны, а амортизаторы были пусты. В стабилизаторах были выбоины, и гироскоп вращался как флюгер. Приземляющийся шаттл оголил ряд булыжников, которые разлетелись в стороны, как куски земли под плугом.

Артемис взял Джейджея на руки.

– Готов к новым путешествиям, мальчик?

Круглые глаза лемура были полны сомнений, он посмотрел на Мульча в поисках поддержки.

– Всегда помни, – сказал Мульч почесывая ему подбородок. – Что ты умница.

Гном нашел старый байковый рюкзак, и начал складывать в него все, что оставалось в холодильнике.

– В этом нет нужды, – сказала Элфи. – Корабль твой. Забирай его, откапывай все что награбил и улетай куда-нибудь подальше. Сбрось эту кучу железа в море и живи на заработанное несколько лет. Только обещай мне, что не будешь торговать с людьми.

– Только мусором, – сказал Мульч. – И ты сказала, что я могу оставить себе шаттл?

– Я вообще-то попросила тебя его выбросить. Окажи мне услугу.

Мульч ухмыльнулся.

– Я щедрый гном. Я мог бы оказать тебе такую услугу.

Элфи тоже улыбнулась.

– Хорошо. И запомни, когда снова встретимся, ничего этого не было, или, вероятно, не будет.

– Мой рот на замке.

Артемис подошел к нему.

– Я бы заплатил за то, чтобы посмотреть на такое – Мульч Рытвинг с закрытым ртом.

– Мне тоже всегда приятно с тобой встретится, вершок. Пожалуй, в будущем я тебя ограблю.

Артемис пожал его руку.

– Хочешь верь, хочешь не верь, но ограбишь. У нас будут хорошие времена.

Джейджей подошел для рукопожатия.

– Присмотри за человеком, Джейджей, – серьезно сказал Мульч. – Он слегка темный, но котелок у него варит.

– Досвидания, мистер Рытвинг.

– До встречи, мастер Фаул.

Опал была на третьем обороте мантры Гола Сшвим, когда Мервал ворвался в ее личную комнату.

– Мы нашли шаттл, мисс Кобой, – задыхаясь проговорил Мервал, прижимая к груди голопроектор. Они перешли на сверхзвук меньше чем на мануту, над средизамным морем. Но этого было достаточно!

– Хумм хумм хаа. Рахмуммм хумм хаа, – монотонно пропела Опал, завершая мантру. – Мир внутри меня, согласие окружает меня, всепрощение – мой путь. Теперь, Мервал, покажи мне где этот грязный человечешко, чтобы я смогла впихнуть ему в глотку его внутренности.

Мервал показал голопроектор.

– Красная точка. Восточное побережье.

– Военный объект?

– Что удивительно, нет. Это резиденция. Вообще никакой защиты.

Опал выбралась из своего уютного кресла.

– Хорошо. Запустите сканирование. Прогрейте пушки и спускайтесь.

– Есть, мисс Кобой.

– И Мерв?

– Мисс Кобой?

– Я думаю малыш Дескант в меня влюбился. Он мне недавно сказал, что я очень фотогенична. Бедный простачок. Не мог бы ты

сказать ему, что я недоступна? А иначе мне придется убить его.

Мерв вздохнул.

– Я скажу ему, мисс Кобой. Я уверен, что он отстанет.

Артемис обнаружил что обнимает Джейджея за голову, пока они шли через особняк.

– Спокойно, паренек. Никто не сделает тебе больно. Мы в безопасности.

Элфи шла за ним по лестнице, прикрывая тыл, вытянув два пальца. Пальцы не были заряженным оружием, но они могли разбить кости тому, кто мог следовать за ними.

– Давай, Артемис! Номер Первый слабеет, нам надо скорее прыгать.

Артемис обошел детектор веса на полу на двенадцатом шагу.

– Почти на месте. Остались секунды.

Его студия осталась точно такой, какой он ее оставил, гардероб открыт, галстук свешивается с верхней полки как уползающая змея.

– Хорошо, – сказал Артемис. Его уверенность росла. – Это место. Нужно место.

Элфи задыхалась.

– В самое время. У мне тяжело удерживать сигнал. Как будто бежишь за запахом.

Артемис положил руку ей на плечо. Группа из троих – усталых, голодных, но довольных.

Плечи Элфи согнулись под истощением и напряженностью, которые ей до сих пор приходилось скрывать.

– Я думала, ты был мертв, – сказала она.

– Я тоже думал так, – признался Артемис. – А потом понял, что не умру. Не в этом времени.

– Я надеюсь, ты объяснишь мне.

– После. За ужином. А сейчас, не могла бы ты открыть поток времени, подруга?

За этим последовал резкий свист – это занавески на большом окне распахнулись. Молодой Артемис и Дворецки были здесь, одетые в костюмы из фольги. Дворецки расстегнул свой костюм, чтобы достать из нагрудной кобуры пистолет.

– Что вы там говорили насчет временного потока? – спросил десятилетний Артемис.

Мульч Рывтинг закапывал в землю золотую монету, подношение Замше – гномскому богу удачи, когда земля под ним взорвалась, и он обнаружил себя висящим на лезвии носаледокола шаттла.

"Я даже не слышал, как они приблизились," – думал он. "Вот тебе и Замша."

Прежде чем он успел подняться на ноги, его сбросило в кучу серебристого древесного пепла стволом "Нейтрино", реагировавшем на движение его адамова яблока. Волоски на его бороде инстинктивно почувствовали, что оружие не дружественное, и сплелись вокруг свола.

– Отличный шаттл, – сказал Мульч, чтобы потянуть время, пока не погаснут звездочки в глазах. – Предположу, что с тихоходным двигателем.

Три пикси стояли перед ним. Двое мужчин и женщина. Вообще-то пикси не были особо опасными существами, но мужчины были вооружены, а женщине достаточно было посмотреть в глаза.

– Держу пари, сказал Мульч, – что вы сожжете весь мир, только чтобы посмотреть как он горит.

Опал напечатала это сравнение в маленьком электронном блокноте в ее КПК.

– Спасибо за это. Теперь, скажи мне все.

"Сначала слегка посопротивляюсь, а потом дезинформирую ее," – думал Мульч.

– Я тебе ничего не скажу, пикси-дьяволица! – сказал он, его адамово яблоко нервно двигалось под стволом орудия.

– Ох, – сказала Опал, притопывая в расстройстве. – Ну неужели никто меня не боится?

Она сняла перчатку и положила польшой палец Мульчу на висок.

– А теперь, покажи мне все.

И последними искрами украденной магии, она высосала всю память Мульча о последних прошедших днях. Это было бы неприятной сенсацией, даже для тех кому приходилось стирать огромные куски его личности. Мульч бормотал и отпихивался, по мере того как события последних дней исчезали из его головы. Как только Опал получила то, что хотела, гном без сознания упал на землю.

Он проснется часом позже, со стартовым чипом от шаттла ЛеППРКОНа в кармане и не имея понятия о том, как он попал сюда.

Опал закрыла глаза, просматривая свои новые воспоминания.

– Ах, – сказала она улыбаясь. – Временной поток.

– Нет времени на это, – настойчиво сказал Артемис.

– А я думаю, что есть, – стоял на своем десятилетний Артемис. – Вы снова ворвались в мой дом, так хотя бы объясните

эту фразу насчет "потока времени". Я уж не говорю о том факте, что вы все еще живы.

Артемис старший убрал волосы с лица.

– Теперь-то ты точно должен меня узнать.

– Это не реклама шампуней, перестань пожалуйста откидывать волосы.

Элфи почти раздвоилась.

– Поспеш, – прохрипела она. – Или я иду без тебя.

– Пожалуйста, – попросил Артемис. – Нам нужно идти. Это вопрос жизни и смерти.

Юный Артемис был непоколебим.

– У меня было чувство, что вы вернетесь. Это все началось здесь, прямо на этом месте. Я перезапускал записи прослушки. Вы просто появились здесь, затем следовали за мной в Африку, так что я подумал, что если я спасал бы жизнь этой твари, я бы вернулся сюда с моим лемуром. Мы просто заблокировали наше тепловое излучение, и вот мы здесь.

– Весьма хрупкое обоснование, – сказал Артемис старший. – Нам явно нужен был лемур. Как только мы его получим, зачем нам сюда возвращаться?

– Я осознаю, что в моих умозаключениях зияют огромные дыры, но терять мне было нечего. И, как теперь видно, было что получать.

У Элфи не хватало терпения для серии взаимного обсуждения Фаулов.

– Артемис, я знаю, у тебя есть сердце. Ты хороший человек, даже если сам этого еще не знаешь. Ты пожертвовал бриллиантами, чтобы спасти меня. Что тебе стоит отпустить нас?

Юный Артемис обдумывал это тягостные полторы минуты.

– Правда, – Внезапно сказал он. – Мне нужно знать всю правду о вас. Что вы за существа? Почему ОН выглядит таким знакомым? Что делает этого лемура особенным? Все.

Артемис старший прижал Джейджее к груди.

– Дай-ка мне ножницы, – сказал он.

Опал вбежала в особняк, ощущая приступ магической тошноты, следующей от входа в дом неприглашенной.

"Временной поток," – думала она. "Наконец то я проверю мои теории."

Управление временем долгое время было главной целью Опал. Чтобы контролировать перемещение через время, нужно было обладать огромной силой. Но ее магия без лемура была недостаточно сильна. Нужны были целые команды колдунов ЛеППРКОНа, чтобы на несколько часов остановить время. Чтобы

открыть тоннель времени, нужна была колоссальная магическая сила. Гораздо проще сбить луну с небес.

Опал набрала это в электронный блокнот.

"Напоминатель. Сбить луну с небес? Возможно?"

Но, если бы ей удалось заполучить вход в тоннель, Опал была уверена, что смогла бы быстро распутать головоломку науки.

"У меня очень хорошая интуиция, и я в конце концов гений."

Она взбежала по лестнице, вне себя от того, что высокие человеческие ступеньки повредили ее туфельки. Мервал и Дескант плелись позади, удивленные таким отношением к обуви.

– Я был брошен в камеру со свиньей из-за ее туфелек, – пробормотал Дескант. – А эти она рвет в клочья. Типичная непостоянность Кобой. Кажется я извлю.

Опал добежала до конца лестницы и немедленно побежала к открытой двери.

– Откуда она знает, что это нужная дверь? – подумал вслух Дескант.

– Ох, я не знаю, – сказал Мервал, уперев руки в колени. Ходить человеческими шагами непросто для пикси. У них большие головы, короткие ноги и слабые легкие. – Может из-за магического красного сияния из-под двери, или возможно, из-за оглушительного завывания временных ветров.

Дескант кивнул.

– Ты можешь быть прав, братец. И не думай, что я не слышу сарказма в твоём голосе.

Опал устало вышла из комнаты, ее лицо было темным, как ночь.

– Они ушли, – объявила она. – И тоннель почти закрылся. К тому же, мои туфельки уничтожены. Так что ребята, мне нужен козел отпущения.

Братья Брилл всего раз посмотрели друг на друга, затем развернулись и побежали настолько быстро, насколько позволяли их тонкие ножки.

Недостаточно быстро.

Пояснения

(0)Перевод осложнен словами Souq и Medina. Посмотрев разные словари разных языков, я пришел к выводу что Medina(фр.) – мусульманский квартал, старая мусульманская часть города, также нашел определение арабская часть города, в марокканских городах. Я взял первый перевод. А Souq – базар или торговая площадь, в моем переводе просто "Площадь".

(1) Нечто вроде игры слов: Fowl и foul – Фаул и гаденыш.

(2) Love you lots, miss you loads. Перевел как думал, но какие-

то нестыковки есть с 3 лицом. Впрочем, вероятно что автор специально изменил слово.

(3) По-английски встать на чье-то место звучит как walk in smb's shoes – т.е. ходить в чьих-то ботинках.

(4) Типперэри – графство Ирландии. Дублин – столица.

ГЛАВА 14: Прореха в тузе

Элфи позволила себе расслабиться, как только они вошли в поток. Безопасное мгновение.

Джиджи был в безопасности. Скоро мать Артемиса поправится, и Элфи решила, что когда это случится, то она врежет бывшему другу кулаком по его самодовольному лицу.

– Я сделал то, что я должен был сделать,- сказал Артемис,- И я сделал бы это снова.

И она поцеловала его. Поцеловала его!

Элфи поняла мотивы Артемиса, но все равно её глубоко ранило то, что он чувствовал необходимость шантажировать её. Она помогла бы ему в любом случае. Определенно.

«Помогла бы? Не повиновалась бы уставу? Действительно ли Артемис был прав, выбрав такой путь?» – Элфи знала, что эти вопросы будут часто посещать ее еще много лет. Если она позволит им.

Этот переход был сложнее, чем раньше. Поток времени разрушал ее разум, он был как сладкий сироп, искушал её расслабиться, ослабить концентрацию. Завернутый в искрящиеся волны, ее мир казался не таким важным. Быть частью вечной реки казалось приятным способом существовать. И если волшебный народец будет уничтожен чумой, что из этого?

Присутствие №1 укололо ее сознание, поддерживая ее решение. Власть маленького демона была видна в потоке как мерцающая нить темно-красного цвета, натянутая сквозь миазмы. Что-то перемещалось в тени. Что-то стремительное, острое. Малой почувствовала зубы и кривые пальцы.

Кажется №1 упоминал что-то о квантовых зомби? Это, скорее всего, было шуткой. Пожалуйста, пусть это будет шуткой!

– Сконцентрируйся!- сказала Элфи себе. – Или ты растворишься в потоке.

Она могла чувствовать присутствие другого существа рядом с собой. Джиджи был удивительно спокоен, осматриваясь вокруг. Где-то на периферии ощущался Артемис, и его желание достичь цели было острым, как лезвие бритвы.

«У №1 случится удар, когда он увидит, что мы притащим», – подумала Малой,

№1 оказался не очень потрясенным, когда группа вереницей выпала из потока, застывая на полу комнаты Артемиса.

– Посмотри, никаких зомби? – спросил он зловеще шевеля своими пальцами.

– Слава тебе, Господи, – сказал Жеребкинс с телевизионных экранов, громко выдыхая воздух через широкие ноздри. – Это были самые долгие десять секунд моей жизни. Вы принесли лемура?

Отвечать не потребовалось, поскольку Джиджи решил, что ему нравится голос Жеребкинса и облизал ближайший экран. Язык небольшого примата затрещал, и он убежал назад, бросая сердитые взгляды на кентавра.

– Один лемур, – сказал кентавр. – А женской особи нет?

Малой встряхнула головой, чтобы прогнать звезды из глаз и туман из головы. Память о потоке казалась ей прошедшими мгновениями сна.

– Нет. Женской особи нет. Мы должны будем клонировать его.

Жеребкинс посмотрел мимо Малой на дрожащую фигуру на полу позади нее.

Кентавр поднял бровь. – Я вижу, что у нас есть.

– Давай поговорим об этом позже, – резко сказала Элфи, прерывая кентавра, – пока мы должны сделать кое-какую работу.

Жеребкинс глубокомысленно кивнул. – Я предполагаю, исходя из некоторых вещей, что у Артемиса есть какой-то план. Это для нас будет проблемой?

– Только если мы не остановим это, – сказала Элфи.

Артемис взял Джиджи на руки, поглаживая небольшой ирокез лемура и успокаивая его ритмичными щелчками языка.

Элфи чувствовала, что тоже успокаивается, но не под действием щелчков Артемиса, а видом ее собственного лица в зеркале. Она была снова самостоятельной; ее целостность полностью восстановилась. Взрослая женщина. Никакой больше подростковой угловатости. Она почувствует себя еще лучше, как только вернет своё оружие. Нет ничего лучше для повышения уверенности в себе, как Нейтрино на бедре.

– Сейчас я должен увидеть Мать, – мрачно сказал Артемис, вынимая костюм из платяного шкафа. – Какое количество жидкости я должен ввести?

– Это – мощное вещество, – сказал Жеребкинс, вводя в кое-какие данные через свою клавиатуру. – Два кубика. Не больше. На прикроватной тумбочке лежит медицинский комплект Малой, там есть шприц. Будь очень осторожен при заборе ликвора. Там же есть обезболивающее. Смажь место укола у Джиджи, и он

ничего не почувствует.

– Очень хорошо, – сказал Артемис, беря комплект. – Я пойду один. Я очень надеюсь, что Мать узнает меня.

– Я тоже, – согласилась Малой. – Или она может начать возражать против введения ликвора лемура совершенно незнакомым человеком.

Рука Артемиса зависла над хрустальной ручкой на двери спальни его родителей. В его гранях он мог видеть дюжину отражений его лица. Каждое было вытянутым и взволнованным.

Последний шанс. Мой последний шанс спасти ее.

– Я всегда пытаюсь спасти людей, – подумал он. – Я должен быть преступником. Где все пошло не так, как надо?

Нет времени для раздумий. Под угрозой находится нечто большее, чем золото или слава. Его мать умирала, и ее спасение находилось на плече Артемиса, ища в его голове блох.

Артемис положил пальцы на ручку двери. Нет времени, чтобы тратить его впустую на размышления, теперь время для действий.

Комната казалась более холодной, чем он помнил, но это вероятно была игра его воображения.

Все умы создают иллюзии. Даже мой. Восприятие холода – это проекция моего настроения, ничего больше.

Спальня его родителей была прямоугольной формы, простираясь по западному крылу от передней части дома в заднюю. Фактически, она напоминала больше квартиру, а не комнату, с залом и офисом в углу. Большая кровать под балдахином была повернута так, чтобы разноцветный свет от средневекового витража в окне летом падал напротив изголовья кровати.

Артемис аккуратно, как балерина, встал на коврик, стараясь не наступить на виноградную лозу на ткани.

Не становись на виноградную лозу и сделай девять шагов.

Неудача была нужна ему в последнюю очередь.

Ангелина Фаул растянулась на кровати, как если бы её бросили там. Ее голова откинулась назад так сильно, что линия от шеи до подбородка стала почти прямой, а ее кожа была настолько бледной, что казалась прозрачной.

– Она не дышит, – в панике подумал Артемис, и сердце в его груди затрепетало как птица в клетке. – Я был неправ. Я опоздал.

Вдруг все тело его матери забило в судорогах, как будто она сделала болезненный выдох.

Тут решительность почти оставила Артемиса. Его ноги превратились в трясущееся желе, а лицо покраснело.

– Это – моя мать. Как я могу сделать то, что необходимо сделать?

Но он сделает это. Не было больше никого, кто мог бы сделать.

Артеми́с дотянулся до матери и мягко отодвинул пряди волос от её лица.

– Я – здесь, Мать. Все будет прекрасно. Я нашел лекарство.

Так или иначе, Ангелина Фаул слышала слова сына, и ее веки задрожали приоткрываясь. Даже радужка её глаз выцвела почти до ледяной голубизны зимнего озера.

– Лекарство, – вздохнула она. – Мой маленький Арти нашел лекарство.

– Правильно, – сказала Артеми́с. – Маленький Арти нашел лекарство. Это лемур. Помните, лемура с Мадагаскара, который был в Ратдаунском парке?

Ангелина подняла тонкий палец, щекоча воздух перед носом Джиджи.

– Небольшой лемур. Лечение.

Джиджи, напуганный видом истощенной женщины, прикованной к кровати, увернулся от нее и теперь находился сзади, на шее Артемиса.

– Хороший лемур, – сказала Ангелина и слабая улыбка тронула её губы.

– Я теперь взрослый, – подумал Артеми́с. – а она – ребенок.

– Я могу поддержать его?

Артеми́с отодвинулся на полшага назад. – Нет, Мать. Пока нет. Джиджи – очень важное создание. Этот малыш поможет спасти мир.

– Позволь мне поддержать его. Только на мгновение, – проговорила Ангелина сквозь зубы.

Джиджи пополз вниз по спинке жакета Артемиса, казалось он понял просьбу женщины и не хотел, чтобы она брала его.

– Пожалуйста, Арти. Если я подержу его, то это успокоит меня.

Артеми́с почти передала лемура. Почти.

– Это не вылечит вас, Мать, если вы будете просто держать его. Я должен ввести немного жидкости в вашу вену.

К Ангелине, казалось, возвращались силы. Она немного отодвинулась назад, скользя головой по спинке кровати вверх. – Разве ты не хочешь сделать меня счастливой, Арти?

– Я предпочитаю здоровье одномоментному счастью, – сказала Артеми́с, не делая ни единого движения, чтобы передать лемура.

– Разве ты не любишь меня, сын? – напевала Ангелина. – Разве ты не любишь твою мамочку?

Артеми́с живо отошел, стремительно открыл медицинский

комплект и его пальцы сомкнулись вокруг автоматического шприца. Единственная слеза скатилась вниз по его бледной щеке.

– Я люблю Вас, Мать. Я люблю Вас больше жизни. Если бы Вы могли только знать то, что я сделал, чтобы найти маленького Джиджи. Только потерпите еще пять секунд, и этот кошмар будет закончен.

Глаза Ангелины лукаво сверкнули. – Я не хочу, чтобы ты вводил это лекарство, Артемис. Ты – не обученная медсестра. Нет ли здесь врача или я должна только мечтать об этом?

Артемис заправил шприц, ожидая, пока лампочка аккумулятора загорится зеленым цветом. Я делал уколы раньше, Мать. Я давал вам ваше лекарство и раньше, когда вы болели.

– Артемис! – Ангелина захлопала ладонью по простыне. – Я требую, чтобы ты немедленно дал лемура мне! Сейчас же! И вызови доктора.

Артемис открыл флакон из медицинского комплекта. – У вас истерика, Мать. Вы не в себе. Я думаю, что я должен дать Вам успокоительное перед введением противоядия.

Он взял ампулу в руку другой рукой пытаясь поймать руку матери.

– Нет, – Ангелина фактически визжала, хлопая ладонью с удивительной силой. – Не лезь ко мне со своими ЛеППРКОНовскими успокоительными средствами, ты, глупый мальчишка.

Артемис замер. – ЛеППРЕКОН, Мать? Что Вы знаете о ЛеППРЕКОНе?

Ангелина выпятила губу, как виноватый ребенок. – Как? Я сказала ЛеППРКОН? Несколько букв, ничего больше. Они ничего не значат для меня.

Артемис сделал шаг назад, отходя от кровати и держа Джиджи в руках, как бы оберегая его.

– Скажите мне правду, Мать. Что здесь случилось?

Ангелина вдруг потеряла свой невинный облик, колотя исхудавшими кулаками по матрацу и визжа в расстройстве.

– Я презираю тебя, Артемис Фаул. Ты надоедливый человек. Как я ненавижу тебя.

Не каждый ожидает услышать такие слова от матери.

Ангелина вдруг успокоилась и лежала на кровати, выпуская пар вместе с яростью. Реально выпуская пар. Ее глаза вылезли из орбит, а сухожилия на ее руках и шее казались стальными кабелями. Все время она разглагольствовала.

– Когда у меня будет лемур, я уничтожу вас всех. ЛеППРКОН, Жеребкинса, Джулиуса Крута. Всех вас. Я пошлю собак с лазерами вниз, в каждый туннель в коре Земли, пока не выкурю того

гнутого карлика. А что касается этой женщины- капитана, то я прямою ей мозги и сделаю ее моей рабыней. – Она бросила на Артемиса взгляд полный ненависти. – Готовься к мести. Ты не согласен со мной, сын мой? – Последние два слова капали с ее губ как яд от клыков гадюки.

Артемис держал Джиджи близко к себе. Он мог чувствовать дрожь маленького существа на его груди. А может быть дрожал он сам.

– Опал, – сказал он. – Вы последовали за нами сюда.

– Наконец-то! – закричала мать Артемиса, голосом Опал. – Великий гениальный мальчишка увидел правду. – Руки и ноги Ангелины напряглись, и она поднялась с кровати, окруженная мутной дымкой испарений. Ее светло-голубые глаза сузились, пронизывая сквозь туман Артемиса своим безумным светом.

– Ты думал, что ты можешь победить? Ты полагал, что сражение выиграно? Как забавно ты заблуждался. У тебя даже нет волшебства. У меня же, с другой стороны, больше волшебства, чем у любого другого из волшебного народца, начиная с колдунов демонов. И, как только у меня будет лемур, я буду бессмертна. –

Артемис закатил глаза. – Не забывай о непобедимости.

– Я ненавижу-ж-жу тебя! – визжала Опал-Ангелина. – Когда у меня будет лемур, я... Я...

– Убьешь меня каким-нибудь ужасным способом, – предложил Артемис.

– Точно. Спасибо.

Тело Ангелины вертелось натянуто, пока она не парила вертикально, ее ореол заряженных волос, чистящих потолок.

– Сейчас же, – сказала она, указывая истощенным пальцем на сжавшегося Джиджи. – Дай мне это существо.

Артемис завернул лемура в свой жакет.

– Подойди и заberi его, – сказал он.

В кабинете, Малой быстро рассказала теорию Артемиса.

– Это так? – спросил Номер Первый, когда Элфи закончила объяснения, – Ты не упустила ничего важного? Все это имеет хоть какой-нибудь смысл?

– Все это смешно! – вставил свое замечание Жеребкинс с мониторов. – Вы выполнили свою часть работы. Возвращайтесь. Пора назад, под землю.

– Скоро, – сказала Элфи. – Давайте только дадим Артемису пять минут, чтобы проверить эту теорию. Все, что от нас требуется – быть готовыми.

Вздых Жеребкинса потрескиванием донесся из колонок. – Хорошо, по крайней мере позвольте мне поднять шаттл. Группа

оперативников находится в Таре, дожидаясь, пока их отзовут.

Малой обдумала это. – Хорошо. Сделай это. Что бы ни случилось, мы должны быть готовы уехать. И когда ты закончишь, сделай зачистку, проверь, что видела та медсестра.

Жеребкинс повернулся влево, чтобы отправить запрос в Тару.

Малой ткнула пальцем в Номера Первого. – Держи немного своей особой магии на кончиках пальцев, вдруг она потребуется. Я не буду чувствовать себя в полной безопасности, пока Ангелина больна, а я не пью синтезированное кофе в баре Гавани.

Номер Первый поднял свои руки и они окутались красной рябью силы. – Никаких проблем, Элфи. Я готов ко всему.

Это было одно из тех утверждений, которым недоставало достоверности.

В ту же самую долю секунды, мониторы вдруг погасли, а дверь открылась с такой силой, что ручка воткнулась в стену. Огромное тело дворецкого заполнило дверной проем.

Улыбка скользнула по губам Элфи, когда она заметила пистолет в руке телохранителя и темные зеркальные очки, закрывающие его лицо.

Он вооружен и не хочет быть загипнотизированным.

Малой была быстрой, но Дворецкий был еще быстрее, кроме того у него был элемент неожиданности – в конце концов, он должен был быть на пути к Китаю. Малой бросилась к своему оружию, но Дворецки был уже там и вырвал Нейтрино из ее рук.

– У нас есть другие уловки, – подумала Малой, – У нас есть магия. Номер Первый легко может поджарить его пятки.

Дворецкий затащил что-то в комнату на вагонетке. Это был стальной бочонок с рунами, выгравированными на металле.

Что это? Что он делает?

Номер Первый сумел бросить единственную молнию. Она опалила рубашку Дворецки, сбив его с ритма, но в это время он как раз наклонился назад, протаскивая вагонетку мимо себя и рывком затягивая ее в комнату. Жирная слизь выплеснулась из открытого бочонка на ноги Номера Первого. Вагонетка прокатилась вперед, сбивая Малой и демона-колдуна как кегли.

Номер Первый уставился на свои руки, поскольку магия на кончике каждого пальца лишь слабо мигало, подобно затухающей свечке.

– Я не чувствую себя великим, – застонал он, затем закатил глаза и зашептал древние заклинания, но от этого не стало ни на йоту лучше.

– Что находится в этой бочке? – задалась вопросом Малой, мечтая выпустить крылья своего костюма. Дворецки ухватил Малой за лодыжку, пока она не успела убежать, и засунул ее в бочку. Она чувствовала маслянистый запах вокруг нее. Он как влажный кулак, забивал ей нос и горло.

Запах был отталкивающим.

– Жир животных, – поняла она, содрогаясь от ужаса. Чистый

топленный жир.

Жир животных тысячелетиями использовался как подавитель волшебства. Даже самый мощный колдун становился беспомощным, если его опускали в этот жир. Вы бросаете колдуна в бочку с жиром, запечатываете его вместе с корой дуба и закапываете на освященном человеческом кладбище, и этот колдун становится беспомощным, как котенок в мешке. Это становилось еще более ужасным из-за того, что большинство представителей волшебного народца были вегетарианцами и точно знали, сколько животных должно погибнуть, чтобы набрать эту бочку жира.

– Кто сказал Дворецкому об этом? – задавалась вопросом Малой. – Кто управляет им?

Когда Номера Первого запихнули в бочку рядом с ней, уровень жира повысился настолько, что покрыл их головы. Малой всплыла наверх и протерла глаза, чтобы успеть заметить, как крышка бочки опускается, закрывая солнечный свет.

– Никакого шлема, – пожаловалась она, – жаль, что у меня нет моего шлема.

Тут крышка закрылась. Жир проник под ее купальник и растекся по телу, он обволакивал ее лицо, забивал уши. Злые чары кружили как ядовитые змеи, удерживая ее магию в ужасе.

– Напрасно, – подумала Малой. – Худшая смерть, что я могу себе вообразить. Запечатанная в маленьком пространстве. Как моя мать.

Номер Первый дрожал около нее. Маленький колдун должен чувствовать себя ужасно, как будто душу высасывали прямо из него.

Малой запаниковала. Она пиналась и боролась, ушибая локти и сбивая кожу с коленей. Там, где волшебство пробовало излечить ее раны, злые чары усиливались, поглощая искры магии.

Она почти открыла рот, чтобы закричать. Одна простая вещь остановила ее. Что-то появившееся напротив ее лица. Рифленая труба. Их было две.

Трубы для дыхания...

Трясущимися пальцами Элфи ощупала трубу по всей длине. Она боролась с собой, чтобы не запихнуть трубу в рот Номера Первого. В критической ситуации, всегда следует позаботиться, прежде всего, о себе, а затем только обращать внимание на гражданских лиц.

Таким образом, Элфи использовала свой последний вздох, чтобы очистить трубу, как водолаз чистит ее. Она представила себе, как капли жира разлетаются по комнате.

– Я надеюсь, что костюм Дворецки испорчен, – подумала она.

Теперь нет никакого выбора, только выдохнуть. Воздух, смешанный со зловещими каплями, просвистел по трубке. Малой подула снова, избавляясь от последних следов жира.

Теперь Номер Первый. Его движения становились все слабее, поскольку его сила уменьшалась. Для любого с такой сильной магией ее исчезновение должно быть почти невыносимо. Малой закрыла свою трубу большим пальцем, затем очистила вторую, перед тем, как засунуть ее в рот Номеру Первому. Сначала не было никакой реакции, и она уже решила, что слишком поздно. Но вдруг Номер Первый задержался и захрипел, как старый мотор в морозное утро.

– Живой, – подумала Малой. Мы оба живы. Если бы Дворецки хотел нас убить, то мы давно были бы мертвы.

Она уперлась ногами в дно бочки и крепко обняла Номера Первого. Здесь необходимо спокойствие.

– Спокойно, – старалась внушить она с помощью телепатии, хотя знала, что эти способности у Номера Первого сейчас ослаблены.

– Спокойно, маленький друг. Артемис спасет нас.

«Если он жив», – подумала она, но передавать не стала.

Артемис отступал назад от кошмарной версии его матери, которая парила перед ним. Джиджи визжал и взбрыкивал в его руках, но Артемис крепко держал его, автоматически поглаживая крошечный хохолок волос на его голове.

– Передай это существо мне, – потребовала Опал. – У тебя нет выбора.

Артемис обхватил горло Джиджи пальцами.

– О, я думаю, что у меня есть выбор.

Опал испугалась. – Ты не сможешь убить невинное существо.

– Я сделал это раньше.

Опал посмотрела ему в глаза. – Я не думаю, что ты сделаешь это снова, Артемис Фаул. Моя волшебная интуиция говорит мне, что ты не настолько жестокий, каким пытаешься казаться.

Это было верно. Артемис знал, что он не может навредить Джиджи, даже чтобы разрушить планы Опал. Однако не было причин говорить ей об этом.

– Мое сердце как глыба льда, пикси. Поверь в это. Можешь использовать свою магию, чтобы найти мою душу.

Его тон заставил Опал сделать паузу. В нем были стальные нотки, и ей трудно было не поверить его словам. Возможно, она не должна так опрометчиво спорить с ним.

– Очень хорошо, человек. Передай мне это существо, и я сохранию жизнь твоим друзьям

– У меня нет друзей, – кратко бросил Артемис назад, хотя и

знал, что это совершенный блеф. Опал была здесь по крайней мере несколько дней. Она несомненно контролировала камеры наблюдения поместья.

Опал-Ангелина потеряла подбородок. – Хм, никаких друзей. Кроме эльфа ЛеППРКОНа, с которым ты путешествовал в прошлое, и, конечно, колдуна-демона, который послал вас туда. Не считая твоего большого телохранителя.

– Аллитерация, – подумал Артемис. – Она играет со мной.

– С другой стороны, – размышляла Опал-Ангелина, – Дворецки действительно больше не твой друг. Он мой.

Это было тревожной новостью, и возможно истинной. Артемис обычно хорошо понимал язык тела и жестов, но это сумасшедшая версия его матери сбивала его с толку.

– Дворецки никогда бы сам не стал помогать тебе! – Опал пожалла плечами. Это было правдой. – Кто-то говорил, что он делал это охотно?

Артемис побледнел. – Ох-х.

– Позволь мне объяснить, что случилось, – сладко сказала Опал. – Я изменила память моих маленьких помощников так, что бы они не смогли ничего сообщить обо мне, а затем улетели на шаттле обратно в Гавань. Потом я успела влететь в ваш поток времени до того, как он закрылся. Это очень просто с моими-то способностями. Вы даже не замаскировали вход в него.

Артемис щелкнул пальцами. – Я знал, что я что-то забыл.

Опал улыбнулась тонкими губами. – Забавный. Так или иначе, это стало очевидным для меня, что я была или буду ответственной за все это дело, таким образом я выпала из потока на несколько дней раньше и не торопясь познакомилась с твоим семейством. Мать, отец, Дворецки.

– Где – моя мать? – закричала Артемис, гнев пробивался сквозь его спокойствие, подобно молотку через лед.

– Почему я – прямо здесь, любимый, – сказала Опал голосом Ангелины. – Я действительно больна, и ты мне нужен, чтобы вернуться в прошлое и принести волшебную обезьяну для меня. – Она насмешливо засмеялась. – Люди – такие дураки. -

– Значит это не заклинание перевоплощения?

– Нет, идиот. Я была абсолютно уверена, что Ангелина будет обследована. Заклинание перевоплощения только видимость и даже такой гений, как я может применять его только на короткий период времени.

– Это означает, что моя мать не умирает? – Артемис знал ответ, но он должен был убедиться.

Опал оскалила зубы, разрываясь между нетерпением и желанием показать весь блеск ее плана.

– Еще нет. Хотя скоро повреждение ее органов станет необратимым. Я контролирую ее на расстоянии. Особая форма гипноза. С моей силой я могу управлять ее организмом. Подражание Спелтропи было детской игрушкой. И как только я получу маленького Джиджи, я смогу открыть мой собственный проход во времени.

– То есть ты находишься где-то рядом? Настоящая ты?

Опал надоели вопросы. – Да, нет. Разве это имеет значение? Я побеждаю, ты проигрываешь. Прими это, или кто-нибудь умрет.

Артемис продвинулся к двери. – Эта игра все же еще не закончена.

Вдруг снаружи раздались мерные шаги и странный ритмичный писк. – Тачка, – предположил Артемис, хотя и не имел большого опыта работы с данным приспособлением.

– О, я думаю, что эта игра уже закончена, – хитро сказала Опал.

Тяжелая дверь слетела с петель, как будто ее вышибли снаружи. Дворецки, спотыкаясь и дрожа от усилий, толчками втащил вагонетку в комнату.

– Он силен, – сказал Опал, почти в восхищении. – Я загипнотизировала его, но все равно он отказался убить твоих друзей. Глупое человеческое сердце почти взорвалось. Все, что я смогла заставить его сделать, это построить бочку и заполнить ее жиром.

– Чтобы задушить магию волшебных существ, – предположил Артемис.

– Конечно, идиот. Теперь игра совершенно точно закончена. Закончена. Дворецкий – мое скрытое преимущество, как могли бы сказать вы, люди. У меня все тузы на руках. Ты один. Отдай мне лемура и я вернусь в свое время. И никто не пострадает.

– Если Опал получит лемура, то пострадает вся планета, – подумал Артемис.

Опал щелкнула пальцами. – Дворецки, заберите животное.

Дворецки сделал единственный шаг к Артемису и остановился. Его широкая спина мучительно задрожала, а пальцы скрючились, словно пытались скрутить невидимую шею.

– Я сказала, забери животное, ты, глупый человек.

Телохранитель упал на колени, ударяя кулаками об пол и пытаясь изгнать голос из своей головы.

– Дай мне лемура сейчас же! – вопила Опал.

Дворецки сохранил достаточно сил, чтобы произнести три слова: – Иди... в... ад...

Вдруг он схватился рукой за грудь и упал.

– Упс, – сказала Опал. – Сердечный приступ. Я убила его.

– Оставайся сосредоточенным, – приказал себе Артемис, – Опал, возможно, и держит все тузы в руках, но в одном из этих тузов есть дыра.

Артемис пощекотал Джиджи под подбородком. – Спрячься, маленький друг. Спрячься.

С этими словами он подбросил лемура к люстре, висящей на потолке. Джиджи забарахтался в воздухе, а затем ухватился за стеклянную переборку люстры. Он проворно влез внутрь, спрятавшись среди листьев-кристаллов.

Опал немедленно потеряла интерес в Артемису, пытаясь поднять тело Ангелины до уровня люстры. Расстроено завизжав, она поняла, что такая высота непосильна даже для существа с ее силами.

– Доктор Шолк! – закричала она, и где-то ее настоящий рот произнес то же самое. – В спальню, Шолк!

Артемис запомнил эту информацию, а затем, увернувшись от Опал, склонился около кровати матери. Переносной дефибриллятор стоял среди разного медицинского оборудования, расположенного вокруг кровати под балдахин, и Артемис, быстро включив его, протянул все это хитрое приспособление туда, где лежал Дворецки.

Телохранитель лежал лицом вверх, раскинув руки, как будто на его груди лежал невидимый валун. Его лицо было перекошено от напряжения. Глаза закрыты, зубы сжаты, испарина на лбу.

Он расстегнул рубашку Дворецкого, открывая бочкообразную грудную клетку, покрытую шрамами и мощной мускулатурой. Поверхностное обследование показало, что сердце не бьется. Тело Дворецки уже умерло, но его мозг был еще жив.

– Держись, старый друг, – пробормотала Артемис, стараясь сосредоточиться.

Он вытащил электроды из кобуры, снимая с их контактной поверхности защитную пленку и покрывая их специальным электропроводящим гелем. Пока он ждал, когда накопится заряд, электроды, казалось, становилось все тяжелее с каждой минутой. К тому времени, как лампочка-индикатор заряда загорелась зеленым, они были подобно каменным глыбам в его руках.

– Разряд! – воскликнул он, ни к кому особенно не обращаясь, когда поместил электроды на грудь Дворецки. Он нажал кнопку, находящуюся по его большим пальцем, посылая 360 джоулей в сердце своего телохранителя. Тело Дворецки выгнулось, и Артемис почувствовал резкий запах горящих волос и кожи. Гель стал хрупким и вспыхнул, выжигая два круга в местах, где электроды вступили в контакт с кожей. Глаза Дворецки резко открылись и его огромные руки обхватили плечи Артемиса.

Он все еще раб Опал?

– Артемис, – выдохнул Дворецки, но затем смущенно нахмурился. – Артемис? Как?

– Позже, старый друг, – резко сказал ирландский мальчик, мысленно переходя к следующей проблеме. – Пока просто отдыхай.

Этот приказ ему не потребовалось повторять. Дворецки тут же снова потерял сознание, но его сердце продолжало уверенно биться в груди. Он был мертвым не настолько долго, чтобы его мозг успел погибнуть.

Следующей проблемой Артемиса была Опал, или, если сказать более точно, ему необходимо было встряхнуть ее из тела матери. Артемис сомневался, что мать сможет выздороветь после такого испытания, если этого не сделать как можно скорей.

Артемис, сделав несколько вдохов, собрался с силами и переключил все свое внимание на парящее тело его матери. Она кружилась под люстрой, не в силах подняться выше и пыталась ухватить Джиджи, который, казалось, насмехался над ней, махая ей всеми четырьмя лапами.

Эта ситуация может стать более ирреальной?

Тут Доктор Шолк вошел в комнату, размахивая пистолетом, который казался слишком большим для его тонких рук.

– Я – здесь, ваше высочество. Хотя должен сказать, что мне не нравится ваш тон. Я могу быть зачарован, но я не животное.

– Да замолчи, Шолк. Я вижу, что мне придется поджарить еще несколько твоих мозговых клеток. А сейчас, пожалуйста, принеси мне этого лемура.

Шолк показал четырьмя пальцами своей свободной руки на люстру.

– Лемур очень высоко, не так ли? И как вы хотите, чтобы я достал его? Может мне убить его?

Опал со свистом бросилась вниз, она была похожа на гарпию. – Нет! – вопила она, колотя его по голове и плечам. – Я сама сотню раз убью тебя до того, как ты сможешь повредить хоть волоску на его шкуре. Он – будущее. Мое будущее! Всемирное будущее!

– Действительно, – сказал доктор. – Будь я не загипнотизирован, я подозреваю, что я бы сейчас зевал.

– Стреляй в людей, – скомандовала Опал. – Сначала в мальчика, он самый опасный.

– Вы уверены? Мне кажется, человек-гора более опасен.

– Стреляй в мальчишку! – расстроено взвыла Опал, слезы злости текли вниз по ее щекам, – Затем в Дворецки, и в конце – в себя!

Артемис сглотнул. Это резко уменьшало их шансы; его сообщник должен сделать свой ход.

– Очень хорошо, – сказал Шолк, пытаясь снять с предохранителя зауэр Дворецки, – Что-нибудь, чтобы избежать этой сцены.

– У меня всего несколько секунд до того, как он сообразит как поймать лемура. – подумал Артемис, – Секунды, чтобы отвлечь Опал. Нет времени, чтобы что-то сделать, но можно показать дыру ее тузе.

– Ну-ка, Опал, – сказал Артемис, со спокойствием, которого он не чувствовал. – Ты же не будешь стрелять в десятилетнего мальчика, не так ли?

– Я абсолютно уверена, что буду, – сказала Опал без малейшего колебания. – Я рассматриваю вопрос о твоём клонировании, чтобы я могла убить тебя много раз. Это будет блаженством!

Затем до нее дошло все, что сказал Артемис.

– Десять? Ты сказал, что тебе десять лет?

Артемис забыл обо всех опасностях, окружающих его, потерявшись в сладком мгновении триумфа. Это опьяняло.

– Да, именно это я и сказал. Мне десять. Моя настоящая мать сразу бы заметила это.

Опал, размышляя, укусила сустав указательного пальца левой руки Ангелины.

– Ты – Артемис Фаул из моего времени? Они притащили сюда и тебя!

– Это очевидно.

Опал, поднятый назад через воздух, как если бы взятый ветром.

– Есть другой. Здесь где-то другой Артемис Фаул.

– Наконец! – сказал с ухмылкой Артемис. – Гениальная пикси видит правду.

– Убейте его, – вопила Опал. – Прикончите его немедленно. Сейчас же.

Шолк поправил свои очки. – Сразу и немедленно. Это должно быть важно.

Опал наблюдала, как он уходил со жгучей ненавистью в глазах. – Когда это закончится, я собираюсь разрушать это поместье просто из злости. И затем, когда я вернусь в прошлое, я...

– Не говори мне, – прервал ее десятилетний Артемис Фаул. – Ты разрушишь его снова.

Родовое поместье Фаулов, Восемь лет назад.

Когда у четырнадцатилетнего Артемиса появилось несколько мгновений, чтобы обдумать, что произошло между подкопом под ограду парка и обманом жуткого Выжигателя, он понял, что было много оставшихся без ответа вопросов о болезни его матери. Он, возможно, заразил ее Spelltropy, но кто передал эту болезнь ему? Магия Малой попадала в его организм и раньше, но сама она была крепка и бодра. Почему она не заболела? Или, например, как Дворецки избежал инфекции? Его так часть лечили магией, что он должен быть уже наполовину волшебным существом.

Из всех тех тысяч людей, которых гипнотизировали и которым стирали память каждый год, только его мать заболела. Мать единственного человека на Земле, который мог в этой ситуации что-то предпринять. Слишком много совпадений. Безусловно, слишком много совпадений.

Так. Или кто – то преднамеренно заразил его мать, или признаки волшебного дублировались. Можно выбрать любой способ, но результат останется тем же: Артемис должен отправиться назад во времени, чтобы найти противоядие. Лемура Джиджи.

А кто хочет получить Джиджи так же сильно, как и Артемис? Ответ на этот вопрос лежит в прошлом. Опал Кобой, конечно. Маленький примат был последним компонентом в ее волшебном коктейле. С его ликвором в ее крови она была бы буквально самым могущественным существом на планете. И если Опал не смогла получить лемура в свое время, она может получить его в будущем. Неважно как. Скорее всего, она последовала за ними через поток времени и выскочила из него на несколько дней раньше, чтобы успеть организовать целое дело. По-видимому, как только она получит ликвор Джиджи, найти путь назад в прошлое для нее не будет проблемой.

Это было запутанно даже для Артемиса. Опал не появилась бы в его времени, если бы он не отправился в прошлое. А он отправился туда только из-за ситуации, которую создала Опал. Потому что он пытался вылечить мать, которую смогла заразить Опал.

Но только в одном он был уверен – за всем этим стояла Опал. Она была за ними и перед ними. Зажала их группу в свои тиски. Парадокс времени.

– В этом уравнении есть две Опал, – подумал Артемис. – Я думаю, что дальше должно быть два Артемиса Фаула. Таким образом, план приобрел форму в его голове.

Как только молодой Артемис был проинформирован обо всех деталях и был убеждена в их точности, он сразу же согласился

сопровождать их в будущее, несмотря на громкие возражения Дворецкого.

– Это – моя мать, Дворецкий, – сказал он просто. – Я должен спасти ее. Сейчас я приказываю тебе оставаться с ней, пока я не вернусь. Так или иначе, как они могут надеяться преуспеть без меня?

– Действительно, как? – задалась вопросом Элфи Малой, испытывая огромное удовольствие от того, что высокомерный вид мальчика сдулся, подобно воздушному шарiku, когда поток времени открылся перед ним, как утроба огромной змеи из компьютерных игр.

– Выше голову, Вершок, – сказала она, когда Артемис младший увидел, как его рука начала распадаться, – И берегись квантовых зомби.

Путешествие в потоке времени было сложным для Артемиса старшего. Любой другой бы уже распался на атомы под действием потока времени, но Артемис скрепил себя одной только силой воли. Он сосредоточился, максимально напрягая свой интеллект, решая недоказуемые теоремы с большими кардиналами и составляя окончание для незаконченной Симфонии Шуберта №8.

Пока он работал, Артемис ощущал нечетный иронический комментарий от своего младшего я.

– Больше в си-минор? Ты действительно так думаешь?

Он всегда был таким неприятным? Как утомительно. Редко удивляющиеся люди в обще-то не нравились ему.

Родовое поместье Фаулов, Настоящее время

Вернувшись в свое время, Артемис старший задержался в собственном доме ровно на столько, сколько потребовалось, чтобы захватить свою одежду. Прежде чем выйти из кабинета, он предупредил Жеребкинса и Номера первого держать язык за зубами тихим «ш-ш-ш». Он быстро прошел по коридору к шахте кухонного лифта, располагавшейся рядом с буфетом на втором этаже. Это был не самый прямой маршрут к наблюдательному центру. Вообще-то маршрут был окольным и неуклюжим, но это был единственный способ пройти через дом незамеченным.

Дворецкий полагал, что он держит под наблюдением каждый квадратный дюйм поместья, кроме личных комнат Фаулов, но Артемис давно разработал маршрут, как пройти через дом, не попадая на камеры видеонаблюдения. Он включал в себя прятки по углам, ходьбу по мебели, путешествие на сервировочных столиках и при наклоне больших зеркал на определенный угол.

Конечно, существовала возможность того, что враги смогут

вычислить те же самые тропы, координаты и углы наклона, и тоже смогут попасть необнаруженными в дом. Возможно, но очень невероятно, без знания укромных уголков и закоулков, которых нет ни на каких планах.

Артемис зигзагами пробрался вниз по коридору, на секунду задержался позади камеры наблюдения, а затем быстро проник в шахту кухонного лифта. К счастью, там находилась коробка лифта, иначе он вынужден был бы встать спускаться вниз по тросу, а лазанье по канату не было одной из его сильных сторон. Артемис аккуратно приблизился к выходу лифта и нажал кнопку первого этажа, быстро убирая руку, чтобы опускающийся лифт не защемил руку. В это время, наверное, система безопасности зарегистрировала спуск сервировочного столика, но это не должно вызвать тревогу.

Оказавшись на кухонном уровне, Артемис прокатился по полу и открыл дверь холодильника, чтобы прикрыть свое продвижение в кладовую. Глубокие тени скрыли его, пока камера не повернулась далеко от другого дверного проема, разрешая ему запрыгнуть на стол и выскочить наружу.

Артемис непрерывно размышлял. План.

Возьмем наихудший вариант. Маленький Артемис беспомощен, Малой и Номер Первый уже выведены из строя. Вполне возможно, что кто-то, например, Дворецки, был загипнотизирован и сделал это. Опал, наверное, где-нибудь около центра управляет моей матерью. Это была Опал, это она могла видеть магию внутри меня. Не Мать. Она убрала заклинание, которое я наложил на родителей.

И, конечно же, си минор. Если вы начинаете в си-минор, то и заканчивать тоже должны в си-минор. Любой дурак знает это.

Средневековые рыцарские доспехи стояли в прихожей. Это были те же самые доспехи, которые Дворецкий надел, чтобы сразиться с троллем, когда Артемис старший пропал пять лет назад. Артемис медленно приблизился к ним, стараясь находиться напротив абстрактного серо-черного гобелена, совершенно скрывавшего его. После того, как ему удалось спрятаться за рыцарскими доспехами, он подтолкнул раму ближайшего зеркала, чтобы оно отразило солнечные лучи прямо в глазок камеры в прихожей.

Теперь путь в наблюдательный центр был свободен. Артемис целеустремленно зашагал в кабинет. Именно там должна быть Опал, он был уверен в этом. Оттуда она могла наблюдать за всем домом. Он находился прямо под спальней Ангелины, и если Опал действительно управляла матерью, то она должна быть как можно ближе к ней.

Через несколько метров он понял, что был прав. Артемис услышал разглагольствующий голос Опал.

– Есть другой. Здесь где-то другой Артемис Фаул.

Или его интеллект уменьшился, или молодой Артемис вынужден был рассказать их план.

– Убейте его, – вопила Опал. – Прикончите его немедленно. Сейчас же.

Артемис спокойно прошел в центр наблюдения, это был чулан в прихожей, который раньше был раздевалкой, складом оружия и камерой для заключенных. Теперь здесь разместился компьютерный стол, похожий на стол редактора, и стойки с экранами, показывающими жилые комнаты дома и окружающую территорию поместья.

Перед стойкой с мониторами находилась Опал, одетая в костюм ЛеППРЕКОНа Малой. Она не потратила ни минуты на кражу волшебного костюма. Она просто взяла его в сейфе, куда положил его Артемис.

Маленькая пикси была сверхзанята: просматривала экраны, поддерживала дистанционное управление матерью Артемиса. Ее темные волосы были пропитаны потом, а ее детские руки тряслись от усилий.

Артемис прокрался в комнату, быстро набирая код на сейфе с оружием.

– Когда это закончится, я собираюсь разрушать это поместье просто из злости. И затем, когда я вернусь в прошлое, я...

Опал замерла. Откуда-то раздался щелкающий шум. Она повернулась и увидела Артемиса Фаула, направившего на нее какое-то оружие. Она немедленно бросила все, отчаянно направив все свои силы в гипноз.

– Положи оружие, – произнесла она нараспев, – Ты – мой раб.

Артемис немедленно почувствовала себя одурманенным, но он уже нажал спусковой крючок и длинная игла, смоченная Дворецки в специальной смеси кураре и транквилизаторов, погрузилась в шею Опал, которая не была защищена костюмом. Это был один выстрел на миллион, поскольку Артемис не умел обращаться с огнестрельным оружием. Как Дворецки выразился: Артемис, ты может быть и гений, но стрельбу оставь мне, потому что ты не сможешь попасть даже в заднюю часть стоящего слона.

Опал быстро сконцентрировалась на месте укола, поливая его волшебными искрами, но было уже слишком поздно. Препарат проникал в ее мозг, ослабляя контроль за ее магией.

Она начала колебаться и мерцать, чередуя настоящий облик пикси с обликом мисс Бук.

Мисс Бук, – подумал Артемис. – Мои подозрения

подтвердились. Единственный незнакомец в уравнении.

Периодически, Опал исчезала целиком, включив мерцающий щит. Выстрелы магии из ее пальцев прожгли экраны перед Артемисом до того, как он смог увидеть, что происходит наверху.

– Теперь я могу стрелять, – нечленораздельно произнесла она. – Я постаралась сконцентрировать достаточно магии за целую неделю.

Магия сместилась и закружилась в водовороте, рисуя картину в воздухе. Это был грубый набросок Жеребкинса, и он смеялся.

– Я ненавижу тебя, кентавр! – кричала Опал, прыгая около и сквозь иллюзорное изображение. Затем ее глаза закатились и она кучей упала на пол и захрапела.

Артемис поправил свои шнурки.

– Фрейд, – был уверен он, – почувствовал бы себя абсолютно счастливым, проведя целый день с ней.

Артемис поспешил наверх в комнату его родителей. На ковре была лужа комковатого жира. Два ряда следов волшебных существ вели от большой перламутровой лужи в соседнюю ванную комнату. Артемис услышал сильный шум, напоминающий стук дождя по черепице.

Опал использовала жир животных, чтобы подавить магию Номера Первого. Как отвратительно. Как жутко.

Юный Артемис изучал растекшуюся массу липкого вещества.

– Послушай, – сказал он, обращаясь к себе старшему, – Опал использовала жир животных, чтобы подавить магию Номера Первого. – Как изобретательно.

Шум, напоминающий дождь был шумом рвоты и жалоб. Дворецки поливал Малой и Номера Первого из шланга и они были не очень счастливы и не очень здоровы.

Но живы. Оба живы.

Ангелина лежала в своей кровати, завернутая в одеяло на гусином пуху. Она была бледной и ошеломленной, но, кажется, легкий румянец начал покрывать ее щеки, или это было только в воображении Артемиса? Она слегка закашляла, и тут же оба Артемиса были около нее.

Более старший Артемис поднял бровь, посмотрев на себя младшего. – Ты можешь видеть, что эта магия такая неудобная, – пошутил он.

– Действительно могу, – уступил десятилетний. – Почему я не могу осмотреться вокруг в твоём... в моем кабинете? Может наткнусь на что-нибудь интересное.

– Это – проблема, – понял Артемис. – Моя собственная любознательность. Возможно, я не должен был обещать не

стирать память себе младшему. Что-то надо делать.

Ангелина открыла глаза, утомленно смотря из темных кругов. Они были синими и спокойными.

– Артемис, – сказала она, ее голос напоминал трущиеся друг об друга куски дерева. – Мне приснилось, что я летала. И была обезьяна... -

Артемиса затрясло от облегчения. Она была в безопасности; он спас ее.

– Это был лемур, Мать. Мама.

Ангелина улыбнулась бледными губами и протянула руку, чтобы коснуться его щеки.

– Мама. Я так долго ждала, чтобы услышать, как ты говоришь это. Так долго.

С этой улыбкой Ангелина откинулась назад на подушки и уснула глубоким естественным сном.

– Это к лучшему, – решил Артемис. – Иначе она может заметить Джиджи в ванной или жирное пятно на ковре. Или второго Артемиса, прячущегося за книжным шкафом.

Дворецки появился из ванной комнаты, промокший до нитки, рубашка расстегнута, подпалины от электродов были видны на его коже. Он был более бледен, чем обычно, и был вынужден прислониться к дверной раме для поддержки.

– Снова здравствуй, – сказал он более старшему Артемису. – Этот малыш весь в отца. Он хорошо подзарядил мое сердце.

– Он – это я в прошлом, – сказал, скривившись, Артемис.

Дворецкий резко показал большим пальцем за свое плечо. – Тем двоим не понравилось их пребывание в бочке.

– Жир животных это яд для волшебных существ, – объяснил Артемис. – Блокирует магию. Возвращает им их собственную магию испорченной.

Дворецки сдвинул брови. – Опал заставила меня сделать это. Она... Мисс Бук приблизилась ко мне в главных воротах, когда я поехал в аэропорт. Я был пойман в ловушку в моем собственном черепе.

Артемис похлопал по предплечью своего телохранителя. – Я знаю. Не надо извиняться.

Дворецкий вспомнил, что у него не было оружия, и вспомнил, у кого оно действительно было. – Что ты делал с Шолком? Нокаутировал?

– Нет. Наши дорожки не пересекались.

Дворецкий зашел в спальню, Артемис наклонился к нему. – Опал управляет им, хотя он заставляет ее потрудиться для этого. Нам необходимо обезвредить их сейчас же.

Им понадобилось несколько минут, чтобы добраться до

наблюдательного центра, поскольку Дворецки с трудом передвигался по стенам, и к тому времени Опал уже ушла. Артемис подбежала к окну как раз вовремя, чтобы увидеть, как тупой багажник старинного Мерседеса исчезает за поворотом. Маленькая фигура подпрыгивала на заднем сиденье. Два прыжка, в первый раз это была Опал, во-второй – мисс Имоджен Бук.

– Уже снова в ее власти, – понял Артемис.

Дворецки, задышавшись, подошел к нему.

– Это все же еще не закончено, – сказал он.

Артемис не ответил на комментарий: Дворецки просто сказал очевидное.

Тут звук мотора машины усилился.

– Шум изменился, – сказал Дворецкий. – Она возвращается.

Хотя он и ожидал этого, Артемис почувствовала, как в сердце пробрался холод.

– Конечно, она возвращается, – подумал он. – у нее никогда не будет такого шанса как этот. Дворецки может только идти. Малой и Номер Первый будут ослаблены еще несколько часов, а я – всего лишь человек. Если она отступит теперь, то Джиджи будет потерян для нее навсегда. Скоро сюда прибудет команда Жеребкинса из Тары и заберет лемура под землю. Возможно, через пять минут у Опал будет превосходство.

Артемис быстро начал планировать. – Я должен убрать Джиджи отсюда. Пока он находится в поместье, все в опасности. Опал убьет нас всех, чтобы скрыть свои следы.

Дворецкий кивнул, пот бежал по его лицу. – Да. Мы можем увести его на Цессне. (марка самолета).

– Я могу увести его на Цессне, старый друг, – поправил его Артемис. – Я оставляю тебя, чтобы ты охранял мою мать и друзей, кроме того, тебе надо не пускать меня младшего к интернету. Он столь же опасен как Опал.

Это была благоразумное решение, и Дворецкий знал об этом до того, как Артемис сказал это. Он был в очень плохой форме и только замедлит Артемиса. Кроме того. Все поместье полностью открыто для любого из рабов Опал, если она захочет отомстить.

– Очень хорошо. Не поднимайся более чем на три тысячи метров и смотри за закрылками – ими не очень податливы.

Артемис кивнул, как будто этого не знал. Предоставление инструкций успокоило Дворецки.

– Три тысячи. Затворки. Ясно.

– Вам нужно оружие? У меня есть маленькая Беретта.

Артемис встряхнул головой. – Никакого оружия. Я так плохо стреляю, что даже с глазом Элфи, я могу только отстрелить один или два пальца ноги. Моя меткость настолько плоха, что даже с

глазом Малой, чтобы помочь мне я вероятно только преуспел бы в том, что стрелял от ноги палец или два. Нет, все, что мне нужно – это приманка. – Он сделал паузу. – И мои темные очки.

Глава 15. Фаул-Самозванец

У семьи Фаулов было три воздушных судна. Лирджет и вертолет Сикорского стояли в ангарах ближайшего аэропорта, а небольшой самолетик Цессна располагался в маленьком гараже-мастерской, что стоял на возвышенной лужайке у северной границы поместья. Цессне было несколько лет и его собирались сдать на металлолом, если б только Артемис не взялся за него самолично. Целью Артемиса было добиться уменьшения выброса самолетом углекислого газа и добиться его рентабельности, – цель, которую его отец всецело одобрял.

– У меня сорок ученых бьются над этой проблемой, но я бы поставил деньги на то, что ты будешь первым, кто ее решит. – говорил он Артемису.

Таким образом, Артемис покрыл фюзеляж самолета сверхтонкими высокоэффективными солнечными панелями, подобными тем которые NASA использовало в прототипе самолета “летающее крыло” в рамках проекта “Гелиос”. Однако, в отличие от Гелиоса, Цессна Артемиса могла не только летать на своих обычных скоростях, но еще и брать на борт пассажиров. А все потому, что Артемис снял один двигатель и поставил несколько маленьких, заменив один главный пропеллер четырьмя дополнительными, размещенными на крыльях и на шасси. Большую часть металла в каркасе сняли и заменили легким полимером. На том месте, где раньше располагался бак для горючего, сейчас находился небольшой аккумулятор.

Требовалось еще отрегулировать несколько параметров, но Артемис знал, что его судно сможет подняться в воздух. По крайней мере, он на это надеялся. Маленький летательный аппарат неоднократно проверялся на прочность. Мальчик быстро выбежал из кухни и бросился через внутренний двор к лужайке на возвышенности. В самом благоприятном для нее случае, Опал не поймет, что произошло, прежде, чем увидит взлетающий самолет. Конечно, затем ему нужно, чтоб она увидела его, сидящего в этом самолете. Будем надеяться, ему удастся поводить ее за нос время, достаточное для того, чтобы успели прибыть подкрепления ЛеППРЕКОНа.

Артемис почувствовал усталость, которой наливались его ноги еще прежде, чем пробежал сотню метров. Он никогда не мог похвалиться атлетическим телосложением, а недавняя прогулка в

потоке времени ничего не принесла его физической форме, несмотря на то, что он усиленно концентрировался на своих мускулах во время путешествия. Желая стать сильнее. Небольшой наивный эксперимент, который, к сожалению, не принес сколь-нибудь видимых результатов.

Старые фермерские ворота на лужайку были закрыты, и Артемис у пришлось их перелезть – применять грубую силу, чтобы открыть их, он не решился. Мальчик чувствовал тепло обезьяньего тела внутри своей куртки, маленькие лапки цепко держались за его шею.

– Джей-джей должен быть в безопасности, – думал он. – Его нужно спасти

Двери гаража были крепче, чем казались, и запирались на цифровой код. Артемис нажал нужные кнопки и двери широко распахнулись, и оранжевые лучи вечернего солнца хлынули внутрь. Внутри, в некоем подобии гнезда, свитого из лесов, лестниц и тележек с инструментами, стояла модифицированная Цессна, подвешенная к кабелю дополнительного источника энергии. Артемис выткнул кабель из розетки на фюзеляже и забрался в кабину. Он пристегнулся в кресле пилота, пытаясь вспомнить, когда он в первый раз вел самолет в одиночку.

– В девять лет. Мне даже потребовалось детское сиденье, чтобы сесть повыше.

Двигатели включились почти сразу и бесшумно. Единственный шум исходил от вращения пропеллеров и переключателей, которыми щелкал Артемис, выполняя предполетную подготовку.

В общем и целом, новости были хорошими. Мощность на уровне восьмидесяти процентов. Это позволит маленькому самолету пролететь несколько сотен миль. Достаточно просто будет потанцевать с Опал в воздухе, прогулявшись с ней вдоль ирландских побережий. Однако звуки, которые издавал летательный аппарат, не внушали доверия, к тому же крепления были довольно старыми.

– Не давай ей приблизиться больше, чем на триста метров.

– Все будет в порядке, – сказал Артемис пассажиру внутри своей куртки. – Вот увидишь.

Было ли это правдой Он не был в так этом уверен, как говорил.

Высокая лужайка была широкой и длинной и близ стен поместья имела легкий уклон вверх. Артемис вывел Цессну из ангара и сделал крутой поворот, чтобы дать себе побольше форы. При наилучших стечениях обстоятельств пятисотметровой взлетной полосы хватит за глаза, чтобы оторваться от земли. Но

дул попутный ветер, к тому же трава была немного выше, чем ей следовало быть.

– Несмотря на это, у нас все получится. Я бывал и в переделках похуже.

Взлет был сделан так, как описывался в руководстве. Артемис установил переднее колесо на отметке в три сотни метров и ему раскрылся удобный вид на северную стену. Даже с такой малой высоты он мог видеть Ирландское море к западу, с черными излучинами и солнечными лучами, прорезающими верхушки волн.

Он чуть было не поддался желанию, которое охватило его буквально на малую долю секунды, – просто бежать. Но ему удалось себя пересилить.

– Сильно ли я изменился – Спрашивал Артемис самого себя. Он осознал, что все дальше уходит от преступлений, которые раньше ему казались весьма заманчивым предприятием. Совсем недавно он пошел бы на любой вид преступления.

– Все же нет, – решил он. – В мире все еще есть люди, которые заслуживают быть обворованными, или разоблаченными, или быть брошенными в самое сердце джунглей с одной лишь петардой и ложкой. Ему еще придется приложить усилие, чтобы найти таких людей.

Артемис активировал камеры, расположенные на крыльях. Был один такой человек, который заслуживал подобного к себе отношения. Личность, страдающая манией величия, бессердечная пикси. Опал Кобой. Артемис мог видеть ее, направлявшуюся к особняку, нахлобучивавшую шлем Элфи поверх своих ушей.

– Этого я и боялся. Она додумалась захватить с собой шлем. Бесценное, в сложившихся для нее обстоятельствах, оборудование.

Все же, у него не было другого выхода, кроме как привлечь ее внимание. На кону были жизни его друзей и близких. Артемис снизился до тридцати метров, следуя за Опал к особняку. Заслышав гул, Опал остановилась, вскинув голову, пытаясь поймать взглядом маленький самолет.

– Ну давай же, Опал, – думал Артемис. – Съешь наживку. Включи инфракрасные фильтры.

Опал целеустремленно направлялась к особняку, пока не была поймана в кольцо бойцов ЛеППРЕКОНа, которые наступали на пятки друг другу.

– Дурацкие высокие эльфы, – яростно думала она, оправдываясь перед собой. – Когда я стану королевой – нет, – когда я стану императрицей, – я заставлю всех высоких эльфов модифицировать свои ступни. Или, еще лучше, я вживлю себе

гипофиз, чтобы быть самой высокой среди эльфов. Я буду превосходить всех представителей волшебного народца, физически и умственно.

В ее планах также значилось создать косметическую маску для лица из плесневого грибка, которая приведет к ней толпы фанатов. Гомеопатическое кресло, с массажными насадками и детекторами настроения, которые могли бы понять ее чувство юмора и распространить запахи, помогающие ей лучше расслабиться.

Но этим планам следовало дожидаться, пока она не станет императрицей. Сейчас же ее первостепенной целью была поимка лемура. Без его мозговой жидкости потребуются годы, чтобы воплотить ее планы в жизнь. К тому же магия была куда проще науки.

Опал надела шлем Элфи себе на голову. Пластинки внутри шлема автоматически подстроились под форму ее черепа. Она без труда обошла меры безопасности, для чего ей пришлось сделать несколько подмигиваний и жестов руками. Эти ЛеППРЕКОНовские шлемы не были и вполтину столь совершенными, сколь образцы в ее научно-исследовательских лабораториях.

Как только функции шлема стали ей доступны, кристаллы видеодисплея зашипели и засветились алым. Боевая готовность! Что-то приближалось. Трехмерный радар обнаружил небольшой самолет прямо у нее над головой, программа тут же опознала в нем Цессну, построенную людьми.

Она поспешно набрала последовательность команд, выбрав тепловой сканер, и шлем проанализировал электромагнитное излучение, исходящее от самолета. Солнечные панели слегка фонили, но сканирование выделило оранжевую каплю в кресле пилота. Всего один пассажир. Биометрический сканер шлема опознал в пилоте Артемиса Фаула и нарисовал трехмерную фигурку его худого тела.

– Один пассажир. – пробубнила Опал. – Ты пытаешься увести меня подальше от дома, Артемис Фаул Поэтому ты летишь так низко

Но Артемис знал, как устроены технологии, и предугадал, что покажет тепловизор.

– Что спрятано у тебя в рукаве – заинтересовалась пикси. – Или, если быть точнее, под твоей рубашкой

Она приблизила изображение сердца Артемиса и увидела тепло еще одного, накладывающегося поверх первого, которое можно было отличить только по чуть более темным оттенкам красного.

Даже в этот безнадежный момент, Опал не смогла ничего с собой поделывать – она восхищалась этим молодым человеком, который пытался замаскировать тепло лемура своим собственным.

– Умно, но не слишком изобретательно.

А ему нужно было быть чертовски изобретательным, чтобы победить Опал Кобой. Привести обратно второго Артемиса было ловким трюком, но она все еще может поймать его.

– Меня однажды уже чуть не погубила моя самоуверенность – поняла она. -Больше подобное не повторится.

Шлем автоматически настроился на частоту переговорного устройства, установленного на Цессне, и Опал отправила Артемису небольшое сообщение.

– Я иду за лемуром, мальчишка, – сказала она, и импульс магии заставил затрепетать крылья ее костюма. – И в этот раз другого тебя, чтобы спасти тебя, рядом не будет.

Артемис не мог чувствовать или видеть множество лучей, которое пронизывало Цессну, но предполагал, что Опал использует тепловизор, встроенный в шлем, чтобы узнать, сколько теплокровных существ находится в самолете. Возможно, она также использует рентгеновские лучи. Со стороны могло показаться, что он в самолете один, но попытка замаскировать сердцебиение Джей-джея своим собственным была весьма логичной, и эта уловка не смогла бы обмануть Опал, которая распознала бы второе сердцебиение. Когда пикси окончательно уверится в том, что ее приз ускользает от нее, как она могла может не последовать за ним

Артемис взял право руля, чтобы Опал была в области видимости камеры и остался удовлетворен, увидев, как из отверстий костюма Элфи расправляются крылья.

– Погоня началась.

Настало время сыграть роль наживки, притворившись, что он пытается уйти.

Артемис взял курс в сторону от поместья, направив самолет над глубоким, окрашенным в пурпур, морем, совершая трудные маневры, и был приятно удивлен тем, как самолет плавно набирает скорость. Аккумуляторы равномерно питали двигатели энергией, при этом не загрязняя атмосферу ни граммом углекислого газа.

Он посмотрел на камеру, установленную на хвосте самолета и не очень-то удивился, когда обнаружил летящую пикси на своем мониторе.

– Ее контроль над магией подавлен снотворным – предположил он. – Опал, возможно, едва хватило энергии, чтобы

стартовать. Но вскоре действие дротика закончится, и крылья моего самолета вполне могут озариться молниями магического происхождения.

Артемис повернул к югу, следуя изрезанной линии побережья. Шум и суета Дублинских высоток, смрад, источаемый трубами и рой гудящих вертолетов – вот что было на пути к распростершимся серым скалам, оттененным лезвием железной дороги, протянувшейся с севера на юг. Море обрушивалось на берег, пропуская через миллионы своих пальцев песок, гальку и глинистый сланец.

Рыбачьи лодки с пыхтением плыли от буя к бую, оставляя за собой пенный след, похожий на белую змею на поверхности моря. Матросы с помощью бугров вытаскивали из специальных горшков пойманных лобстеров. Свинцовые облака висели на уровне четырех тысяч метров, дождь зрел в их утробах.

– Тихий, мирный вечерок, если только никто не посмотрит в небо.

На такой высоте скрытую облачностью фигуру Опал можно было спутать с орлом.

Самолет Артемиса вел себя хорошо несколько долее, чем он на то надеялся. Ему удалось улететь на целых шестьдесят миль, и даже не претрепетать столкновения с Опал. Артемис позволил себе слабую надежду.

– Скоро, – думал он. – Подкрепления ЛеППРЕКОНа скоро будут здесь.

Затем его радио ожило.

– Артемис Где ты, Артемис

Дворецки. Его было еле слышно, и так было всегда, прежде чем выяснялась вся серьезность происходящего.

– Дворецки, мой друг. Есть хорошие новости

Телохранитель выдохнул в микрофон, пытаясь справиться с оцепенением.

– Они не отправятся за Цессной. Не ты их приоритетная цель.

– Номер Первый. – сказал Артемис. – Им нужно поскорее спрятать его под землей. Я понимаю.

– Да. Его и...

– Больше ничего не говори, старый друг, – резко оборвал его Артемис. – Опал нас тоже слышит.

– ЛеППРЕКОН прибыл, Артемис. Я хотел бы, чтобы ты повернул и летел назад.

– Нет. – кратко ответил Артемис. – Я не стану еще раз подвергать мою мать риску.

Артемис услышал странный скрипучий звук и догадался, что Дворецки только что согнул подставку микрофона.

– ОК. В таком случае в другом месте. Где-нибудь, где мы могли бы окопаться.

– Очень хорошо, я по-любому направляюсь на юг, почему бы не...

Артемис так и не окончил свои завуалированные подсказки, поскольку был оглушен всышкой белого шума. Еще некоторое время эхо от пронзительного звука раздавалось в его ушах, и на миг он позволил Цессне дрейфовать.

Не успел он восстановить управление над самолетом, как гулкий взрыв фюзеляжа опять вырвал летательный аппарат из его рук. Несколько красных огоньков мерцали на дисплее – проблема с солнечными панелями. По меньшей мере десять панелей пострадали от удара. Артемис потратил секунду, чтобы проверить заднюю камеру. Опал больше не преследовала его. Неудивительно.

Голос пикси порвал тишину радио, в нем слышалась резкая раздражительность и дьявольская решимость.

– Теперь я сильна, Мистер Умник, – сказала она. – Действие твоего яда прошло, он вышел из моего организма. Моя сила растет и я хочу еще больше.

Артемис не участвовал в разговоре. Все его навыки и быстрое мышление были нужны для пилотирования Цессны.

Опал еще раз ударила, на этот раз по левому борту, колотя руками и предплечьями по солнечным панелям, ломая их как ребенок, который обламывает тонкий лед на поверхности бассейна, радостно молотя по нему своими кулачками. Крылья гудели, пытаясь сохранить темп. Самолет вздрагивал и не слушался управления, Артемису приходилось изо всех сил бороться со штурвалом.

– Она безумна, – думал Артемис. – Крайне безумна.

Еще он думал

– Эти панели уникальны. И она еще смеет называть себя ученым.

Опал скакала вдоль крыла, ударяя бронированной перчаткой по фюзеляжу. Все большее число панелей выходило из строя и небольшие, величиной с кулак, вмятины появлялись в поверхности корпуса из полимера над плечом Артемиса. Крошечные трещинки пошли по поверхности вмятин, и через них стал продувать ветер.

Голос Опал в микрофоне стал громче. – Приземляйся, Фаул. Приземляйся, и, может быть, я не вернусь в особняк, когда закончу с тобой. Приземляйся! Приземляйся!

Каждый следующий приказ приземляться подчеркивался ударом по кабине. Ветровое стекло обрушилось вовнутрь, осыпая

Артемиса острыми крошками плексигласа.

– Приземляйся! Приземляйся!

– У тебя есть то, что ей нужно. – напомнил себе Артемис. – Значит, у тебя есть власть. Опал не может убить Джей-джея.

Ветер ревел в лицо Артемису, и показания приборов ничего не значили, пока Опал вывела их из строя с помощью электромагнитного поля костюма ЛеППРЕКОНа. Но у Артемиса все еще оставался шанс. Фаул знал, куда он может полететь.

Он опустил нос самолета, отклоняясь влево. Опал с легкостью повторила маневр, отрывая полосы материала, из которого был сделан фюзеляж. Она была разрушающей тенью в тусклом свете сумрака.

Артемис мог почувствовать запах моря.

– Он был слишком низко. Слишком скоро.

Еще больше индикаторов загорелись красным на панели управления. Подача энергии прекратилась. Аккумуляторы были повреждены. Альтиметр крутился как волчок и тревожно гудел.

Опал была на боковом окне. Артемис мог видеть ее крошечные зубы, скалившиеся на него. Она больше не говорила – она кричала. Но радио больше не работало. Возможно, как раз к стати.

Она наслаждается жизнью. – осознал он. – Веселло, весело, весело...

[She is having the time of her life, – he realized. – Fun, fun, fun – ориг. текст]

Артемис боролся с управлением. Неприятное хлопанье было сейчас самой меньшей проблемой, о которой ему следовало бы беспокоиться. Если Опал решит перерезать еще несколько кабелей, то он потеряет даже тот призрачный контроль над самолетом, который у него сейчас есть.

Не смотря на то, что сейчас было слишком рано, Артемис все же выпустил шасси. Если Опал повредит машину сейчас, шасси останется опущенным.

Они отвесно падали вниз, вдвоем. Воробей на спине орла. Опал ударила головой и пробилась своим бронированным шлемом через оконный плексиглас, все еще истошно вопя в шлеме, брызгая слюной на стекло шлема изнутри. Давая приказания, которые Артемис не мог слышать и не мог прочитать по губам – слишком уж быстро она говорила. Он видел, что ее глаза пылали красным от магии и из ее маниакального выражения лица было совершенно ясно, что все ниточки, соединявшие ее тело с рациональным мышлением, были оборваны.

Еще крики. Бормотание за забралом. Артемис сардонически

усмехнулся, взглянув на радио, которое мертво темнело на своем месте.

Опал поймала его взгляд и подняла козырек, крича через окно, будучи слишком нетерпеливой, чтобы воспользоваться микрофоном шлема.

Отдай мне лемура, и я спасу тебя. – говорила она. Ее голос гипнотизировал. – У тебя мой...

Артемис не стал на нее смотреть, выхватил из-под кресла пистолет для пуска сигнальных ракет, и направил его ей в лицо.

– Ты не оставляешь мне иного выбора я буду стрелять. – сказал он, голос его был холодным и уверенным. Это была не угроза, это была констатация факта.

Опал поняла, что это правда, как только он закончил произносить эти слова, оттолкнулась от корпуса самолета и потянулась, чтобы опустить забрало, но сделала это недостаточно быстро, и Артемис смог попасть ей в шлем.

Опал по спиральной траектории стала удаляться от Цессны, оставляя за собой черный дым, красные искры роились вокруг ее головы подобно злым осам. Ее крылья врезались при ее столкновении с Цессной и не пережили удара. Осколки солнечных панелей мерцали звездочками и, выпадая из складок костюма Опал, оставляли след в виде перьев, которые крутились как пропеллеры вертолета и медленно опускались вниз. Аэроплан накренился на правый борт и стонал подобно раненному зверю.

– Мне нужно приземляться. Сейчас же.

Артемис не чувствовал вины за то, что он только что сделал. Сигнальная ракета не задержит Опал надолго – регенерация быстро ее восстановит. Магия уже чинила ее обожженную кожу. Самое большее, что Артемис мог для себя выгадать, – это отсрочку в несколько минут.

– Когда Опал вернется, она будет в запредельной ярости. Настоящий маньяк. Возможно, ее мышление будет затуманено.

Артемис жестоко улыбнулся, и на момент почувствовал себя коварным как раньше, прежде чем Элфи и его собственная мать внушили ему все эти надоедливые нравственные нормы.

– Хорошо. Затуманенное мышление моего врага может дать мне преимущество, в котором я так нуждаюсь.

Артемис выровнял самолет настолько, насколько только смог, понижая скорость снижения. Ветер ревел ему в лицо, растягивая кожу до боли. Сложив руку козырьком и прикрывая глаза рукой, он снижался в туман, развеивавшийся вращающимся пропеллером.

Мыс Хук Хед возник из черноты моря прямо под ним,

подобно стрелке серого шифера. Множество скопления огней мерцали на западе. Это была деревня Дункад, где Дворецки ожидал возвращения своего подопечного из Лимбо. Созданный с помощью магии залив, который однажды послужил прибежищем острову демонов Гибрас. Вся эта область была под активным мониторингом, и вторжение в нее заставит спектрометры ЛеППРЕКОНа взбеситься.

Темно-синее покрывало ночи быстро спадало на мир, и трудно было отличить твердую почву от мягкой. Артемис знал, что луга коврами устилали поверхность земли от Дункада до Хукхедского маяка, но мог видеть только узкую полоску изумрудной травы раз в пять секунд, когда она высвечивалась в лучах башни.

– Моя взлетно-посадочная полоса, – думал Артемис.

Он направил Цессну по наилучшей возможной траектории, снижаясь рывками, вызывающими позывы тошноты. Солнечные панели отрывались от носовой части и крыльев и тянулись вслед за самолетом мелкими обломками.

Об Опал все еще не было ни слуху, ни духу.

– Она идет за тобой. Будь в этом уверен.

С каждой вспышкой зеленого, твердая земля стремительно надвигалась, жажда встречи с ним.

– Слишком быстро, – подумал Артемис. – Я снижаюсь слишком быстро. Я никогда не получу лицензию пилота, если буду летать так, как сейчас.

Он сжал челюсти держал их сомкнутыми. Приземление обещало быть жестким.

И таким оно и оказалось, хотя кости вроде остались целыми. Однако, так было лишь в первый раз. Во второй Артемиса кинуло вперед на панешь управления, и он услышал, как его левая ключица треснула. Ужасный звук, после которого желчь хлынула ему в горло.

– Боль пока что не пришла. Лишь дикий холод. Сейчас у меня будет болевой шок...

Колеса Цессны скользили по высокой траве, покрытой морскими брызгами, более скользкой, чем даже лед. Артемис нахмурился, но не из-за своих повреждений, а из-за того, что его судьба сейчас зависела от его удачливости; он потерял контроль над ситуацией. Опал придет за Джей-джеем и он должен приложить все усилия, дабы отвлечь ее.

Происходящее снаружи прервало размышления Артемиса. Переднее колесо натолкнулось на острый камень и полностью оторвалось. Несколько секунд оно катилось рядом с самолетом, но потом упало в темноте.

Еще один удар – и Цессна упала на нос, пропеллер вспахивал землю. Снопы травы взлетали в воздух и комки грязи падали дождем через разбитое ветровое стекло.

Земля попала Артемису в рот, и он подумал – Не понимаю, что только Мульч находит в поедании земли. Суп из лобстеров куда как вкуснее.

Затем он вылез из самолета и, спотыкаясь, пошел в сторону каменистой береговой линии. Артемис не звал на помощь, а даже если бы и позвал, никто бы не ему не откликнулся. Скалы зловеще чернели и были пустынно. Сильно шумело море, дул крепкий ветер. Даже если луч маяка и выхватил фигуру падающего самолета из ночного неба, прошло бы еще много времени, прежде чем безоружные, ни о чем не подозревающие крестьяне пришли на помощь. А к тому времени было бы уже слишком поздно.

Артемис спотыкался, его левая рука висела плетью. Здоровой рукой он пригладил высовывающуюся из-под его куртки маленькую головку.

– Почти добрались, – проговорил он, тяжело дыша.

Два каменных выступа торчали из морских вод, подобно задним зубам из десен жующего табак человека. Тридцатиметровой высоты колонны из твердых скальных пород противостояли разрушительной силе ветра и волн. Местные жители называли их “Монахини” из-за того, что те выглядели как сестры. Всюду свои обычаи.

Монахини были местной достопримечательностью, подвесные мосты протянулись над пропастью, разделявшей Меньшую Сестру и Мать-Настоятельница. Дворецки однажды сказал Артемису, что потратил много бессонных ночей, сидя на втором камне с биноклем ночного видения, обозревая океан в поисках знаков, предвещающих появление Гибраса.

Артемис ступил на первый пролет моста. Тот закачался и слегка закрипел под его ногами, но выдержал. Сквозь щели меж досок моста он мог разглядеть море, шумевшее далеко внизу, галька проступала через поверхность подобно грибам из глинистой почвы. На одном из нижних камней, в неловкой позе лежало тело несчастной собаки, как суровое напоминание о том, что может с вами случиться, если вы оступитесь, находясь на Монахинях.

– Я спешу, а впереди только тупик, – сказал он себе. – Как только я достигну второго камня, мне будет некуда идти – только вниз.

Но выбора не было. Быстрый взгляд через плечо подсказал ему, что Опал приближается. Ему даже не потребовались его

солнцезащитные очки со встроенными в них фильтрами, чтобы разглядеть ее. У пикси не было достаточно магии, чтобы тратить ее на невидимость. Она, пошатываясь как зомби, прошла через луг, красное свечение магии освещало ее лицо изнутри шлема, ладони были сжаты в кулаки. Ее раскрытые крылья были изорваны в клочья. Она не смогла бы на них пролететь и пары метров. Только лишь сила Джей-джея могла сейчас спасти Опал. Он был ее последней надеждой на победу. Если она скоро не впрыснет себе его мозговую жидкость, то, вне всяких сомнений, вскоре на защиту животного, чья жизнь в опасности, придет ЛеППРЕКОН.

Артемис шел по мосту, стараясь не задевать ограждение своей болтающейся рукой. Странно, но хоть они и испытывал постоянную боль, она была, зато при каждом шаге его грудь пронзала раскаленная до бела молния агонии.

– Отвлечь ее еще ненадолго. Потом, несомненно, должна прибыть кавалерия. Крылатая, невидимая кавалерия. Они же его не бросят, правда

– Фаул! – услышал он крик сзади. Ближе, чем он ожидал. – Отдай мне обезьяну!

Голос пронизывали нотки магии. Не смотреть ей в глаза. Не позволять себя загипнотизировать.

– Обезьяну, – подумал Артемис, ухмыляясь. – Ха-ха.

Он продвигался все дальше и дальше над пропастью. Чернота была над и под ним, звезды сверкали и в небе, и в море. Волны ревели как тигры. Голодные тигры.

Артемис, спотыкаясь, шел к первой Монахине. “Меньшой Сестре”. Ступать по обветшавшей плоской возвышенности было опасно. Его нога заскользила по поверхности, и он, кружась, проехал на противоположную сторону вершины, как танцор на балу с невидимой партнершей.

Он услышал, как Опал издала пронзительный крик ужаса. Смерть Джей-джея сейчас была бы для нее катастрофой, поскольку она бы застряла в этом времени, у нее на хвосте был бы весь ЛеППРЕКОН и не было бы сил.

Артемис не смотрел назад, хотя ему сильно этого хотелось. Он мог слышать Опал, клацающую зубами, с каждым вздохом изрыгавшую проклятия. Слова звучали почти комически, когда она произносила их своим детским голоском пикси.

Идти было некуда – только вперед. Артемис почти упал на второй пролет моста, заставив свое тело двигаться вдоль поручней, пока не оказался на “Матери-Настоятельнице”. Местные говорили, что если во время восхода солнца встать в правильном месте на побережье и слегка скосить глаза, то можно

разобрать суровые черты на лице Матери-Настоятельницы.

Сейчас же скала просто дышала суровостью. Гнетущей и неумолимой. Она не простит ни один неверно сделанный шаг.

Артемис упал на колени, оказавшись на грибовидном выступе плато, прикрывая свой левый локоть правой ладонью.

– Скоро, очень скоро шок и боль переселят меня. Но не сейчас, гений. Сфокусируйся.

Артемис глянул внутрь своей куртки. Внутри было пусто.

– Выпал, когда он был на Сестре. Ждет Опал.

Его догадки подтвердил неожиданно раздавшийся сзади вопль наслаждения. Артемис медленно повернулся, ожидая встретиться со своим врагом лицом к лицу. Казалось, он сражался с ней целую вечность.

Пикси стояла на самой верхушке камня, почти танцуя вокруг предмета своего восхищения. Артемис мог видеть маленькую неистовую фигурку, свешивавшуюся с края плато.

– Он у меня, – хихикала Опал. – Несмотря на всю свою гениальность. Несмотря на свой огромный мозг. Ты выронил его! Ты просто выронил его!

Артемис почувствовал, как боль залила его плечо. Через минуту будет еще хуже, он был в этом уверен.

Опал проятнула обе руки навстречу своей награде.

– Он мой, – сказала она с благоговением, и Артемис мог поклясться, что услышал гул грома в отдалении. – Высшая магия теперь моя. Лемур у меня.

Артемис проговорил ясно, так, чтобы его слова можно было слышать через расстояние, разделявшее их.

– Это не лемур, – сказал он, – это обезьяна.

Улыбка Опал замерла на ее лице, обнажая ее мелкие зубки, она схватила то, что, она думала, было Джей-джеем. Фигурка обмякла в ее руках.

– Игрушка – выдохнула она. – Это игрушка.

Триумф Артемиса был омрачен болью и измождением, напавшим на него. – Опал, познакомься с Профессором Приматом, игрушкой моего брата.

– Игрушка, – повторила Опал тупо. – Но там же было два бьющихся сердца. Я их видела.

– Гель реагирующий на микроволны, упакованный в пенопласт, – объяснил Артемис. – Все кончено, Опал. Джей-джей сейчас в Гавани. Тебе его не достать. Сдавайся, и мне не придется причинять тебе вред.

Черты лица Опал исказила ярость.

– Причинять вред мне Причинять вред мне! – Она швырнула игрушечную обезьяну на поверхность скалы и била ей до тех пор,

пока ее внутренности не выпали наружу. Металлический голос зазвучал из динамика

– Этот день войдет в историю... Этот день... Этот день войдет в историю...

Опал взвизгнула, и красные искорки забурлили вокруг кончиков ее пальцев.

– Я не могу летать и стрелять молниями, но у меня достаточно магии, чтобы поджарить твои мозги.

Мечты Опал о высочайшей власти улетучились. На тот момент все, чего она хотела – это убить Артемиса Фаула. Она ступила на второй пролет, и убийство читалось в ее глазах.

Артемис устало встал, нашаривая что-то в своем кармане.

– Твоя броня должна спасти тебя, – сказал он Опал, его голос затих. – Это будет просто ужасно, но ЛеППРЕКОН тебя откопает.

Опал Рассмеялась – Еще один тактический прием. Блеф и двойной блеф. Но сейчас не время, Артемис.

– Не заставляй меня это делать, Опал, – взмолился Артемис. – Просто сядь и жди, пока прибудет ЛеППРЕКОН. И никто не пострадает.

– О, я думаю, кому-то все же придется пострадать, – сказала Опал.

Артемис достал из своего кармана модифицированный лазер, активировал луч наведения и навел его на основание Меньшой Сестры.

Что ты собираешься этим сделать Тебе потребуется сотня лет, чтобы пробить эту скалу.

– А я и не пытаюсь пробить ее, – сказал Артемис, сдвигая луча с места. – К тому же, это не скала.

Опал подняла руки вверх, искры вились вокруг ее пальцев, как колючая проволока.

– Пора кончать разговоры.

Лазерный луч Артемиса врезался глубоко в основание Сестры, пока не пробил внешнюю оболочку и не достиг кармана под ней, в котором накопился метан.

Меньшая Сестра на самом деле не была скалой. Это был седьмой кракен, которого привлек резонанс магии, исходившей от Гибраса. Артемис годами изучал его. Даже Жеребкинс не знал, что этот кракен был здесь.

Прогремел большой взрыв, колонна огня взметнулась в воздух на высоту пятнадцати метров. Внешняя оболочка под Опал сложилась, засосав ее в вихрь шрапнели.

Артемис услышал глухой звук ее ЛеППРЕКОНовской брони, изгибавшейся, чтобы смягчить удары.

– Броня Жеребкинса должна ее спасти.

Сам он распластался на поверхности своего камня, и дождь из камней, водорослей и даже рыб обрушился на его спину и ноги.

– Только удача поможет мне сейчас спастись. Одна лишь удача.

И удача спасла его. На плато рухнуло несколько обломков порядочного размера, но ни один из них не попал в Артемиса. Его накрыло градом мелких камней, и на теле остались сотни синяков и порезов, вдобавок к его повреждениям, но ни одна кость не была переломана.

Когда мир вокруг него перестал вибрировать, Артемис подполз к краю морской колонны и глянул в бурлящее внизу море. Пирамида из камней слегка дымилась в волнах на том месте, где раньше был кракен. Огромный зверь медленно уплывал, собираясь найти другой источник магии. Нигде не было следов Опал.

– ЛеППРЕКОН найдет ее.

Артемис перевернулся на спину и уставился на звезды. Он часто так делал, и взгляд вверх обычно заставлял его мечтать о том, как бы он мог добраться до планет, вращающихся вокруг этих светящихся булавочных головок, и что он встретит на этих планетах. Этим же вечером звезды просто заставляли его чувствовать себя крошечным и незначительным. Мир вокруг него был обширен и могуч, и, в конечном итоге, он проглотит его, даже саму память о нем. Он лежал на плато один, замерзший, ожидая чувства триумфа, которое, как он осознал, так никогда и не придет. Он слышал крики крестьян, которые направлялись к нему через луг.

Элфи прибыла раньше крестьян, скользя, спустившись с севера, бесшумно приземлившись на морском камне.

– Ты можешь летать, – заметил Артемис так, как будто никогда этого раньше не видел.

– Я одолжила костюм у одного из телохранителей Номера Первого. Ну, я сказала “одолжила”, хотя на самом деле мне пришлось...

– Как ты меня нашла – спросил Артемис, хотя уже начал догадываться.

– О, я увидела огромный взрыв и подумала, “Кто бы это мог быть”

– Хм, – сказал Артемис, – Похоже, мне не удалось остаться незамеченным.

– Ага, а еще я следовала за радиационным следом, который оставлял мой костюм. Я все еще следую за ним. – Элфи притронулась пальцем к смотровому стеклу своего шлема и

сменила фильтр. – Опал завалена довольно-таки большой кучей камней. Команде спасателей потребуется время, чтобы откопать ее. Подобное частенько случается с туннельными гномами. Что ты с ней сделал

– Седьмой кракен, – объяснил Артемис. – Тот, которого потерял Жеребкинс, полагаю, потому что этот был цилиндрической, а не конической формы. Я увидел его со спутника слежения за погодой.

Элфи провела рукой по лбу Артемиса, – Типичный Артемис Фаул. Избитый в кровь, он и в таком состоянии готов читать лекции.

Искры магии сорвались с пальцев Элфи, укрывая Артемиса в кокон. Он успокоился и почувствовал себя в безопасности, подобно ребенку, закутанному в одеяло. Его боль ушла, а сломанная ключица сначала размягчилась, а потом застыла, но уже целой.

– Неплохой трюк, – сказал он, улыбаясь, его глаза сверкали.

– Я здесь до вторника, – заметила Элфи, возвращая улыбку. – Номер Первый заправил мои баки.

Артемис усталился на своего друга через красную дымку. – Мне жаль, что пришлось тебе лгать, Элфи. Это правда. Ты так много для меня сделала.

Элфи отвела глаза. – Может быть, ты принял неверное решение; может быть, мне следовало принять это решение самой. Мы из разных миров, Артемис. У нас всегда будут сомнения насчет друг друга. Давай просто продолжать жить, оставим прошлое в прошлом, – там, где ему следует быть.

Артемис кивнул. Дела шли так, как он на то надеялся, и гораздо лучше, чем он того заслуживал.

Элфи отстегнула шнурок от своего ремня, завязав его вокруг рук Артемиса. – А теперь, давай доставим тебя домой прежде, чем крестьяне соорудят подмости.

– Хорошая идея, – пробубнил Артемис сонно, – таков был побочный эффект магического исцеления.

– Да, веришь ты в это или нет, некоторые люди изредка так и говорят.

– Изредка, – согласился Артемис, после чего его голова откинулась назад и он заснул.

Элфи изменила настройки своих крыльев, скорректировав их согласно увеличившемуся весу, после чего вместе со спящим Артемисом прыгнула с края скалы, и полетела как можно ниже, пытаясь избежать фонарей местных жителей, лучи которых рыскали по ночному небу подобно прожекторам.

Жеребкинс настроился на частоту шлема Элфи, пока та была

в полете.

– Седьмой кракен. Я догадывался. Конечно, у меня были подозрения... – он сделал паузу, – Должно быть, нам представился чудесный шанс стереть память Артемиса, – сказал он. – Это спасет нас от множества бед и несчастий в будущем.

– Жеребкинс! – сказала шокированная Элфи, – Мы не стираем память своих друзей. Артемис вернул нам Джей-джея. Кто знает, сколько еще лекарств находится в мозгах этого лемура.

– Я пошутил. Просто пошутил. И, знаешь что Нам даже не придется просить Джей-джея позволить нам взять у него немного мозговой жидкости. Номер Первый синтезировал ее, пока мы дожидались шаттла. Этот парень единственный в своем роде.

– Кажется, мне все чаще и чаще приходится встречаться с такими, как он. Кстати, нужно бы послать за Опал команду спасателей.

– Они уже в пути. Думаю, тебе придется расхлебывать заварившуюся кашу, когда ты прибудешь сюда.

Элфи фыркнула, – Что новенького

Жеребкинс молчал, ожидая, пока Элфи расскажет ему подробности о своих приключениях. В конце концов, он не вытерпел.

– ОК, ты выиграла. Я сам тебя спрошу. Что случилось тогда, восемь лет назад Мой Бог, должно быть, был сплошной беспорядок.

Элфи почувствовала покалывание на губах, в тех местах, которыми она поцеловала Артемиса.

– Ничего. Ничего не случилось. Мы ушли, забрали лемура, и вернулись. Парочка глюков, но, очевидно, ничего, с чем мы не смогли бы справиться.

Жеребкинс не настаивал на подробностях. Элфи сможет рассказать ему, когда сможет обдумать случившееся.

– Уж не думаешь ли ты, что все может пройти по сценарию – ты идешь на работу, делаешь то, что нужно, и просто возвращаешься домой Никаких приключений.

Элфи смотрела на океан, мерцавший внизу, ощущая вес Артемиса Фаула на своих руках.

– Нет, – ответила она. – Я никогда так не думаю.

ГЛАВА 16: Команда парикмахеров.

Меньше, чем через час, они приземлились около поместья Фаулов. Артемис проснулся в тот момент, когда Элфи спрыгнула на гравий. Он был бодр и полон сил.

– Волшебство – замечательная штука, – сказал он, двигая левой рукой.

– Ты должен сдерживать себя, – язвительно заметила Элфи. – Как ни странно, но если бы я не попыталась вылечить твою мать, то Опал сама помогла бы ей выздороветь. Именно мое путешествие в прошлое дало Опал основание для ее плана, который она воплотила в будущем.

– Спящим ты мне нравишься больше, – добавила Элфи, сматывая трос пояса. – Моя голова меньше болит.

– Это все – парадокс времени. Если бы я ничего не сделал, то ничто не должно было произойти.

Малой коснулась шлема.

– Дай мне связаться с Жеребкинсом. Вы двое могли бы говорить одновременно.

Свет от уличных фонарей мягко падал на гравий, придавая камешкам блеск драгоценностей. Высокие вечнозеленые деревья покачивались от лёгкого ветерка, шелестя листьями. Как энты, существа из мира Толкиена.

Артемис смотрел, как Элфи подходила к главному входу.

«Если бы только, – думал он. Если только».

Номер Первый сидел на передней ступеньке, окруженный группой офицеров ЛеППРКОНа, которые были вооружены новейшим оборудованием, придуманным Жеребкинсом. Артемис знал, что его код ДНК был занесён в их оружие и все, что они должны были сделать, выбрать его из списка и тогда спасения не будет. Джей-джей свернувшийся вокруг короны из символов на голове демона, издавала напоминал охотничью кепку, и ему видимо было там очень удобно. Он встрепнулся, увидев Артемиса, и прыгнул в руки к мальчику. Дюжина винтовок сразу же подали звуковой сигнал, и Артемис догадался, что его код уже был выбран...

– Привет, маленький друг. Как тебе подарок?

Номер Первый ответил за лемура.

– Ему это очень нравится. Особенно теперь, когда больше никто не будет тыкать ему в голову всякие иглы.

Артемис кивнул.

– Вы клонировали мозговую жидкость. Я думал, что мог бы быть альтернативный выход. Где Доктор Шолк?

– Он потерял сознание, как только Опал отбыла. Дворецки оставил его в комнате для гостей.

– А Артемис младший?

– В действительности ты Артемис младший, – ответил Номер Первый. – Но я понял, о чем ты меня спрашиваешь. Твоё альтер-эго сам вернулся назад, в свое время. Я послал одного из капитанов и остался здесь как маяк. Я думал, что ты захочешь отправить его обратно как можно скорее, потому что твой отец и

близнецы скоро будут дома.

Артемис пощекотал Джей-джея под подбородком.

– Это может добавить проблем.

Элфи была обеспокоена.

– Я знаю, что мы обещали не стирать ему память, но я особенно не взволнована, что есть Фаул, бегущий вокруг с волшебным знанием в его, сбившемся с правильного пути, сознании.

Артемис поднял бровь.

– Сбившейся с правильного пути? Прелестно.

– Эй, если взорвешься в припадке????? *я не понимаю, можно перевести по разному, но это может из-за глав 12-15*

– Эй, если откидная створка соответствует...

Бесенок побледнел, если конечно вы сможете себе это представить. Согнув хвост, он присел на него.

– Никто не обещал, что память не будут стирать, точнее никто не сказал мне.

Элфи уставилась на него.

– Значит ты стер ему память?

Номер Первый кивнул.

– И Шолку. Я также оставил немного гипнотической магии в глазных яблоках молодого Артемиса, таким образом Дворецки тоже всё забудет. Ничего с ними не произошло, только общая потеря памяти. Их сознание заполнит промежутки, придуманными воспоминаниями.

Элфи дрогнула.

– Ты оставил магию в его глазных яблоках. Это ужасно.

– Ужасно, но изобретательно, – сказал Артемис.

Эльфийка была удивлена.

– Ты не кажешься слишком возмущенным. Я уже жду долгую речь, ты закатываешь глаза, махая руками, начинаешь нести всякую чушь...

Артемис пожал плечами.

– Я знал, что это случится. Я не помнил ничего, значит, у меня, скорее всего, стерли память, поэтому мы победили.

– Ты всегда знал.

– Я не знал, какова будет цена этому.

Бесенок вздохнул.

– Получается, что я – обуза, как вы, люди, говорите?

– Абсолютно, – сказала Элфи, хлопнув его по плечу. – Теперь я чувствую себя намного лучше.

– На положительной стороне, я поддержал состояние твоих атомов. Твои атомы были не готовы к временному потоку. Я поражен, что ты все еще в одном теле. Я могу только вообразить,

как трудно тебе было сконцентрироваться.

– Хорошо, ты поддержал мое тело, и я должен попросить еще одну вещь, – сказал Артемис. – Ты мне нужен, чтобы послать предупреждение в прошлое.

– Мне приказали не открывать снова туннель времени, но возможно мы можем повернуть назад еще одну вещь, – сказал Номер Первый.

Артемис кивнул.

– Это – то, что я думал. Когда и где?

– Элфи знает. Вы можете сделать это в Таре.

– Как ты оставил изумительный? {а как еще перевести? – «How do you spell stupendous»}- сказала Элфи, улыбаясь.

Артемис отстранился, вытягивая шею, чтобы посмотреть на переднее окно комнаты его родителей. Джей-джей подражал этому действию – он забрался на плечи Артемиса и задрал головку.

– Я почему-то боюсь подниматься...

Он заметил, что скручивает свои пальцы, и спрятал их в карманы пиджака.

– Что она, должно быть, закончила, все из-за моего вмешательства. Что она должна иметь.

– Не забывай нас, – вставил замечание Номер Первый.

– Мы были погружены в жир животных. Ты понятия не имеешь, как это ужасно. Остатки магии в глазных яблоках – воплощение хорошего вкуса по сравнению с жиром животных.

– Я была превращена в подростка, – сказала Элфи, мигнув Артемису. – И была слабее.

Это вызвало улыбку на лице Артемиса.

– Странно, все это легкое чувство не заставляет меня чувствовать себя немного лучше. Оружие ДНК тоже не помогает.

Элфи показала жест команде ЛеППРКОНа, чтобы ей уступили место, затем немного наклонила голову, поскольку ей пришло сообщение.

– Рядом есть вертолет. Это твой отец. Они вернулись.

Номер Первый покачал пальцем.

– И это не просто формальное выражение. Мы действительно должны лететь. Я знаю, что люди используют то выражение, даже когда они не намереваются фактически лететь, только чтоб избежать неприятностей.

– Я понял это, Номер Первый, – сказал Артемис мягко.

Элфи подняла предплечье, и Джей-Джей скакнул на него.

– Ему будет безопаснее с нами.

– Я знаю.

Он повернулся к Элфи, встречая ее пристальный взгляд. Синие и ореховые глаза.

Она пристально глядела назад в течение секунды, затем активизировала ее крылья, поднимаясь невысоко от поверхности.

– В другой раз, – сказала она, и поцеловала его в щеку.

Он был в парадной двери раньше, чем Элфи позвала.

– Ты знаешь кое-что, Фаул? Ты сделал хорошее дело. Ради самого себя. Ты не получил ни пенни.

Артемис скорчил лицо.

– Я знаю. Я потрясен.

Он смотрел вниз на свои ступни, составляя содержательное замечание, но когда он снова поднял взгляд, улица была пуста.

– До свидания, мои друзья, – сказал он. – Заботьтесь о Джей-Джее.

Артемис слышал винт вертолета вдалеке, к тому времени, когда он дошел до спальни его матери. У него была идея, что сделать, но у него было чувство, что Артемис Старший не будет требовать деталей, как только он увидит Ангелину в хорошем здоровье.

Артемис сжимал пальцы, пробуждая в себе храбрость, затем вошел в спальню. Кровать была пуста. Его мать сидела у туалетного столика, расчесывая волосы.

– О дорогой Арти, – сказала она в ложном ужасе от ее отражения в зеркале. – Посмотри на меня. Мне срочно нужна команда парикмахеров, немедленно вызови их из Лондона.

– Ты прекрасно выглядишь, мама. Прекрасно. Замечательно.

Ангелина расчесывала свои длинные волосы расческой, украшенной жемчугом, она поблескивала с каждым взмахом.

– Я была в плохом состоянии в последнее время, да?

– Да. Ты была больна. Но сейчас тебе лучше.

Ангелина встала с пуфика, на котором сидела, и протянула руки.

– Иди ко мне, мой герой. Обними свою мать.

Артемис был счастлив сделать это, услышав ее последние слова. Мысль ударила его. Герой. Почему она называла его героем? Вообще, жертвы гипноза не помнят ничто из стертого. Но Дворецки помнил то, что Опал сделала ему; он даже описал это Артемису. У Шолка тоже была стерта память. А что с матерью?

Ангелина крепко его прижала.

– Арти, ты так много сделал. Ты рисковал всем.

Роторы были громки теперь, пугая окна. Его отец был дома.

– Я не сделал ничего особенного, мама. Это сделал бы любой сын.

Ангелина качала его голову, как в колыбели в своей руке. Он почувствовал слезы на ее щеке.

– Я знаю все, Арти. Все. То существо оставило мне ее воспоминания. Я пыталась бороться с ней, но она была слишком сильна.

– Какое существо, мама? Это была лихорадка. Это была просто галлюцинация – вот и все.

Ангелина держала его под рукой.

– Я была в больном аду мозга того эльфа, Артемис. И не смей мне лгать и говорить, что это не так. Я видела, что твои друзья почти умерли, чтобы помочь тебе. Я видела, как у Дворецки остановилось сердце. Я видела, что ты спас нас всех. А теперь посмотри мне в глаза и скажи, случалось ли такое.

Артемис нашел трудным встретить взгляд матери, и, когда он сделал, было невозможно лечь.

– Это произошло. Все это. И даже больше.

Ангелина нахмурилась.

– У тебя один глаз карий. Почему я не замечала это?

– Я гипнотизировал тебя, – сказал Артемис несчастно.

– И отца тоже?

– И его тоже.

Внизу слышался звук открытой двери. В холле были слышны шаги его отца, а затем на лестнице.

– Ты спас меня, Артемис, – сказала его мать поспешно. – Но у меня такое чувство, что весь твой гипноз в некотором роде помещал нас в эту ситуацию. Таким образом я хочу знать все. Все. Ты меня понимаешь?

Артемис кивнул. Он даже и не догадывался, как избежать этого. Он был в тупике, и единственный выход был полной честностью.

– Теперь мы дадим отцу и близнецам время, чтобы обнять меня и поцеловать, а потом мы поговорим. Это будет наша тайна. Понятно?

– Понятно.

Артемис сидел на кровати. Он снова чувствовал эти шесть лет, когда он был пойман хакающим школьные компьютеры, чтобы сделать испытательные вопросы немного более стимулирующими.

Его отец был на приземлении теперь. Артемис знал, что его секретная жизнь закончилась сегодня. Как только он останется с матерью наедине, ему придется ей все рассказать. Похищения, восстания, прогулки во времени, восстания гоблинов. Все.

«Абсолютная честность», – подумал он.

Артемис Фаул дрожал.

Несколько часов спустя, спальня хозяев была преобразована вихрем, известным как Беккет Фаул. На вечернем столе были коробки пиццы и картины, нарисованные пальцами томатной пастой на стене. Беккет одел одну из футболок отца, которую он опоясал вокруг талии. Он нарисовал тушью усы, и шрамы помадой и изображал битву с невидимым врагом, используя одну из старых протезных ног его отца как меч.

Артемис заканчивал его объяснение удивительного восстановления Ангелины.

– И затем я понял, что мама так или иначе больна Лихорадкой Перчаточника [Mother had somehow contracted Glover's Fever – исх. текст], которая обычно есть только на Мадагаскаре, таким образом, я нашел естественное лечение, о котором мне рассказали местными жителями и управлял этим. Помощь была непосредственна.

Бекетт заметил, что Артемис прекратил говорить и трагически вздохнул. Он поехал на воображаемой лошади поперек комнаты и тыкнул Майлса протезом отца.

– Хорошая история? – он спросил его близнеца.

Майлс спустился с кровати и наклонился к уху Бекетта.

– Артемис – простак, – уверял он.

Полуостров Крюк, Ирландия

Командор Подземной Полиции Труба Келп сам руководил Поисковой командой, которая откапывала Опал Кобой из щебня. Они надували неправильной формы воздушные пузыри над рабочей зоной, так они могли включать лазеры шаттла без опасения быть обнаруженными.

– Торопись, Фурти, – прокричал Труба в открытый проход. – У нас всего один час до восхода солнца. Давайте заберем эту мегаманьячку пикси оттуда назад в ее собственное время.

Им повезло, что в их команде работал гном. Обычно гномы чрезвычайно неохотно работали с властями, но этот согласился, пока его не заставляли работать ни в один из 190 с лишним праздников гномов, и если ЛЕПРЕКОН платил ему, как консультанту непомерную плату.

Но в такой ситуации, как эта, гномы неоценимы. Они могут работать со щебнем, как никто другой. Если вы хотите раскопать кого-нибудь живого, то только гномы могут это сделать. Все, в чем им нужно, это распушить свою бороду над поверхностью, и они могут сказать вам о том, что происходит под землей больше, чем любое количество сейсмического или геологического оборудования.

Сейчас Труба контролировал продвижение Фурти Пулчейна сквозь обломки кракена через передающую камеру его шлема. В фильтре ночного видения конечности гнома имели более бледный оттенок, чем обычно. Одна рука направляла наконечник флакона с укрепляющей пеной, покрывая стену тоннеля в опасных местах, а другая находилась под бородой, чтобы вправлять нижнюю челюсть.

– Хорошо, Командор, – сказал он, делая вид, что обиделся, – Я добрался до нужного места. Это чудо, что я остался жив. Этот тоннель столь же устойчив как карточный домик в урагане.

– Да, конечно, Фурти. Ты – феномен. Теперь вытащи её и давай выбирайся из-под земли. У меня есть капитан, которого я должен приучить к дисциплине.

– Держитесь за ваши желуды, Командор. Я – слышу маяк громко и ясно.

Труба тихо закипал. Возможно Элфи Малой была не единственной, кому надо было подтянуть дисциплину.

Он следил за сигналом с его шлема. Видел как Фурти убирал в сторону камни, сорняки и осколки раковин, покрывающие костюм Малой. Но здесь не было никакого костюма. Только шлем

с его вспыхивающим передающим маяком.

– Я зря проделал весь этот путь до шлема?- сказал Фурти, расстроившись. -Нет здесь никакой пикси, только её запах.

Труба выпрямился.

– Ты уверен? Ты можешь быть не в том месте?»

Фурти фыркнул: – Да, я – около другого засыпанного шлема ЛЕППРЕКОНов. В месте я уверен.

Она ушла. Опал исчезла.

«Невозможно. Как она могла убежать?»

– Побила меня,- сказал Фурти. – Возможно она сбежала через естественный туннель. Эти пикси – скользкие маленькие существа. Я помню один случай, произошедший когда я был ребенком. Я и Керб, мой кузен, проникли в...

Труба не слушал его. Это было серьезно. Опал Кобой была на свободе. Он отправил видео запрос к Жеребкинсу на Полис-Плаза.

– Не говорите мне,- сказал кентавр, поглаживая рукой свое длинное лицо.

– Она ушла. Она оставила шлем, понимая, что маяк привлечет нас туда. Какие-нибудь еще важные части от ее костюма есть?

Жеребкинс проверил свой монитор. «Ничего. Это было ясно еще пять минут назад. Я думал, что это был сбой костюма».

Труба вздохнул. «Поднимай тревогу. Приоритет номер один. Я хочу утроенную охрану у нашей Кобой в Атлантиде. Это было бы так похоже на Опал – пытаться уничтожить себя».

Жеребкинс пошел на это. Один раз Опал Кобой почти сумела захватить власть над миром. Во второй раз, вероятно, взорвет целую галактику.

– И позвони Малой,- продолжал Командор Келп. – Сообщи капитану, что ее отпуск в выходные отменяется.

Родовое поместье Фаулов, почти восемь лет назад.

Артемис Фаул проснулся в собственной кровати, и на мгновение красные искры заплясали перед его глазами. Они искрились и гипнотизирующе мерцали перед тем, как исчезнуть.

Красные искры,- думал он.- Необычно. Я видел звезды прежде, но никогда искры.

Десятилетний мальчик потянулся, захватывая в горсти свое пуховое одеяло. Почему-то он чувствовал себя более довольным, чем обычно.

– Я чувствую себя счастливым и в безопасности, – Артемис сидел вытянувшись в струнку.- Счастливым? Я чувствую себя счастливым?

Он не мог чувствовать себя по-настоящему счастливым, так как его отец исчез, но этим утром его настроение граничило с весельем.

Возможно, это была сделка с Экстинционистами (Extinctionists). Моя первая значительная прибыль.

Нет, не то. Эта специфическая сделка оставила Артемису чувство неудовлетворенности. То есть, он не мог думать о ней и, вероятно, никогда не будет снова вспоминать о нескольких прошлых днях.

Так, что могло вызвать это чувство оптимизма? Это было что-то из сна. План. Новая схема, которая принесла бы достаточно прибыли, чтобы финансировать сто арктических экспедиций.

Да, это был он. Сон. О чем?

Это было вне досягаемости. Изображение, почти исчезающее. Лукавая улыбка появилась в углу его рта.

Феи. Что-то о феях.

Конец